

Восточный архив

№ 2 (36), 2017

Восточный архив
Издаётся с 1998 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
Свидетельство ПИ № ФС77-32098 от 30 мая 2008 г.

Индекс 65049 в подписном каталоге «Пресса России».

Редакционный совет

В.В. Наумкин – председатель
В.В. Беляков – зам. председателя
Д.Д. Васильев
В.С. Мясников
Р.Г. Пихоя
М.Р. Рыженков
Т.А. Филиппова

Редколлегия

В.В. Беляков – главный редактор
Н.К. Чарыева – ответственный секретарь
Д.Д. Васильев
Л.В. Зеленина
А.Ш. Кадырбаев

Художественное оформление

С.И. Потабенко

Вёрстка

Г.М. Абишева

Журнал издаётся Институтом востоковедения РАН
Адрес редакции: 103031, Москва, Рождественка, д. 12, комн. 213
E-mail: orientalarchive@yandex.ru

Воспроизведение или распространение полностью или частично текста «Восточного архива» в любой форме и любыми способами не допускается без письменного согласия редколлегии. Всю ответственность за точность и достоверность фактов, цитат и цифр, а также за то, что статьи не содержат данных, не подлежащих открытой публикации, несут авторы. Позиция редакции не обязательно совпадает с мнениями авторов. При цитировании ссылка на журнал «Восточный архив» обязательна.

Подписано в печать _____
Объем 12,0 п. л.
Тираж 110 экз.
Отпечатано в издательстве МВА
103031, Москва, Рождественка, 12

Цена в розницу договорная

© Авторы, 2017

© Институт востоковедения РАН, 2017

Слово редактора	3
Кадырбаев А.Ш. Российское посольство Е.В. Путятина у берегов Поднебесной	4
Беккин Р.И. Зарубежная командировка А.Э. Шмидта в Европу. 1897 г.	6
Шмидт Вальдемар. Немецкая историография переселения русских немцев в Восточную Африку	19
Беляков В.В. Бывшие русские военнопленные в Египте. 1918–1920 гг.	26
Рыбинский Николай. Под небом Африки. Русские во французском Иностранном легионе	29
Тихонов Ю.Н. Письмо Г.В. Чичерина И.В. Сталину о выполнении условий советско-афганского договора о дружбе 1921 года	38
Зайцев И.В., Лавренова О.А. Притяжение Югославии. Переписка Н.К. Рериха и А.А. Олесницкого (1932–1933)	42
Бухерт В.Г. «Необходимо укрепить изучение зарубежного Востока». Л.А. Мерварт – сотрудница Института истории АН СССР. 1938 г.	53
Антошин А.В., Сухов Н.В. Русские эмигранты в Марокко после Второй мировой войны	61
Крылова Н.Л. «Есть женщины в русской Бизерте...» Эмигранты об эмигрантках	77
Васильев Д.Д. Отечественное научное уйгуроведение продолжило традицию	89
Наши авторы	96

Oriental Archive

No. 2 (36), 2017

CONTENTS

Editor's notes	3
Kadyrbaev, Alexander. Russian Mission of Admiral Evfimiy Putyatin at the Banks of China.	4
Bekkin, Renat. Business Trip of Arabist Alexander Schmidt to Europe in 1897	6
Schmidt, Waldemar. German Historiography of Relocation of Russian Germans to East Africa	19
Belyakov, Vladimir. Former Russian POWs in Egypt. 1918–1920	26
Rybinskiy, Nicolas. Russians in French Foreign Legion	29
Tikhonov, Yuri. Letter of George Chicherin to Josef Stalin on Implementation of the Soviet-Afghan Treaty of Friendship.	38
Zaytsev, Ilya and Lavrenova, Olga. Nicolas Roerich in correspondence with Alexey Olesnitskiy. 1932–1933	42
Bukhert, Vladimir. Lyudmila Mervart at the Institute of History. 1938	53
Antoshin, Alexey and Sukhov, Nicolay. Russian Emigrants in Morocco after WW2	61
Krylova, Natalia. Russian Emigrants on Russian Ladies in Tunis	77
Vasiliev, Dimitriy. Russian Uyghur Studies Continue the Tradition	89
Contributors	96

СЛОВО РЕДАКТОРА

Дорогие коллеги!

Нынешний номер «Восточного архива» посвящён преимущественно нашим соотечественникам, заброшенным в страны Востока в XX веке. Есть, конечно, и исключения. Так, А.Ш. Кадырбаев завершает публикацию материалов о российском посольстве адмирала Е.В. Путятина в Китай в середине позапрошлого века, а Р.И. Беккин публикует письма молодого, ставшего вскоре знаменитым, арабиста А.Э. Шмидта, направленного в 1897 году для углубления знаний в страны Европы.

Статьи о соотечественниках, оказавшихся не по своей воле в странах Северной Африки, начинаются с последствий Первой мировой войны. Английские войска, сражавшиеся с турками на Ближнем Востоке, освободили большую группу российских военнопленных. Их разместили в лагере в Египте, и из-за гражданской войны в России в течение двух лет не знали, как отправить на родину. Наиболее грамотные из пленных решили заняться самообразованием и попросили у русских эмигрантов во Франции учебники. Об этом рассказывается в моём небольшом материале.

Бывших военнопленных доставляли из Африки на родину, а в обратном направлении двигались тоже бывшие – бойцы Белой армии, вытесненной из Крыма. В Турции, куда она эвакуировалась, часть солдат уговорили вступить во французский Иностранный легион и отправили в Северную Африку. Об этом один из них подробно рассказал журналисту-эмигранту Николаю Рыбинскому, чью публикацию подготовила к печати В.П. Хохлова.

В Египте, Тунисе, Марокко с 1920-х годов появились островки русской эмиграции. Н.Л. Крылова рассказывает о жёнах наших беженцев в Бизерте (Тунис), а А.В. Антошин и Н.В. Сухов – о русских эмигрантах в Марокко после Второй мировой войны.

Знаменитый русский художник Н.К. Рерих, как известно, поселился в Индии, а не в Северной Африке. Русские эмигранты, осевшие в Европе, хотели увидеть его в Югославии. В 1932–1933 годах Н.К. Рерих переписывался на этот счёт с А.А. Олесницким. Их письма публикуют И.В. Зайцев и О.А. Лавренова. А В.Г. Бухерт посвятил свой материал сотруднице Института истории АН СССР Л.А. Мерварт, предлагавшей в 1938 году укрепить изучение зарубежного Востока.

Заметным научным событием стала состоявшаяся осенью прошлого года в Звенигороде международная научная конференция по уйгуроведению. О ней рассказывает в своей статье Д.Д. Васильев, обращая внимание в первую очередь на доклады, основанные на архивных источниках.

В нынешнем номере «Восточного архива» есть, разумеется, и другие статьи. И каждая из них наверняка найдёт своего заинтересованного читателя.

Осенний номер журнала выходит накануне крупного события – IV Международной научной конференции «Архивное востоковедение». Она состоится 15–17 ноября в Москве, в Институте востоковедения. Напомню, что такие конференции проходят один раз в три года. Это будет очередная встреча многочисленных коллег, работающих в разных городах России и за её пределами, которая позволит нам обменяться нашими архивными находками. Напомню также, что статьи, основанные на докладах конференции, можно будет опубликовать в нашем журнале. До встречи!

В.В. Беляков

А.Ш. Кадырбаев

РОССИЙСКОЕ ПОСОЛЬСТВО Е.В. ПУТЯТИНА У БЕРЕГОВ ПОДНЕБЕСНОЙ. АВГУСТ – ДЕКАБРЬ 1857 ГОДА

В начале августа 1857 г. в Бохайский залив прибыл российский посол адмирал Е.В. Путятин, направлявшийся в империю Цин для заключения договора о решении пограничных вопросов между Россией и цинским Китаем. Он принял под своё командование сосредоточившуюся здесь эскадру российских боевых кораблей и вступил в контакт с местными китайскими властями в районе Тяньцзиня (близ Дагу). Однако Путятин получил официальный отказ в пропуске в Пекин, и его эскадра отправилась морем на юг – в Шанхай и Макао (Аомэнь. – *Авт.*).

«В это же время из Пекина было послано письмо нашему Сенату, в котором китайцы жаловались, что Е.В. Путятин, несмотря на дружеское их отношение к России, решился, вопреки трактатам, проникнуть в Печили (Бохайский залив. – *Авт.*), закрытый для европейцев». В письме далее говорилось: «Несмотря на то, что более подходящим местом для переговоров является Кяхта, китайское правительство, тем не менее, выслало своих чиновников в Печили, но граф, передав свои требования, ушёл за ответом в Шанхай. Рассматривать вопрос об Амуре в Шанхае, по мнению китайцев, было неудобно»¹, – сообщал контр-адмирал Г.И. Невельской.

Из Шанхая Путятин отправил донесение в Санкт-Петербург о проекте договора с Китаем: «Принимая за неизменное основание удерживать за нами определение новых границ и дарование России всех выгод и прав, предоставленных другим нациям... В самом вопросе о границах я имею намерение, если бы встретились непреодолимые препятствия, сдать назначенную мною пограничную черту по реке Уссури и принять за пределы наших владений горный хребет Сихотэ-Алинь, идущий вдоль моря, и таким обра-

зом оставить за Россией прекрасные порты, которыми изобилуют берега Татарского пролива и Японского моря»².

Таким образом, Путятин в ходе переговоров не исключал возможность определённых уступок цинской стороне в пограничном вопросе, сняв ряд первоначальных требований, в частности, в отношении Уссурийского края. «Пустынный край этот столь превосходен для земледелия и всякого рода промышленности, что Россия приобрела бы его весьма выгодно, если бы возможно было уговорить китайское правительство признать его нам принадлежащим за уплату от 3 до 5 млн. рублей серебром. Таким образом, владение всем берегом, почти до пределов Кореи, утвердилось бы за нами на законном основании, подобно приобретениям, в недавнее время сделанным Соединёнными Штатами на материке Америки, а в прежнее время в разных частях света Англиею»³.

Как представляется, действия России вполне соответствовали тем «правилам игры», которые были приняты в международных отношениях того времени, и не отличались от тех, которые предпринимали другие великие державы. «При нынешнем расстройстве финансов в Китае, доказывающемся, во-первых, недавнею пробой заменить медную монету чугуною, отчего едва не произошёл финансовый кризис в самом Пекине; а во-вторых, непрерывными воззваниями императора к народу жертвовать деньгами в пользу казны, может быть, денежное вознаграждение, предложенное Россией, и не будет отвергнуто Пекинским кабинетом. Скорее всего, можно ожидать согласия на это предложение, нежели на то, чтобы способствовать устройству войск в Китае и снабжению их новым улучшенным оружием после того, как Китайское Прави-

тельство не понимает, в каком слабом положении находится у них вся военная часть»⁴.

Проект Путятина рассматривался высшими инстанциями Российской империи, получил их высокую оценку и, как казалось, был принят в качестве руководства к действиям. «Копия инструкции генералу-адмиралу графу Путятину от 24 декабря 1857 г. № 342. Посланные от вас бумаги (из Шанхая. – *Авт.*)... обратили на себя особенное внимание Его Величества Государя Императора, соизволившего вполне одобрить ваши благоразумные и миролюбивые в отношении к китайцам действия. Если настоящий курьер майор Мартынов прибудет к вам позже того времени, как вы рассчитывали, то это потому, что для рассмотрения важных вопросов, возбуждённых Вами, был вызван из Парижа по воле Государя Императора генерал-адмирал Муравьев для присутствия в Амурском комитете, что и замедлило отправление Мартынова»⁵.

Вместе с тем, вероятно, в результате упомянутого рассмотрения проекта Путятина с участием Муравьева в полномочия миссии Путятина в Китае были внесены существенные коррективы. Это поставило под угрозу решение пограничного вопроса в интересах России, так как «вследствие этих донесений графа Путятина и письма от китайского правительства было решено: предоставить ему, не касаясь вопроса об Амуре, домогаться от китайцев только тех преимуществ для России, какие получают другие нации. Это распоряжение было послано графу Путятину через Суэц в Шанхай с особым курьером – адъютантом генерал-губернатора Н.Н. Муравьева – подполковником Мартыновым. Переговоры же о границе нашей с Китаем на Востоке решено было возложить на генерал-губернатора Муравьева, о чём было уведомлено и китайское правительство...»⁶.

Об этом же свидетельствует М.И. Венюков, из сообщения которого очевидно, что Муравьев специально посетил столицу с целью замкнуть на себя полномочия по ведению переговоров с цинскими властями по вопросу определения российско-китайской

границы на Дальнем Востоке: «За теми общими вопросами, решение которых вызывало Н.Н. Муравьева на пребывание в Петербурге... по отношению к Амуру дело... о двух предметах первостепенной важности, именно о продолжении заселения его в размерах гораздо больших, чем в 1857 году, и о передаче генерал-губернатору Восточной Сибири тех полномочий на заключение с Китаем договора об Амурском крае, которые были даны другому лицу (т.е. Путятину. – *Авт.*). Подписание трактата с китайцами о признании за нами всего левого и части правого берега Амура должно было явиться венцом многолетней деятельности Н.Н. Муравьева, и понятно, что он не желал отдать этого венца другим...»⁷.

Однако, как показал ход дальнейших событий, решение пограничной проблемы силами только генерал-губернатора Восточной Сибири оказалось невозможным без участия Путятина и членов его миссии, которые, апеллируя к руководству страны, всё же добились возвращения полномочий по решению территориального вопроса. Если в первом варианте Тяньцзиньского российско-китайского договора пограничные вопросы не рассматривались, то в дополнениях к нему они были поставлены как главные. Возможно, во всём этом отразилось соперничество Путятина и Муравьева в поисках наиболее рациональных способов решения в пользу России территориального разграничения с Цинской империей.

Примечания

¹ Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. 1849–1855. Хабаровск, 1969. С. 365.

² Российский государственный архив Военно-морского флота. Ф. 410. Оп. 2. Д. 1016. Л. 591–592. Копия инструкции Генерала-Адмирала Гр. Путятину от 24 декабря 1857 г.

³ Там же. Л. 593.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Венюков М.И. Путешествие по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, 1970. С. 71.

Р.И. Беккин

ЗАРУБЕЖНАЯ КОМАНДИРОВКА А.Э. ШМИДТА В ЕВРОПУ

По материалам его писем барону В.Р. Розену (1897 г.)

Александр Эдуардович фон Шмидт (1871–1939) по праву может быть назван основателем российской школы исламоведения¹. Принадлежа к поколению «младших» учеников барона Виктора Романовича Розена (1849–1908), Шмидт с подачи своего учителя стал проявлять научный интерес к мусульманскому праву и исламскому мистицизму.

По окончании факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета в 1894 г. Александр Эдуардович был оставлен при кафедре арабской словесности «для приготовления к профессорскому званию».

Барон Розен всячески поощрял своих учеников после окончания четырёхлетнего курса обучения отправляться в Европу, на учёбу к ведущим ориенталистам того времени. Сам Виктор Романович два семестра слушал в Лейпциге лекции профессора Флейшера. Учёба в Лейпциге оказала решающее влияние на формирование Розена как педагога: «В.Р. оценил разницу между способом отечественного преподавания восточных языков, иногда ведущегося без всяких определённых правил и школьных традиций, и строгим методом, выработанным филологической наукой на западе, и потому сделался убеждённым сторонником западной школы и её научных приёмов. Испытав на себе плодотворность поездки за границу для усовершенствования в своём предмете, В.Р. настаивал, чтобы молодые люди, намеревающиеся посвятить себя учёной деятельности в области востоковедения, непременно по окончании университетского курса пробыли бы некоторое время под руководством западных профессоров»².

В конце XIX в. российское востоковедение только вставало на ноги (во многом благодаря усилиям самого барона). В то же вре-

мя в Европе наблюдался настоящий расцвет академического востоковедения в целом и исламоведения, в частности. Центрами изучения ислама в Европе на рубеже двух столетий были такие страны, как Германия, Австро-Венгрия, Нидерланды. В университетах этих стран работали живые классики арабистики и исламоведения: Игнац Гольдциер, Йозеф фон Карабачек, Теодор Нёльдеке, Август Мюллер и др. Эти учёные хорошо знали В.Р. Розена и потому с готовностью оказывали поддержку его ученикам.

Примечательно, что некоторые птенцы гнезда Розена за всю жизнь так никогда и не выбрались на Ближний Восток. По свидетельству Н.И. Веселовского, «В.Р. не был на Востоке и не видел в этом надобности для арабистов, так как древний арабский язык, язык Корана, не сохранился до нашего времени в неприкосновенности в живой речи и удержался только в литературе; для подкрепления своего взгляда он обыкновенно приводил в пример Флейшера, который не был на Востоке. В последнее время он колебался в этом своём убеждении и не только стал сознавать пользу поездки на мусульманский Восток, но и сам составлял для себя планы посещения некоторых стран его»³.

Выбор места командировки определялся кругом научных интересов будущего профессора. Как уже было отмечено выше, Шмидт проявлял интерес к исламскому мистицизму и мусульманскому законоведению. Поэтому Розен выбрал тех профессоров, которые могли дать Александру Эдуардовичу знания по этим дисциплинам.

При содействии В.Р. Розена Шмидту удалось получить стипендию на научную командировку в Европу: 1500 руб.⁴ Это была стандартная сумма, выделяемая министерством для научных командировок лиц,

добившихся успехов в учёбе и готовивших себя к научно-преподавательской работе. Размер стипендии практически не изменился с середины XIX столетия, когда практика командирования в Европу наиболее способных выпускников российских университетов приобрела широкое распространение благодаря инициативе министров А.С. Норова и А.В. Головнина. От молодых учёных ожидалось, что во время стажировки они приобретут необходимые дополнительные знания, а также соберут материалы для диссертаций. Некоторым стипендиатам во время стажировки даже удавалось написать диссертацию, но это было скорее исключением из правил.

Зарубежная командировка Шмидта официально началась 1 января 1897 г. с Будапешта, куда он прибыл в середине января.

Разместившись в гостинице, он отправился на квартиру к живому классику европейского востоковедения – Игнацу Гольдциеру (1850–1921). В кармане его пальто лежало письмо от барона Розена. По своим манерам Гольдциер, возможно, напомнил Шмидту Розена, – по крайней мере, И.Ю. Крачковскому показалось позднее во время своей встречи с венгерским ученым, что у того есть что-то общее «в обращении» с их петербургским шейхом⁵.

Найти жильё в Будапеште оказалось непростым делом. По словам Шмидта, только благодаря содействию Гольдциера ему удалось заполучить комнату, соответствующую его бюджету⁶.

Шмидт стал часто бывать у Гольдциера, который, подобно Розену, также любил проводить занятия у себя дома. Учёный охотно делился с молодым коллегой любыми сведениями, которые могли быть полезны для диссертации, посвящённой анализу труда средневекового египетского учёного 'Абд ал-Ваххаба аш-Ша'рани «Книга рассыпанных жемчужин». Кроме занятий с Гольдциером, Шмидт изучал рукописи, заказанные для него Венгерской Академией наук из рукописохранилищ Берлина и Готы.

Учёба у Гольдциера продолжалась до конца мая. Шмидт готов был ещё долго оста-

ваться в Будапеште под крылом учителя, но строгий план стажировки, составленный ещё в Петербурге Розеном, требовал отъезда.

Отчёты стажировавшихся за границей студентов представляли собой особый жанр научного сочинения. В середине XIX в. вошло в обычай публиковать некоторые отчёты стипендиатов в «Журнале Министерства народного просвещения»⁷. О том, был ли Шмидтом написан отчёт о поездке в виде отдельного документа, нам неизвестно. Поэтому нам остаётся довольствоваться в качестве основного источника письмами Александра Эдуардовича к В.Р. Розену, написанными в 1897 г. и содержащими подробности его научных занятий в европейских странах.

В конце мая 1897 г. Шмидт отправился в Лейден. Здесь он продолжил работу с рукописями – в первую очередь, с теми, автором которых был аш-Ша'рани. По письмам Шмидта мы знаем, что он работал в Лейденской библиотеке с «Мавазин ал-касирийн мин шуйух ва муридин» аш-Ша'рани, «Ал-фисал фи-л-милал ва-л-ахва' ва-н-нихал» Ибн Хазма, «Ал-фа'ик фи гариб ал-хадис» аз-Замахшари и другими книгами.

В Лейдене состоялось знакомство Шмидта с М.Я. де Гуэ (1836–1909), Г. ван Влотеном (1866–1903) и другими голландскими ориенталистами. Александр Эдуардович посещал лекции и «домашние семинарии» де Гуэ.

Здесь же, в Лейдене, Шмидт по просьбе В.Р. Розена написал конспект двух своих пробных лекций. Согласно традиции, тема одной лекции предлагалась факультетом, а тему второй выбирал сам лектор. Первая называлась «Мусульманские религиозные предания как подробный источник для истории и истории духовной культуры мусульманского Востока», вторая – «История развития мусульманского права». Само название второй лекции указывает на влияние учителя Шмидта Игнаца Гольдциера, одного из авторов теории о подложности хадисов. В Лейдене Шмидт также подготовил к печати статью «Применение системы фикха в арабской грамматике» для сборника, посвящённого барону Розену⁸. Эта ра-

бота стала первой научной публикацией молодого учёного.

В начале октября 1897 г. Шмидт переехал в Вену. Здесь он слушал лекции по палеографии у австро-венгерского востоковеда Й. фон Карабачека: «У Карабачека, к несчастью, кроме меня будет ещё 2 слушателя, притом, как, кажется, из начинающих. Но всё же надеюсь, этот курс будет для меня не без пользы. Кроме того я, с разрешения проф[ессора] К[арабачека], буду присутствовать при его занятиях (практич.) с молодым д-ром арабистом (прослушавшим курс палеографии) в коллекции арабских папирусов. Если увижу, что и сам могу принять более деятельное участие в чтении папирусов, попрошу разрешить и мне»⁹. Кроме посещения лекций Карабачека, Шмидт работал с рукописями в Императорской библиотеке.

В конце года появилась возможность продлить срок командировки с дополнительным финансированием. Предложение звучало заманчиво, но Шмидт уже настроился на возвращение домой. В декабре 1897 г. Александр Эдуардович в соответствии с первоначальным планом вернулся в Петербург.

Публикуемые ниже избранные письма А.Э. Шмидта являются важным материалом для изучения истории отечественного востоковедения и для истории российской науки в целом. Научные командировки в Европу в XIX – начале XX в. являлись важной составляющей подготовки будущих профессоров в российских университетах. В этом смысле письма Шмидта являются хорошей иллюстрацией повседневной жизни молодого учёного, готовящегося к профессорскому званию и командированного с целью повышения квалификации за границу. Особняком стоит первое письмо, написанное из Красного Села. В 1894–1895 гг. в течение 10 месяцев Шмидт отбывал воинскую повинность в Лейб-гвардии Измайловском полку в качестве вольноопределяющегося.

Рассматриваемая в совокупности с другими источниками, публикуемая корреспонден-

денция также позволяет рассмотреть историю становления Шмидта как учёного, основателя российской школы исламоведения, раскрывает формы и методы работы с учениками ведущих европейских специалистов по исламу.

Избранные письма А.Э. Шмидта к В.Р. Розену (1895–1897 гг.)

№ 1

1895

(карандашом)

Многоуважаемый Виктор Романович!

Вот уже одну неделю пробыл я в лагере, и я не могу не сознаться, что мысль пробыть там ещё два месяца несколько пугает меня¹⁰. На учениях нас мучают порядочно, так что я, право, не знаю, предпочесть ли дождливую или ясную погоду: в ясную погоду ужасно жарко, в дождливую – приходится часто ложиться не только в мокрую траву, но даже просто в грязь. Вы, я думаю, можете себе представить, что при этом должен ощущать человек, хоть мало-мальски привыкший к опрятности. Зато, правда, палатки наши устроены так, что дождя не пропускают; если ветер и продувает сквозь щели, то всё же мы имеем возможность спать на сухих постелях. Кормят нас в офицерском собрании тоже очень хорошо, но, к сожалению, всё это обходится очень дорого, что и побудило меня беспокоить Вас этим письмом, так что я теперь, поставив ¹¹اما بعد могу приступить к самой сути. А именно, я хотел просить Вас сообщить мне, возможно ли мне в счёт моей июльской стипендии получить вперёд из университета 20 рбл.? Надеюсь, что это будет возможно; в противном случае нечего делать, придётся порыскать между своими знакомыми, подобно льву, ищущему, кого поглотить, а это довольно-таки неприятная роль.

Но этим даже ещё не исчерпываются неприятные стороны лагерной жизни: наши занятия распределены так неравномерно, неоднобразно, что никак нельзя вперёд установить себе какой-н[ибудь] план для своих собственных занятий, а это ведь очень важно. Иной день я совершенно сво-

боден уже с 5 часов, а другой день занятия наши продолжаются до 8-ми часов вечера. То же самое и с утренними занятиями. Я просто боюсь, что мне не придётся держать экзамена на прапорщика запаса, т.к. просто нет возможности сосредоточенно чем-н[ибудь] заняться. Может быть, этот мрачный взгляд на вещи вызван дождливою погодою, сыростью и карманною чахоткою, не только я нахожусь в ужасно подавленном состоянии духа. Пока утешаю себя тем, что в свободное от занятий время делаю свои наблюдения и присматриваюсь, как проводит своё свободное время простой русский человек, чем он развлекается, и не одну забавную сценку пришлось мне уже видеть. Немало поразило меня, как он любит пляску. Пляшут двое, один за другим, и забавно видеть, как один старается всё превзойти другого, каким-н[ибудь] особенно грациозным или трудным «па», пока, наконец, оба, совсем бледные, не выходят из круга при громких возгласах восторга со стороны зрителей. Зрители принимают живое участие в плясунах; у каждого, обыкновенно, своя партия, которая его подбадривает и, так сказать, науськивает, стараясь блеснуть перед другими «своим» плясуном.

Особенно ярко выступает это соревнование, если оба плясуна принадлежат к разным ротам. На меня эта пляска произвела громадное впечатление. Представьте себе двух плясунов, с бледными от изнеможения лицами, в какой-то дикой, хотя подчас и очень грациозной пляске, сопровождаемой несколько дикими звуками бубнов, гармоники и скрипки. Кругом толпа с оживлёнными лицами, из которой раздаются по временам крики поощрения, похвалы и восторга, и всё это при освещении угасающего июньского дня... Это какое-то дикое веселье, которому всецело отдаётся наш бедный солдат, жизнь которого в лагере невообразимо трудна.

Но Вы, я думаю, уже устали читать эту галиматью, а посему спешу закончить письмо. С нетерпением буду ждать Вашего ответа.

Глубоко уважающий Вас А. Шмидт

Мой адрес: Красное Село (по Балтийск. ж. д.). Лагерь Лб.-гв. Измайловского полка. Вольноопределяющемуся 15-й роты

А.Э. Ш _____

СПФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 528. Л. 1–2об.

№ 2

Будапешт, 29/17 Января 1897 г.

Многоуважаемый Виктор Романович!

Дня два-три тому назад мне после долгих поисков и одного в материальном отношении несколько горького опыта наконец удалось найти приличную комнату, и вчера только начались наши занятия с Др. Goldziher'ом¹². Дело в том, что ему по семейным делам пришлось уехать на несколько дней из Будапешта. И Др. Goldziher, и его супруга приняли меня чрезвычайно любезно и радушно, и только благодаря их рекомендации удалось мне водвориться в занимаемой мною теперь комнате.

От своего учителя я положительно в восторге и надеюсь извлечь много пользы из занятий с ним. Выписанный Вами из Лейпцига экземпляр «Бухари»¹³ прибыл сюда в один день со мною, так что могу уже приступить к чтению كتاب العلم¹⁴.

В одно из первых наших свиданий Др. Goldziher обратил моё внимание на то, что до сих пор ещё не существует сборника, хрестоматии, которая давала бы возможность начинающим знакомиться с религиозною литературою и литературою хадисов, литературою догматическою и т.п. Он предлагает мне впоследствии заняться этим, причём готов всегда служить советом и указаниями. Что Вы скажете на это, Виктор Романович?

С каталогом рукописей [неразборчиво]¹⁵ я уже немного познакомился и в скором времени надеюсь исполнить поручение В.Д. Смирнова¹⁶. Меня лично заинтересовало то обстоятельство, что в числе этих рукописей находится рукопись¹⁷ كيمياي السعادة Газали¹⁸; к сожалению, рукопись, вероятно, турецкая, а то она могла бы оказаться пригодною при издании этого, кажется, ещё неизданного сочинения Газали. Для В.Д. в этой

коллекции, как мне кажется, найдётся немало интересного, и недурно бы ему когда-нибудь самому посетить Будапешт, тем более что город стоит того, чтобы с ним познакомиться, только жизнь здесь очень дорога. А город действительно очень красив и, в главных своих частях, очень благоустроен и чист. В Петербурге Вы не найдёте подряд столько красивых, можно даже сказать, великолепных зданий, как здесь на больших улицах. Впрочем, говорят, что этот блеск — лишь внешний, что дома построены здесь очень скверно, т.к. большинство из них является плодом спекуляций по случаю тысячелетия¹⁹.

Вашего Бухария я тотчас отдал в переплёт, и Вы мне, пожалуйста, сообщите, когда и как Вам его прислать.

В заключение позвольте сообщить Вам свой адрес:

Budapest VI Andrásy-út № 32 IV em. 12 17.

و منى الى حضرتكم مزيد الاحترام²⁰

Глубоко уважающий Вас А. Шмидт

СПФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 528. Л. 3—4об.

№ 3

Будапешт, 10 марта / 26 февраля 1897 г.
Многоуважаемый Виктор Романович!

Простите, что так долго не писал: всё собирался, да никак не мог собраться. Прежде всего спешу ответить на Ваши вопросы, чтобы опять как-нибудь не забыть! На полях Кананиева²¹ комментария к Бухари действительно напечатан Сахих Муслима с комментарием Навави²². За переплёт Бухари мне пришлось заплатить 10 гульденов, за пересылку Муслима 2 гульд. 4 крейц. Что мне делать с оставшимися от 15 рбл. деньгами?

Сегодня кончаю сличение моей копии²³ كتاب الدر المنثور с гота'скими²⁴ рукописями; несколько до сих пор тёмных мест совершенно выяснились. Берлинские рукописи мне тоже выпишут с большим удовольствием, только я пока тщетно искал это сочинение в каталоге Альвардта²⁵: никак не могу найти. Не можете ли Вы мне дать кое-каких указаний насчёт того, в каком именно томе оно у него помещено.

Ещё одна просьба у меня к Вам: нельзя ли изменить мой маршрут в таком смысле, чтобы мне можно было остаться в Пеште по крайней мере до июня месяца; мне хочется как можно дольше поработать с Др. Гольдциером, так как занятия с ним ведь подготавливают меня именно в области избранной мною специальности, а ведь ещё [неразборчиво]!

Я лично с удовольствием пожертвовал бы палеографией в пользу фикха, но может быть, и не пришлось бы даже оставить совсем, а лишь только отложить. Да, кстати, я всё-таки чувствую, что следовало бы месяца 2-3 пробыть в Кёнигсберге, у Яна²⁶; думаю, это принесло бы мне большую пользу. Хотя чтение этих текстов, которыми мы теперь занимаемся, и не представляет мне особенных затруднений, всё же местами чувствуются пробелы.

Вам, может быть, небезынтересно будет узнать, что на днях американец переехал ко мне. Он очень милый молодой человек, и мы уживаемся очень хорошо. Положим, он теперь занят посторонним делом и почти целый день его нет дома. Постараюсь из сожительства с ним извлечь возможную пользу и научиться мало-мальски говорить по-английски.

Как только покончу сличение рукописей, пришлю Вам извлечение и كيمياي سعادت Вы, вероятно, тоже уже узнали из каталога Харрассовица²⁷, что у него имеется экземпляр (печатный) персидского كيمياي سعادت. Я почему-то думал, что это сочинение уже совсем забыто на востоке.

Мне Др. Гольдциер дал читать несколько маленьких сочинений Газзали /м[ежду] пр[очих]²⁸ كتاب الجام العوام عن علم الكلام, которая, по его мнению, пригодится для диссертации, и действительно, он касается-таки некоторых вопросов, затронутых и в كتاب الدر المنثور.

Всем моим учителям и другим факультетским знакомым сердечный поклон. Не знаю, получил ли Вас. Дмитр.²⁹ моё письмо? Дальнейшие исследования коллекций Жилаги³⁰ пока пришлось отложить.

Итак, ещё раз, если можно, то позвольте мне подольше остаться у Гольдциера?

Глубоко уважающий Вас

А. Шмидт

والقى الى حضرتكم سلاما بليغا³¹

СПФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 528. Л. 7–8об.

№ 4

Будапешт, 29 /17 марта 1897 г.

Многоуважаемый Виктор Романович!

Не знаю, получили ли Вы моё последнее письмо, но так как приближается Пасха, а с нею кончается предположенный Вами срок пребывания моего в Будапеште у ног великого Шейха³² الزركشي, то смею просить у Вас дальнейших инструкций. Не скрою от Вас, что я, как уже писал Вам, охотно продлил бы своё пребывание в Будапеште; но поразмыслив немного [неразборчиво], я пришёл к заключению, что такое промедление нарушило бы весь мой маршрут. Т.к. в Вене я должен записаться слушателем университета, то мне туда можно выехать только к началу нового семестра; если я этого не сделаю теперь, то не знаю, чем можно было бы выполнить начавшийся семестр, так как дольше, чем до июня месяца, мне всё равно здесь нельзя будет остаться: во-первых, мне как-то совестно будет ещё дольше эксплуатировать Д-ра Goldziher, а затем Др. Г. летом, кажется, на несколько недель или месяцев уезжает из Будапешта. Вопрос ещё только [неразборчиво] в том, будет ли Карабачек³³ в будущем семестре читать палеографию? Может быть, Вы мне сообщите, к кому мне можно письменно обратиться, чтобы навести необходимые справки.

Никак не могу в каталоге Альвардта отыскать كتاب الدر المنثور; не можете ли Вы мне указать, в каком именно отделе или томе мне искать? Хорошо было бы, если бы мне удалось сличить эти рукописи уже здесь, в Пеште. Да, кстати, и в Лейпцигской библиотеке мне придётся поработать: там хранится рукопись الكواكب الدرية Мунави³⁴, биографа Ша'рани, с которой мне ведь тоже необходимо познакомиться. Др. Г. чрезвычайно любезно представляет в моё распоряжение даже всякие экскерпции и выпис-

ки, им самим сделанные, имеющие какое-л[ибо] отношение к моей диссертации или к Ша'рани. В данное время я немного занялся Итканом Суюти³⁵, в котором нашёл объяснение так смущавшим меня إماله تفخيم ترفيق³⁶. Пользуясь случаем, я собираю библиографические данные в области علم القراءات³⁷. В области اختلافات³⁸ я собрал все доступные библиографические данные, т.к. Др. Г. предоставил в моё распоряжение даже тот материал, который он собрал по этому вопросу в богатой частной коллекции арабских рукописей гр[афа] Ландберга³⁹. Вообще я всё время занят с Др. Г., приобрёл довольно много полезных сведений в области фик'ха и литературы хадисов, и я уверен, что моё пребывание в Будапеште во всяком случае принесло и ещё принесёт мне много пользы.

Простите, пожалуйста, что я пока докучаю Вам своими вопросами и просьбами: Вы, вероятно, всё ещё завалены всякого рода корректурами, заседаниями, ревизиями и другими подобными вещами, являющимися орудиями пытки для человека, желающего заняться своим делом.

Вашему семейству и всем моим учителям прошу передать сердечный поклон.

Глубоко уважающий Вас

А. Шмидт

СПФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 528. Л. 9–10об.

№ 5⁴⁰

Будапешт, 17/5 Мая 1897 г.

Многоуважаемый Виктор Романович!

Извините, что так долго заставил Вас ждать ответа; на днях лишь получил открытое письмо от Др. Гейера⁴¹, в котором он мне сообщает, что до сих пор не имел возможности видаться с Карабачеком, но в ближайшем будущем надеется обстоятельно переговорить с ним и сообщить мне требуемые сведения. Во всяком случае, теперь у нас уже нет расчёта поехать в Вену, т.к. через месяц с половиной семестр уже кончается, и я уже совсем готов ехать в начале июня в Лейден, к чему меня побуждает и Др. Гольдциер, ввиду богатой коллекции рукописей в Лейдене и

удобств, предоставляемых работающим в та-
мошней библиотеке. В Лейдене мне уже, во
всяком случае, найдена работа: было бы мне
недурно познакомиться с ⁴² كتاب المال والتحل и
⁴³ المحلى Ибн-Хазма, с ⁴⁴ كتاب الفائق Замахшари, с
⁴⁵ كتاب السير Шейбани и др.

Позволю себе сообщить Вам здесь пред-
ложенный Др. Гольдциером план хрестомат-
тии, о которой у нас была речь.

А.

Хрестоматия:

I. Хадис: 1) а) Глава о технике и терми-
нологии «хадисоведения». б) Избранные
места из Бухари с ком[ментариями]
Каст[алани]⁴⁶. в) Муслим с ком[ментариями]
Навави. г) Абу Давуд⁴⁷ (по возможности от-
рывок, в котором много примеров جرح و تعديل
'а⁴⁸). д) Тирмизи (тоже принимая во внима-
ние تعديل و [неразборчиво]. (При выборе от-
рывков из этих сборников не упускать из
виду вопрос о халифате, если не будет уде-
лено место особой главе о государственном
праве). 2) Глава из ميزان الاعتدال аз-Захаби⁴⁹
(всего примерно 4 листа).

II. Усул ал-фикх. Глава из ⁵⁰ ورقات امام
الحرمين (рук[опись] [Гота? – Авт.] и ком[мен-
тариями] Ибн Фиркаха⁵¹; напр[имер], главу
об Иджма⁵²; если объём книги позволит, так
и главу о Кыясе⁵³ (всего примерно 1 лист).

III. Фикх. 1) Отдельные главы из разных
руководств по фикху, соответствующие
приведённым в отд. I отрывкам из хадисов:
во главе глава из Муватта⁵⁴. 2) Глава из
المحلى Ибн-Хазма (всего примерно 5 листов).

IV. Калам. 1) Глава из كتاب المال و النحل
Ибн-Хазма; 2) Соответствующие отрывки из
كتاب الفائق Замахшари⁵⁵ (всего примерно 1 лист).

V. Тафсир. Избранный отрывок из
مفاتيح الغيب Фахр-ад-Дин-ар-Рази⁵⁶ (всего примерно
1 лист).

VI. (Пожалуй, из области суфизма что-
нибудь)

(Если государственному праву будет по-
священа особая глава, то таковую можно
было бы поместить между (III) Фикхом и
(IV) Каламом след[ующим] содержанием: 1)
Несколько отрывков из хадисов об الإمامة⁵⁷ и
2) соответствующий отрывок из Маварди⁵⁸
(изб. Enger⁵⁹, всего примерно 2 листа).

Б.

Библиография.

I. Восточная библиография, перечисле-
ние в хронологическом порядке важнейших
сочинений по отделам (A I-VI), для отд. III
сочинения должны быть расположены по
мазхабам.

II. Европейская литература по этим отде-
лам. [Всего Б. – примерно 4 листа].

В.

Словарь (в алфавитном порядке)

1) Встречающиеся в хрестоматии техни-
ческие термины и

2) Слова и выражения, употребляемые в
этих отделах арабск[ой] лит[ературы] с осо-
бым значением. (Всего примерно 4 листа).

Всего примерно 20–22 листа.

Своим пребыванием в Лейдене я мог бы
воспользоваться для того, чтобы скопиро-
вать соответствующие отрывки из Ибн-Хаз-
ма.

Итого, в конце мая нового стиля я с Ва-
шего разрешения покидаю Будапешт и еду в
Лейден. Если Вы почему-либо хотите ещё
приостановить или отсрочить эту поездку,
то напишите мне об этом не позже 13-го
Мая старого стиля, иначе письмо меня мо-
жет не застать: на мою комнату к 1-го июня
уже имеется претендент, и я 30-го мая рас-
считываю уехать.

Простите ужасный внешний вид этого
письма: я ужасно тороплюсь, чтобы письмо
ещё сегодня было отправлено.

Глубоко уважающий Вас А. Шмидт

P.S. Бухари с ком[ментарием] Кастала-
ни⁶⁰ и без оного отошлю Вам почтой по по-
лучении денег за 2-ю треть сего 1897, отно-
сительно которого уже написал в Credit
Lyonnais.

СПФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 528. Л. 13–
16об.

№ 6

Лейден, 11 июня / 30 мая 1897 г.

Многоуважаемый Виктор Романович!

Наконец-то я и в Лейдене устроился и
спешу сообщить Вам свой адрес: Nieusteeg

№ 23. С проф. de Goeje⁶¹ и Van Vloten⁶² я уже виделся, у de Goeje даже уже и обедал, причём убедился, что читать по-голландски и понимать, что говорят – две вещи разные. Удивительно некрасивый язык, страшно напоминает еврейско-немецкий жаргон⁶³. Своё время главным образом провожу в библиотеке, где читаю И. Хазма и одно сочинение Ша'рани, которые имеются здесь в рукописи; в других каталогах я его не нашёл, а именно: كتاب موازين الرجال الفاصرين⁶⁴, в котором мой автор нападает на современных ему [неразборчиво] المشايخ⁶⁵ и уличает их в том, что они своей аскетической жизнью добиваются лишь славы и богатства. Ваше сообщение о том, что, пожалуй, уже в конце сего года мне придётся вернуться в Питер, принял к сведению. Предложенные Вами темы для пробных лекций пришлись мне по сердцу, и постараюсь приготовить их. Хочу только ещё спросить Вашего совета относительно следующего: избрав темой⁶⁶ اصول الفقه, мне в лекции, конечно, нельзя ограничиться чисто теоретическою обработкою этого вопроса, а придётся дать и возможно полный очерк этой отрасли арабской литературы. Вот и не знаю, как мне лучше всего справиться с этой частью работы; мне кажется, что каталог, напр[имер], Берлинской библиотеки может сослужить мне в этом отношении хорошую службу.

Кроме того, мне хотелось бы познакомиться здесь с «ваххабистскими» рукописями эминской коллекции⁶⁷, приобретённой лейденской библиотекой. Может быть, они могли бы послужить мне материалом для другой лекции?

Потому мне хотелось бы, Виктор Романович, заранее установить в точности мой дальнейший маршрут. Мне бы очень хотелось побывать в Париже, чтобы окончательно выяснить вопрос о грамматических сочинениях Ша'рани. Я постепенно прихожу к убеждению, что нет такой области литературы, в которой Ша'рани не испробовал бы своих сил. Даже медициной он не побрезгал и написал мухтасар⁶⁸ медицинского трактата Сувейди⁶⁹, который, согласно сведениям Фан-Дейка⁷⁰, даже несколько раз печатался

в Каире, в Париже имеется рукопись этого мухтасара. В биографии Ша'рани, которую мы с Гольдциером отыскиали в الخطط الجديدة Али Паша Мубарека⁷¹, обращаю особенное внимание на то, что он اختصر الكتب⁷². Да смогли только в Х. Халафе⁷³ отыскать все места, в к[ото]р[ы]х упоминается Ша'рани, чтобы убедиться в том, что мухтасарам его нет счёта.

Проф. de Goeje и Van Vloten просили меня передать Вам сердечный поклон; они оба приняли меня чрезвычайно любезно, что всегда приятно на чужбине.

Надеюсь, что Вы теперь уже освободились от лежавших на Вас ректорских обязанностей и, покончив «с дачным сумбуром», сможете приступить к летнему каникулярному «кейфу».

Остаюсь глубоко уважающий Вас

А. Шмидт

СПФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 528. Л. 17–18об.

№ 7

Вена, 19/7 октября 1897 г.

Многоуважаемый Виктор Романович!

Наконец устроился я тут в Вене, на лекции я уже записался и с нетерпением жду субботы – дня начала наших занятий с проф[ессором] Карабачеком. У него лично я уже был и он принял меня очень любезно, сам пришёл в университет показать мне, что и как нужно сделать, чтобы записаться в слушатели здешнего университета. Др. Гольдциер сообщил ему о моём намерении приехать сюда и, т[ак] сказать, составил мне небольшую протекцию. Надеюсь, что у него, то есть у Карабачека, не будет других слушателей по теории палеографии: тогда мы можем одновременно заняться и практикой и бегло познакомиться со всеми главными принципами палеографии, о которых любит говорить проф. Карабачек, т.к. времени у нас ведь очень немного. Устроился я пока хорошо, но дорого; хотелось бы найти что-н[ибудь] подешевле; искал много, но всюду ужасная грязь и неопрятность. Вообще жизнь здесь обходится очень дорого, куда дороже, чем в богоспасаемом граде Лейден!

Представьте себе, мне удалось побывать на всех празднествах по случаю годовщины 3-го октября⁷⁴.

В Studenten Societät, узнав о присутствии русского, меня посадили за почётный стол, почтили особенным спичем, закончившимся криками: "Vive le Czar! Vive la Russie!" и даже "Vive la France"⁷⁵. Пришлось и мне отвечать и для этого, согласно обычаю, с бокалом шампанского в руке, вскарабкаться на стол. Хотел было ответить тоже по-голландски, но в таком многочисленном собрании не рискнул (на частных обедах я уже произносил и голландские спичи). Вообще я немного «оголландился»; чрезвычайно обрадовался, встретив здесь, в том же доме, где я живу, двух голландцев; медиков, из Лейдена. У нас много общих знакомых в Лейдене и мы поэтому очень хорошо сошлись; стараюсь говорить с ними по-голландски, чтобы не забыть этого языка.

Мой адрес: Wien IX, Höfergasse 5 Thür 9.

Жду дальнейших инструкций и остаюсь глубоко уважающий Вас

А. Шмидт

СПФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 528. Л. 36–37об.

№ 8

Вена, 25/13 октября 1897 г.

Многоуважаемый Виктор Романович!

В том, что предпоследнее Ваше письмо осталось без ответа, виновата, если не ошибаюсь, лишь неаккуратность почты. Но, во всяком случае, Вы в моём письме не нашли бы этих تعاريف وإشارات⁷⁶, которых, видимо, ожидали. Вы писали мне весною в Пешт, что, может быть, уже в Январе 1898 г. я понадоблюсь в университете, и поэтому я и не мыслил о возможности дальнейшего пребывания за границей, узнав, что моё возвращение «вопрос решённый». Известие об этой возможности застало меня, признаюсь, совершенно врасплох, поставило меня в положение Геркулеса на распутии⁷⁷ (قياس العلة) а не⁷⁸ (قياس الشبه). Поэтому, ввиду двойных лежащих на мне обязанностей, позвольте мне ещё умом пораскинуть, обстоятельно и основательно всё обсудить и взвесить. К 28

октября окончательный ответ мой будет в Ваших руках.

Вчера получил письмо от Д-ра Гольдциера. Он взял на себя чтение лекций по истории ислама для студентов-историков; слушателей набралось уже 20, и ему придётся бегать в университет (обыкновенно студенты приходили на лекции к нему на дом), и это отнимет у него ещё больше времени и, как он жалуется, оторвёт от занятий. Он вообще ужасно истощает себя своею научною работою: ведь он почти совсем не спит!

У Карабачека, к несчастью, кроме меня будет ещё 2 слушателя, притом, как кажется, из начинающих. Но всё же надеюсь, этот курс будет для меня не без пользы. Кроме того я, с разрешения проф[ессора] К[арабачека], буду присутствовать при его занятиях (практич.) с молодым д-ром арабистом (прослушавшим курс палеографии) в коллекции арабских папирусов. Если увижу, что и сам могу принять более деятельное участие в чтении папирусов, попрошу разрешить и мне. Вообще пр[офессор] Карабачек очень любезен со мною, так что совсем не чувствуешь в нём Hofrat'a⁷⁹. Я, пожалуй, запишусь у него же и на другие лекции – чтение текстов из Ибн-Хишама⁸⁰, с которым я пока ещё знаком лишь по имени. Многое ещё можно бы здесь послушать: еврейск[ий] яз[ык]; сирийск[ий] яз[ык]; арабскую поэзию. Такое возобновление в памяти старого было бы, пожалуй, даже очень полезно, но боюсь, что на всё времени не хватит. Библиотека будет открыта с 27-го октября нов[ого] ст[илия], тогда опять начну рыться в рукописях.

Итак, через дней 10–12 Вы получите от меня решительный ответ, а пока позвольте поблагодарить Вас за Ваше, могу сказать, отеческое обо мне попечение.

Глубоко уважающий Вас

А. Шмидт

СПФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 528. Л. 38–39.

№ 9

Вена, 4 ноября / 23 октября 1897 г.

Многоуважаемый Виктор Романович!

Подумал я, поразмыслил, и – хочется мне вернуться в Петербург уже в конце это-

го года. О «необходимости» вернуться я, на основании Вашего, так вижу, не совсем верно понятого письма, писал своим. Всё это принято ими в расчёт, и мне кажется, что я после всего этого не вправе воспользоваться любезно предложенным мне Вами продолжением моей командировки. Если только я этим не нарушаю Ваших планов, то хотелось бы мне вернуться в этом году.

Лекции Карабачека уже начались, и я посещаю их с большим интересом. На каждую лекцию он приносит с собою фотографические снимки папирусов, монеты и т.п. В библиотеке я заниматься не могу: она в этом году основательно ремонтируется и перестраивается; но Др. Geuer⁸¹ обещал мне устроить так, чтобы я мог пользоваться необходимыми рукописями в университетской библиотеке. Это, конечно, значительно усложняет занятия, но что же делать. Оба, и проф. Карабачек, и Др. Geuer, приняли меня чрезвычайно любезно, и я уверен, что пребывание в Вене принесёт мне немалую пользу.

Спешу сдать это письмо на почту, а посему прощайте. Искренно благодарный Вам
А. Шмидт

СПФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 528. Л. 40–40об.

№ 10

Вена, 16 / 4 декабря 1897.

Многоуважаемый Виктор Романович!

Простите, что так долго не отвечал Вам на Ваше последнее письмо: последнее время было много дел, ввиду приближавшегося отъезда. Лекции в университете закончены, рукописи свои тоже прочитал, и потому сегодня вечером выезжаю, чтобы к назначенному Вами сроку (10 декабря) быть в Питере.

Ещё раз искренне благодарю Вас за участие, принятое Вами в судьбе моей. До скорого свидания.

Глубоко уважающий Вас А. Шмидт

Со страхом великим предвижу, что Вы будете бранить меня за статью, помещённую в юбилейном сборнике⁸²! В таком случае⁸³ *إستغفر الله تعالى فإنه كريم رحيم*

СПФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 528. Л. 41.

Примечания

¹ Подробнее о научно-организаторской деятельности А.Э. Шмидта в сфере исламоведения см., например: *Беккин Р.И.* Кафедра исламоведения Петроградского университета (О малоизвестной странице из биографии А.Э. Шмидта) // *Ars Islamica*: в честь Станислава Михайловича Прозорова / Сост. и отв. ред. М.Б. Пиотровский, А.К. Аликберов. Ин-т востоковедения РАН. М.: Наука – Вост. лит., 2016. С. 77–95.

² *Веселовский Н.И.* Барон Виктор Романович Розен: Некролог. СПб.: Сенат. тип., 1908. С. 7–8.

³ Там же. С. 22.

⁴ О замещении кафедр Императорского Петроградского университета (1917) // РГИА. Ф. 740. Оп. 19. Д. 5.

⁵ «У Гольдциэра был, очень милый старик и страшно разговорчив. По обращению напоминает барона». Цит. по: *Долинина А.А.* Невольник долга: [Биогр. И.Ю. Крачковского]. СПб., 1994. С. 131.

⁶ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПФ АРАН). Ф. 777. Оп. 2. Д. 528. Л. 3.

⁷ Например, отчёт младшего коллеги Шмидта – И.Ю. Крачковского, командированного в 1908–1910 гг. в Сирию и Египет, был опубликован в журнале Министерства: *Крачковский И.В.* [!]. Восточный факультет Университета Св. Иосифа в Бейруте: (Из отчёта о командировке). СПб., 1910.

⁸ *Шмидт А.* Применение системы фикха в арабской грамматике // *Ал-Музаффарийат*. Сборник статей учеников профессора барона Виктора Романовича Розена ко дню двадцатипятилетия его первой лекции, 13 ноября 1872–1897. СПб., 1897. С. 309–324.

⁹ СПФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 528. Л. 38об.

¹⁰ «С осени 1894 г. мне пришлось отбывать воинскую повинность. Стремясь не отрываться от своих научных занятий с В.Р., я приложил все усилия к тому, чтобы получить возможность отбывать воинскую повинность в одном из квартировавшихся в Петербурге, ныне Ленинграде, гвардейских полков. В этих полках вольноопределяющимся разрешали жить у себя на дому и не требовали жизни в казарме, а потому наши занятия с В.Р. не прерывались до лета 1895 г., когда мне пришлось отбывать лагерный сбор в б. Красном Селе» // Памяти академика В.Р. Розена: Статьи и материалы к 40-летию со дня его

смерти (1908–1948) / Под ред. И.Ю. Крачковского. М.-Л., 1947. С. 15.

¹¹ После того, как (араб.).

¹² Гольдциер Игнац (1850–1921) – австро-венгерский исламовед, основатель критической школы в западном исламоведении. Учитель А.Э. Шмидта. Профессор Будапештского университета (с 1894 г.). Чл.-корр. Венгерской АН (1876 г.), чл.-корр. Петербургской АН (1897 г.).

¹³ Имеется в виду сборник хадисов «ал-Джами' ас-Сахих» ал-Бухари.

¹⁴ «Китаб ал-'илм» («Книга знаний») – один из разделов в сборнике хадисов «ал-Джами' ас-Сахих» ал-Бухари.

¹⁵ Речь идёт о коллекции рукописей, собранных венгерским ориенталистом Даниэлем Жилаги (Dániel Szilágyi) (1831–1885). После подавления Венгерской революции 1848–1849 гг. Жилаги эмигрировал в Османскую империю. Он проживал в Стамбуле, открыл там антикварный книжный магазин и собрал богатую коллекцию арабоязычных рукописей (прежде всего, турецких). Данные манускрипты были приобретены после смерти Жилаги Венгерской Академией наук при посредничестве ориенталиста А. Вамбери (1832–1913) в 1886 г. В 1897 г., когда Шмидт был в Будапеште, над подготовкой каталога рукописей из коллекции Жилаги работал венгерский тюрколог Игнац Кунош (1860–1945).

¹⁶ Смирнов Василий Дмитриевич (1846–1922) – русский тюрколог, основатель тюрковедческого направления в русской тюркологии. Профессор факультета восточных языков в Петербургском университете (с 1884 г.). По свидетельству современников, некоторые научные работы Смирнова отличались пренебрежительным отношением к тюркским народам.

¹⁷ «Кимийа-йи са'адат» («Эликсир счастья») – суфийский трактат на персидском языке мусульманского богослова, философа и мистика Абу Хамида Мухаммада ибн Мухаммада ал-Газали ат-Туси (1058–1111).

¹⁸ У Шмидта здесь и далее: Газзали.

¹⁹ В 1896 г. праздновалось 1000-летие появления венгров на берегах Дуная (обретения венграми родины).

²⁰ С глубоким уважением к Вам (араб.).

²¹ Возможно, имеется в виду Ибн Хаджар ал-Аскалани (1372–1448) – мусульманский богослов, автор одного из наиболее известных толкований сборника хадисов «ал-Джами' ас-

Сахих» ал-Бухари. Ал-Кинани было частью полного имени учёного.

²² Мухи ад-дин ан-Навави (1233–1278) – мусульманский богослов, правовед и мухаддис. Одной из наиболее известных работ ан-Навави является «ал-Минхадж фи шарх Сахих Муслим ибн ал-Хаджадж» – комментарий к сборнику хадисов «ал-Джами' ас-Сахих» Муслима.

²³ Имеется в виду «Книга рассыпанных жемчужин...» 'Абд-ал-Ваххаба аш-Ша'рани (ум. 1565). Критическое издание этой рукописи стало темой магистерской диссертации А.Э. Шмидта.

²⁴ Т.е. из немецкого города Гота. Во время своей командировки Шмидт сличал имеющуюся у него копию «Книги рассыпанных жемчужин...» с имевшимися в Европе списками данной работы, в т.ч. двумя рукописями в городе Гота.

²⁵ Имеется в виду каталог, составленный немецким востоковедом Вильгельмом Альвардтом (1828–1909). Шмидт работал с его 10-томным каталогом арабских рукописей «Verzeichnis der arabischen Handschriften» в Королевской Берлинской библиотеке.

²⁶ Нам не удалось установить личность данного учёного.

²⁷ Харрассовиц Отто Вильгельм (1845–1920) – немецкий книгоиздатель, один из основателей академического издательства «Harrassowitz Verlag» в Лейпциге (1872 г.).

²⁸ «Илджам ал-'авам 'ан 'илм ал-калам» («Удержание черни от науки калама»).

²⁹ Имеется в виду В.Д. Смирнов.

³⁰ У Шмидта – Силяги.

³¹ Передаю Вам большой привет (араб.).

³² Абу 'Абдаллах Бадр ад-дин Мухаммад ибн Бахадир аз-Заркаши (1344–1392) – мусульманский правовед и историк.

³³ Карабачек Йозеф фон (1845–1918) – австро-венгерский востоковед. Профессор Венского университета (1885 г.). Читал курсы по палеографии, нумизматике и др.

³⁴ Книга «Ал-кавакиб ад-дуррийа фи тараджим ас-сада ас-суфийа» 'Абд ар-Рауфа Мухаммада ал-Мунави (1545–1621) – мусульманского историка из Египта, ученика 'Абд-ал-Ваххаба аш-Ша'рани (ум. 1565).

³⁵ Книга «Ал-Иткан фи 'улум ал-Ку'ран» («Совершенство в коранических науках») мусульманского учёного-энциклопедиста Джалал ад-дина ас-Суйути (ум. 1505) из Египта.

³⁶ Термини 'илм ат-таджвид (науки о рецитации Корана)

³⁷ 'Илм ал-кира'ат – наука о способах чтения Корана.

³⁸ Ихтилафат (араб. – различия) – раздел в *фикхе*, изучающий расхождения во взглядах на ту или иную проблему между *мазхабами* и отдельными правоведами.

³⁹ Имеется в виду коллекция арабских рукописей шведского арабиста графа Карло де Ландберга (1848–1924).

⁴⁰ Данное письмо приводится в сокращённом варианте. В архивном документе некорректно осуществлена пагинация.

⁴¹ Гейер Рудольф (1861–1929) – австрийский востоковед, специалист по средневековой арабской поэзии. Работал в Австрийской Национальной библиотеке в Вене. Позднее преподавал арабскую филологию и литературу в Венском университете.

⁴² Возможно, имеется в виду доксографическое сочинение мусульманского богослова, правоведа, писателя и историка Ибн Хазма (ум. 1064) «Ал-фисал фи-л-милал ва-л-ахва' ва-н-нихал» («Книга решений относительно религий, сект и толков»). Также речь в письме Шмидта могла идти о «Китаб ал-милал ва-н-нихал» («Книга о религиях и сектах») мусульманского богослова и доксографа Абу-л-Фатха Мухаммада б. 'Абд ал-Карима аш-Шахрастани (1075–1153). Книга, состоящая из 2 частей, представляет собой одно из важнейших сочинений по мусульманской доксографической литературе.

⁴³ Имеется в виду 11-томное сочинение по захиритскому *фикху* «ал-Мухалла» Ибн Хазма.

⁴⁴ Имеется в виду «Ал-фа'ик фи гариб ал-хадис» («Превосходная книга редких слов и выражений, встречающихся в хадисах») мусульманского богослова и философа Махмуда б. 'Умара аз-Замахшари (1075–1144).

⁴⁵ Имеется в виду «Китаб ас-сийар ал-кабир» («Большая книга об образе жизни») мусульманского правоведа ханафитского *мазхаба* Мухаммада аш-Шайбани (749–805), одного из кодификаторов мусульманского права. Данное сочинение дошло до наших дней только в составе комментария ас-Сарахси.

⁴⁶ Шихаб ад-дин Ахмад б. Мухаммад ал-Касталани (ум. 1517) – мусульманский хадисовед, правовед и историк. Ему принадлежит подробный комментарий к Сахиху ал-Бухари под названием «Иршад ас-сари фи шарх Сахих ал-Бухари».

⁴⁷ Имеется в виду сборник хадисов «Сунан» Абу Давуда ас-Сиджистани (817–888).

⁴⁸ Джарх – отвод, та'адил – подтверждение (араб.). В совокупности представляют раздел хадисоведения, в задачи которого входит определение степени достоверности передатчиков *хадисов*.

⁴⁹ Имеется в виду «Мизан ал-и'тидал фи накд ар-риджал» мусульманского богослова и историка Ал-Хафиза Мухаммада б. Ахмада аз-Захаби. Сочинение представляет собой сборник биографий передатчиков *хадисов*.

⁵⁰ Имеется в виду сочинение мусульманского правоведа 'Абд ал-Малика б. 'Абдаллаха ал-Джувайни (Имама ал-Харамайн) (ум. 1085) «Шарх ал-варакат», посвящённое источникам *фикха*.

⁵¹ Бурхан ад-дин ал-Фазари, известный более, как Ибн ал-Фиркахи (1262–1329) – мусульманский правовед, автор комментария к сочинению ал-Джувайни «Шарх ал-варакат».

⁵² Иджма' – один из четырех корней, основных источников мусульманского права (*фикха*) у суннитов. Представляет собой согласованное мнение мусульман (обычно мусульманских правоведов) в определённое время в отношении решения конкретного вопроса или проблемы.

⁵³ Кийас – суждение по аналогии, один из четырёх корней, основных источников мусульманского права (*фикха*) у суннитов.

⁵⁴ Ал-Муватта' («Торная тропа») – сборник хадисов, составленный основателем и эпонимом маликитского *мазхаба* Маликом б. Анасом (713–795).

⁵⁵ Тафсир к Корану «Кашаф 'ан хакаи́к гавамид ат-танзил ва 'уйун ал-акавил фи вуджух ат-та'вил» («Раскрывающий истины откровения и источники высказываний относительно разновидностей толкования») Махмуда б. 'Умара аз-Замахшари.

⁵⁶ Тафсир к Корану «Мафатих ал-гайб» («Ключи от сокровенного») мусульманского богослова и философа Фахр-ад-дина ар-Рази (1149–1209).

⁵⁷ Имамат (араб.) – здесь: институт верховного руководства мусульманской общиной.

⁵⁸ Имеется в виду книга мусульманского правоведа Абу-л-Хасана ал-Маварди (ум. 1058) «Ал-ахкам ас-султанийа ва вилайат ад-динийа» («Законы власти и религиозное правление»), посвящённая вопросам государственного права.

⁵⁹ Имеется в виду Макс Энгер, редактор данного издания книги ал-Маварди: *Maverdii*

Constitutiones politicae, ed. Max Enger (Bonn, 1853).

⁶⁰ У Шмидта: Касталлани.

⁶¹ Де Гуге, Михаэль Ян (1836–1909) – голландский исламовед. Профессор Лейденского университета, член-корреспондент Петербургской АН. Автор критических изданий трудов средневековых арабоязычных историков и географов и др.

⁶² Ван Влотен, Герлоф (1866–1903) – голландский востоковед.

⁶³ Имеется в виду идиш.

⁶⁴ Имеется в виду книга ‘Абд-ал-Ваххаба аш-Ша‘рани (ум. 1565) «Мавазин ал-касирина мин шуйх ва муридин».

⁶⁵ Шейхов (араб.).

⁶⁶ Усул ал-фикх (араб. – корни фикха) – наука о методах в исламской юриспруденции.

⁶⁷ Имеется в виду коллекция рукописей (700 экз.), приобретённая в 1883 г. библиотекой Лейденского университета у мединского богослова Амина б. Хасана ал-Мадани (ум. 1898).

⁶⁸ Сокращённая версия книги. От араб. мухтасар (араб. – короткий).

⁶⁹ Имеется в виду книга ‘Абд-ал-Ваххаба аш-Ша‘рани (ум. 1565) «Мухтасар Тазкират» ас-Сувайди.

⁷⁰ Возможно, имеется в виду востоковед Эдвард Абботт ван Дейк, американский дипломат, служивший в Египте и Ливане в 1870–1880-е гг. Опубликовал критическое издание ряда медицинских сочинений на арабском языке. Его отцом был Корнелиус ван Ален ван Дейк (1818–1895) – американский миссионер, автор известного перевода Библии на арабский язык.

⁷¹ ‘Али Паша Мубарак (1823–1893) – египетский учёный и государственный деятель. Один из основателей Египетской национальной библиотеки. Основная работа ‘Али Паши – «Ал-хитат аттавфикийя ал-джадида» («Новые планы Тавфики») – 20-томное справочное издание, посвящённое истории, географии и топографии Египта.

⁷² Сократил книгу (араб.).

⁷³ Имеется в виду Мустафа б. ‘Абдулла, известный как Катип Челеби и Хаджи Халифа (1609–1657) – османский историк и географ. Говоря о сочинении Челеби, в котором он искал сведения об аш-Шарани, Шмидт, скорее всего, имеет в виду его главный труд – библиографическую энциклопедию на арабском языке «Кашф аз-зунун ‘ан ‘асами ал-кутуб ва-л-фунун» («Устранение сомнений относительно названий книг и искусств»).

⁷⁴ Не совсем понятно, о каком празднике идёт речь.

⁷⁵ Да здравствует царь! Да здравствует Россия! Да здравствует Франция! (фр.).

⁷⁶ Возражений и советов (араб.).

⁷⁷ Геракл (Геркулес) на распутье – известный античный сюжет, в котором отражены колебания Геракла между Добродетелью (Virtus) и Пороком (Voluptas). Выражение «Геркулес на распутье» употребляется в тех случаях, когда человек стоит перед сложным выбором одного из двух путей, лишь один из которых является верным.

⁷⁸ Кийас аш-шибх (араб. – аналогия сходства) – разновидность метода аналогии в мусульманском праве, при котором новое дело имеет сходство с двумя делами, используемыми в качестве исходных (первоисточников). В задачи правоведа входит выбор того из указанных двух исходных дел, которое имеет наибольшее сходство с рассматриваемым делом. Кийас ал-‘илла (араб. – аналогия причины) – разновидность метода аналогии в мусульманском праве, при котором новое дело сопоставляется со схожим старым. Оба дела должны иметь общее основание (ал-‘илла). Наличие общего основания в двух схожих делах требует принятия судебного решения.

⁷⁹ Здесь: надворного советника.

⁸⁰ Ибн Хишам, Абу Мухаммад ‘Абд ал-Малик ибн Хишам ал-Химйари (ум. 834) – арабский учёный, автор жизнеописания пророка Мухаммада, составленного на базе одноимённого труда Ибн Исхака (ум. 768).

⁸¹ Имеется в виду Рудольф Гейер.

⁸² Речь идёт о статье А.Э. Шмидта в сборнике, посвящённом В.Р. Розену: Шмидт А.Э. Применение системы фикха в арабской грамматике // Ал-Музаффарийат. Сборник статей учеников профессора барона Виктора Романовича Розена ко дню двадцатипятилетия его первой лекции, 13 ноября 1872–1897. СПб., 1897. С. 309–324.

⁸³ Прошу прощения у Аллаха Всевышнего, ведь поистине Он Великодушный и Милостивый (араб.).

Вальдемар Шмидт

НЕМЕЦКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В ВОСТОЧНУЮ АФРИКУ

Исследование вопросов, связанных с переселением российских немцев в восточноафриканские колонии Германии, возможно лишь благодаря анализу немецкой историографии по данной проблеме. До сих пор нет каких-либо работ, в которых рассматривалась бы данная тема. В статье анализируются не только исследования, касающиеся вопросов переселения немцев из России, но и даётся определённый обзор состояния темы в целом. При этом следует выделить три основных этапа в развитии немецкой историографии по вопросам переселения немцев из Российской империи в восточноафриканские колонии. Большинство работ на данную тему было опубликовано ещё до начала Первой мировой войны.

Первый этап немецкой историографии по вопросам переселения немцев из Российской империи в немецкие колонии в Восточной Африке охватывает период с 1906 по 1914 год и характеризуется накоплением фактов по данной теме. Большинство исследований зависело от взаимоотношений Российской империи с Германией, что в конечном итоге сказывалось на подходах исследователей и публицистов к вопросам переселенческой тематики в восточноафриканские колонии. В литературе этого периода разработаны только лишь общие вопросы переселения немцев из России в колониальные владения Германии.

Литература о колониальном прошлом Германии довольно обширна, и в этой связи следует выделить прежде всего работы, в которых нашли отражение общие вопросы развития немецких колоний или же историческое прошлое отдельных территорий, где Германия имела колониальные интересы. Помимо этой литературы, имеется огромное

количество чисто информативных материалов, в которых в краткой форме сообщается об общих проблемах колониальной политики и истории колоний. Помимо литературы общего характера, имеется также ряд специальных работ, в которых исследованы особенности мероприятий по заселению колониальных владений Германии в Восточной Африке. Однако в этой литературе содержатся очень скудные сведения о процессе переселения немцев из России, и они совершенно не систематизированы. Литературу первого этапа в развитии немецкой историографии по вопросам переселения в Восточную Африку можно разделить на следующие группы:

- литература общего характера;
- литература по вопросам экономического состояния и развития восточноафриканских колоний;
- материалы колониальных журналов, освещавшие вопросы переселения;
- материалы периодической печати Германии и публикации в колониальных газетах, непосредственно выходивших в Восточной Африке и публиковавших фактические сведения о переселении немцев из России;
- литература статистического характера, а также ведомственные сообщения о переселении;
- литература по вопросам развития системы школьного образования для детей переселенцев – немцев из России в Восточную Африку.

Многие исследования первого этапа развития немецкой историографии основаны, как правило, на непосредственных наблюдениях авторов и во многом носят субъективный характер в том, что касается оценки этого исторического процесса. Хотя они и

содержат определённые факты, в этих исследованиях нет существенных обобщений или чётких выводов относительно оценки переселения немцев из Российской империи.

Политики, учёные и публицисты первого десятилетия XX века оставили ценные сведения о деятельности колониального ведомства Германии и проводимых им мероприятиях по заселению восточноафриканских колоний выходцами из России. Надо отметить, что в работах некоторых авторов этого периода, выступающих с позиций, направленных против переселения немцев из Российской империи в немецкие колонии, встречаются резко негативные суждения о характере, целях и значимости проводимой политики, а также о контингенте переселенцев. Подобные суждения во многом уводят от восприятия самого процесса переселения российских немцев в восточноафриканские колонии как одной из составных частей колониальной политики Германии.

Причины негативных оценок в немецкой историографии этого периода объяснялись не только тем, что некоторые авторы, отрицательно относясь к российским немцам, прямо декларировали свои взгляды. В большей степени их позиции в отношении переселенческого движения немцев из России определялись ограниченным использованием источниковой базы.

К более серьёзным работам, опубликованным в немецкой историографии до начала Первой мировой войны, следует отнести труды таких исследователей этой темы, как Шелл, Деекен, Мейер, Форстер, Вайсхаута, Лейе, Самасса, Циммерманн, Мюллендорф, Герстенхаузен, Лигниц, Пфайль, Пааше, Фукс, Хайльборн, Рорбах¹.

При исследовании вопросов, связанных с переселенческим движением российских немцев в Восточную Африку, особое значение приобретают материалы периодической печати кайзеровской Германии начала XX века, которые также можно отнести к материалам историографического характера. Важным в этом смысле является то, что статьи в периодической печати этого времени

носили весьма информативный характер. К сожалению, многие материалы по интересующей нас теме, которые прямо или косвенно освещали данную проблему, практически не использованы в исследованиях немецких учёных этого периода. В периодической печати Германии по вопросам переселения немцев из России в Восточную Африку публиковались различные правовые документы, статьи лиц, непосредственно участвовавших в колониальной деятельности и в организации переселенческих поселений для немцев из Российской империи. Кроме того, издавались материалы, касавшиеся реализации проводимых мероприятий, а также особенности их осуществления.

При рассмотрении тематики переселения в Восточную Африку концептуальное значение приобретают прежде всего материалы газет Германии с 1906 по 1914 год, отражающие различные политические взгляды начала XX века по вопросам заселения немецких колоний в Африке выходцами из России.

Большую значимость в историографическом плане имеют материалы колониальных газет, которые издавались непосредственно в колонии. Это прежде всего материалы «Usambara – Post» и центрального печатного органа восточноафриканской колонии «Deutsche-Ostafrikanische Zeitung». В этих газетах опубликованы конкретные сведения о процессе переселения. В газетных материалах отражены взгляды представителей различных колониальных кругов на саму проблему переселения немцев из Российской империи в Восточную Африку. В основном эти материалы публиковались в газетах «Usambara – Post» и «Deutsche-Ostafrikanische Zeitung» с 1906 по 1909 год. Нужно отметить, что содержание многих статей из этих газет совершенно не использовано при исследовании данной проблемы и не проанализировано исследователями. Интересны эти материалы тем, что по ним можно проследить этапы в развитии различных общественных мнений о самой проблеме переселенческой экспансии Германии в колонии, а также мнения об использовании

российских немцев в колониальных мероприятиях Германии, что нашло яркое выражение прежде всего в публикациях газеты «Usambara – Post»².

Важным историографическим источником для исследования темы являются материалы колониальных журналов. Надо отметить, что существует полная библиография колониальных журналов по теме переселения, которая опубликована в работе Петера Юнге. Эта работа интересна тем, что автор разработал определённую классификацию колониальных журналов по группам. Исходя из этой классификации, можно подобрать именно те колониальные журналы, которые необходимы для исследования вопросов, связанных с переселением российских немцев в Восточную Африку³. К первой группе журналов исследователь относит ведомственные известия, атласы, различные сообщения о деятельности колониальных обществ. Вторую группу журналов составляют журналы научного характера – это прежде всего календари и ежегодники, журналы религиозных миссий.

Большинство журналов, которые касались вопросов переселения в восточноафриканские колонии, относятся к информативным журналам, содержание которых было рассчитано на широкий круг читателей. В этих журналах публиковались материалы, затрагивавшие проблему переселения немцев из Российской империи в Восточную Африку. К этому типу журналов нужно отнести прежде всего «Deutsche Kolonialzeitung», «Koloniale Zeitschrift», «Deutsches Kolonialblatt». В журналах публиковались материалы о деятельности колониальных органов в организации и регулировании процесса переселения российских немцев в немецкие колонии в Восточной Африке. В этих журналах также печатались различные распоряжения и приказы колониальной администрации, касавшиеся регулирования процесса заселения восточноафриканских колоний российскими немцами.

Другая группа журналов относилась к строго научным печатным изданиям, в которых также нашли освещение вопросы пере-

селенческой политики Германии и использование переселенцев из российских немцев в её колониальных интересах. К этой группе журналов относятся «Beiträge zur Kolonialpolitik, Kolonialrecht und Kolonialwirtschaft», а также «Koloniale Monatsblätter» и строго научный журнал «Jahrbuch über die deutschen Kolonien». Помимо этих журналов имелись специальные журналы информативного характера для желающих переселиться в колонии – «Deutsche Kulturpioniere» и «Kolonie und Heimat». В журналах с той или иной степенью регулярности освещались вопросы, связанные с переселением в Восточную Африку немцев из России. В материалах колониальных журналов содержатся солидные сведения, представляющие интерес для дальнейшей разработки темы.

Много интересных и обширных материалов имеется по данной теме в журналах «Die deutsche Schutzgebiete in Afrika und Südsee 1909/1910. <Amtliche Jahresberichte Reichskolonialamt>», а также в «Denkschrift über die Entwicklung der Schutzgebiete in Afrika und der Südsee im Jahre 1908/1909».

К числу важных историографических источников при изучении вопросов переселения российских немцев в Восточную Африку принадлежат материалы журнала «Evangelisch-Lutherische Missionsblatt». В этом периодическом издании опубликованы сообщения миссионеров, работавших в африканских колониях Германии в годы перед Первой мировой войной. В сообщениях отражены интересные факты о процессе переселения российских немцев в колонии Германии, а также описаны конкретные мероприятия по организации этого переселения.

В первый период развития немецкой историографии по данной проблеме особое внимание было уделено исследованию вопросов, связанных с развитием системы школьного образования для переселенцев из России. Хотя тема не очень глубоко разработана, по ней всё-таки имеется определённая историографическая база. Проведённый анализ имеющейся историографии позволяет сделать заключение, что проблема изучения развития образовательных учреж-

дений для российских немцев в немецких колониях в Восточной Африке специально не разрабатывалась. Поэтому в работах, посвящённых этим вопросам, имеются только отрывочные упоминания об этом процессе. К более значимым работам, в которых имеются факты о развитии школьного образования среди российских немцев-переселенцев, следовало бы отнести работы таких немецких исследователей, как Лоттманн, Шлюнк, Моритц, опубликованные ещё до начала Первой мировой войны⁴. Вышеназванные работы в какой-то мере дают определённое представление о развитии структуры школьного образования для детей переселенцев из Российской империи в немецких колониях в Восточной Африке⁵.

Таким образом, ещё до 1914 года было начато изучение истории переселения российских немцев в восточноафриканские колонии Германии. В этот период был накоплен определённый фактологический материал, появились первые работы. Основная часть авторов оценивала начавшийся процесс негативно. К сожалению, в этих оценках отсутствует анализ причин, которые бы объясняли именно негативные результаты переселения российских немцев. Анализируя этот процесс, многие исследователи возлагали вину за провал правительственных планов на самих переселенцев. Прежде всего переселенцам ставилось в вину отсутствие должных познаний в ведении сельского хозяйства, но замалчивались негативные факты о деятельности колониальных органов при наделении переселенцев землёй, пригодной для ведения сельского хозяйства.

Второй этап немецкой историографии по изучению вопросов переселения российских немцев в Восточную Африку охватывает период с 1920-го по конец 1940-х годов. Большинство работ по этой проблеме появляется в 1930-е – 1940-е годы. В этой связи нужно упомянуть статью Тролля, в которой автор анализирует причины и особенности развития европейских поселений в Восточной Африке, приводя в том числе примеры развития поселения российских

немцев. Для изучения вопросов переселения немцев из России работа Тролля интересна тем, что автор приводит факты о самом процессе переселения и роли колониальных органов, а также их влиянии на развитие этого переселения⁶.

К работам данного периода, затрагивающим состояние и развитие переселенческого движения немцев из России в Восточную Африку, относится труд пропагандиста колониальной идеи Пауля Рорбаха⁷. Надо отметить, что большинство работ немецкой историографии второго периода имеет чисто идеологическую окраску, и внимание исследователей в значительной мере направлено на осознание причин утраты колониального господства и возможности возвращения колониальных владений. К числу таких работ чисто идеологического характера относится труд Георга Вегенера, в котором автор восхваляет роль колониальной политики кайзеровской Германии и высказывает мысль о возможных путях возвращения утраченных колониальных владений. О переселении российских немцев в колонии в Восточной Африке автор этой работы отзывается как о негативном явлении, повлиявшем, по его мнению, на общий ход колониальной деятельности Германии в восточноафриканских колониях. В своих изысканиях по этой теме Вегенер утверждает, что вопрос о переселении российских немцев в немецкие колонии в Восточной Африке носил характер эксперимента и не был рассчитан на долгосрочные мероприятия⁸.

К более значимым работам по данной проблеме в немецкой историографии 1940-х годов относится исследовательская работа Цехлина и Руппель, в которой широко использованы материалы и фонды архивов. На основе архивных документов, отражающих отдельные аспекты темы, было опубликовано довольно солидное исследование, наметившее дальнейшую работу по следующим направлениям:

– позиция немецкой прессы по вопросу эмиграции российских немцев в колонии Германии и отношение к этому процессу

различных политических и колониальных кругов;

- позиция и отношение губернаторов Восточной Африки к проблеме переселения российских немцев;

- условия создания поселения и экономические проблемы его дальнейшего существования;

- причины и неудачи в проведении переселенческой политики, а также особенности дальнейшего развития созданного поселения.

Использованные исследователями факты, рассказывающие о деятельности колониального ведомства, достаточно важны и должны быть учтены при изучении истории переселения российских немцев в Восточную Африку. В исследовании также проведён анализ сложного и противоречивого процесса – переселенческой политики в отношении российских немцев, а впоследствии создания для них поселения в Восточной Африке. Следует отдать должное авторам исследования, они первые проторили дорогу к системному изучению этой сложной проблемы из колониального прошлого Германии. К сожалению, это исследование пока является единственным обобщающим трудом по данной теме⁹.

В плане изучения темы эмиграции российских немцев важна также работа Карла Фишера, в которой автор анализирует статьи газеты «Kaukasische Post», где публиковались сообщения о переселении немцев с Кавказа в восточноафриканские колонии Германии. В этой работе упоминается о поселении Николаевка в районе Пятигорска, откуда началось первое переселение немцев в Восточную Африку. Автор отмечает, что большинство материалов, публиковавшихся в газете «Kaukasische Post», были взяты из немецкой периодической печати. Материалы монографии интересны в плане рассмотрения общей ситуации, возникшей в поселении Николаевка и побудившей её жителей к переселению в восточноафриканские колонии¹⁰.

Что касается переселенческой и колониальной политики Германии, то её развитие

нельзя рассматривать как только чисто немецкое явление, наоборот, оно во многом определялось различными факторами как европейского, так и неевропейского происхождения. В этом смысле важно отметить, что немецкие колонии как цели для переселения по отношению к переселению из Германии и России в США были незначительными. Этот факт подтверждается содержанием не только публикаций колониальных журналов, газет, но и материалами исследований по вопросам переселения в немецкие колонии.

В 1920-х – 1940-х годах немецкая историография по вопросам переселения немцев из России продолжает дальнейшее исследование темы развития школьного образования среди переселенцев. Важной исследовательской работой является труд Моритца, в котором обстоятельно анализируются различные стороны развития школьного образования в колониальных владениях Германии в Африке¹¹. Помимо этой работы, заметное значение приобретают материалы справочного характера¹². В них сосредоточена информация о развитии образовательных учреждений среди переселенцев, статистические данные о количестве учащихся, мероприятиях губернатора восточноафриканской колонии по их организации.

К числу работ о развитии системы школьных учреждений в восточноафриканских колониях относится исследование Лейзнера. Автор уделит внимание прежде всего проблеме влияния колониальной администрации на процесс организации школьных учреждений не только среди местного населения, но и среди европейских переселенцев, а также организации школы в переселенческом поселении российских немцев Лейддорфе. В работе Лейзнера рассмотрена структура преподавания в европейских школах и многие другие вопросы¹³. Можно сказать, что его монография явилась первой обобщающей работой по истории развития системы школьного образования в колониях Германии. Эта работа написана на основе обширного фактологического материала.

Завершая обзор немецкой историографии второго периода по вопросам переселения немцев из Российской империи в Восточную Африку, хотел бы отметить, что, несмотря на идеологическую основу исследований, многие работы имеют серьёзное значение для дальнейшей разработки этой тематики. К тому же труды немецких исследователей этой темы второго периода не лишены определённой оригинальности в освещении этого исторического факта. В отличие от работ первого периода, они во многом базируются на привлечении архивного материала и его анализе.

Третий период немецкой историографии по вопросам переселения в восточноафриканские колонии охватывает время после окончания Второй мировой войны и по сегодняшний день. В работах немецких учёных третьего периода, к сожалению, имеется мало упоминаний о развитии эмиграционного движения в колониальные владения Германии со стороны российских немцев. Объясняется это тем, что интерес к исследованию этого исторического факта обусловлен прежде всего малочисленностью переселенцев из числа российских немцев. В трудах немецких историков этого периода в большей мере исследуются вопросы колониального прошлого Германии и его влияние на развитие бывших колониальных народов.

Историографический анализ позволяет выделить несколько групп работ по данной теме.

1. Прежде всего, исследования, посвящённые общим вопросам колониальной истории Германии, то есть работы, рассматривающие историю и значение колониальных завоеваний для политического и экономического развития метрополии. В этих работах анализируются основные периоды становления и развития колониальной системы Германии.

2. Вторую группу работ по данной тематике составляют исследования, освещающие региональную специфику в развитии переселенческого дела на основе эмиграции российских немцев. В этих работах имеются

сведения статистического, экономического характера в регионе Килиманджаро – Меру в период перед переселением российских немцев в этот регион, а также развитие экономической ситуации в регионе после их переселения. К сожалению, эти работы немногочисленны, но знакомство с ними позволяет сформировать определённое представление о значимости проводимой колониальной политики.

Проведённый историографический анализ позволяет также сделать некоторые выводы.

а. Прежде всего, надо отметить, что тема эмиграции российских немцев в колониальные владения Германии в Восточной Африке в немецкой историографии глубоко и основательно практически не разрабатывалась. Основной комплекс исследований приходится на начало XX столетия, то есть на период существования этого исторического явления.

б. Спектр проблем и вопросов, связанных с эмиграционным движением немцев из России, довольно широк, и, к сожалению, данная проблема не изучена.

с. Для исследования проблемы эмиграции российских немцев в годы, предшествующие Первой мировой войне, требуется исследование истории отдельных местностей и поселений, а также районов царской России, прежде всего их экономического состояния, повлекшего за собой развитие эмиграционных настроений в среде российских немцев

д. Крупные исследования, представляющие целостную картину развития эмиграционного движения среди немецкого населения царской России в предвоенные годы (до 1914 г.), в немецкой историографии пока отсутствуют. Очевидно, что дальнейшее исследование вопросов эмиграции российских немцев в восточноафриканские колонии Германии должно вестись по пути критического изучения не только немецкой историографии вышеназванных периодов, но и исторических источников, а также поиска и привлечения новых документальных материалов.

Примечания

¹ Rohrbach, Paul. Die deutschen Kolonien. Dachau, 1914; Schell, Willy. Deutschlands Kolonien. Berlin, 1912; Deeken. Die Auswanderung nach den deutschen Kolonien // „Kolonialen Abhandlungen“. Heft 21/22. Berlin, 1908; Meyer, Hans. Das deutsche Kolonialreich. <Ostafrika und Kamerun>. Bd. I. Leipzig; Wien, 1909; Förster. Die Siedlung am Kilimandscharo – Meru // „Koloniale Abhandlungen“. Heft 12. Berlin, 1907; Leue, A. Die Siedlung am Meru // „Schriften zur Förderung der inneren Kolonisation“. Heft 13. Berlin, 1912; Samassa, Paul. Die Besiedlung Deutsch-Ostafrika. Leipzig 1913; Zimmermann, Emil. Unsere Kolonien. Berlin; Wien, 1912; Müllendorff, Prosper. Ostafrika im Aufstieg. Essen, 1910; Fucks, Paul. Wissenschaftliche Erkundigungen im mittleren und nördlichen Deutsch-Ostafrika. Berlin, 1907; Heilborn, A. Die deutschen Kolonien. (Land und Leute). Leipzig, 1908; Lignitz. Produktion, Handel und Besiedlungsfähigkeit der deutschen Kolonien. Berlin, 1908; Pfeil. Die wirtschaftliche Entwicklung in Deutsch-Ostafrika. Berlin, 1907; Paasche, Hermann. Deutsch-Ostafrika.

² Особенно важны при исследовании темы переселения российских немцев в немецкие колонии в Восточной Африке следующие номера газеты «Usambara – Post»: от 1.02.1906, № 5; от 22.06.1906, № 4; от 18.07.1907, № 16; от 26.10.1907, № 22; от 2.11.1907, № 23; от 30.11.1907, № 27; от 28.12.1907, № 31, а также следующие номера этой газеты: от 29.09.1908, № 35; от 28.11.1908, № 47; от 12.12.1908, № 49; от 1.05.1909, № 16 и от 8.05.1909, № 17.

³ См.: Junge, Peter. Bibliographie deutschen Kolonialzeitschriften. Veröffentlichungen aus dem Übersee – Museum Bremen. Rehe C. Deutsche Geographische Blätter. N.F. Bd. 3. Bremen, 1985. S. 1.

⁴ Lottmann. Die Schule in unsere Kolonien // „Koloniale Abhandlungen“. Heft 2 (1907); Schlunk, Martin. Das Schulwesen in den deutschen Schutzgebieten. Hamburg, 1914; Moritz, Eduard. Das Schulwesen in Deutsch-Südwestafrika. Berlin, 1914.

⁵ См.: Шмидт, В. Из истории развития европейских школ в колониальных владениях Германии в Восточной Африке перед началом Первой мировой войны // Вопросы германской истории. Сборник научных трудов. Днепропетровск, 2012. С. 195; а также: Шмидт, В. О проблеме переселения в немецкие колонии по материалам колониальных журналов и публицистике Германии // Вестник КазНПУ им. Абая, серия «Исторические и социально-политические науки». № 1 (48). Алматы, 2016. С. 91.

⁶ Troll, Carl. Weißer Siedlungsraum in Afrika // «Koloniale Rundschau». XXVII. Jahrgang (1936).

⁷ Rohrbach, Paul. Abriß des Deutschum im Ausland und in den deutschen Kolonien. Leipzig, 1938.

⁸ Wegener, Georg. Das deutsche Kolonialreich. Potsdam, 1937.

⁹ Zechlin, Egmont; Ruppel, Edith. Volksdeutsche Siedlungsversuche in Deutsch-Ostafrika. Leipzig, 1944.

¹⁰ Fischer, Karl August. Die Kaukasische Post. Leipzig, 1944.

¹¹ Moritz, Eduard. Das Schulwesen in den deutschen Kolonien // Kolonien. Bücherei Deutscher Wille. Bd. 3. Berlin, 1927.

¹² Deutsches Kolonial-Lexikon. (Hrsg.) Schnee, Heinrich. Bd. II. Leipzig, 1920; или: Afrika. Handbuch der praktischer Kolonialwissenschaften. Das Schulwesen in Afrika. Berlin, 1943.

¹³ Leusner, Hermann. Das Entwicklung des Schulwesens in den deutschen afrikanischen Kolonien, jetzigen Mandatsgebieten von Ende des Weltkrieges bis zur Gegenwart. Köln, 1938.

В.В. Беляков

БЫВШИЕ РУССКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В ЕГИПТЕ.

1918–1920 гг.

Вскоре после окончания Первой мировой войны англичане начали перевозить в Египет бывших русских военнопленных, освобождённых ими в ходе военных действий против Турции на Ближнем Востоке. 6 декабря 1918 г. в Порт-Саид прибыла первая такая группа в количестве 64 человек. В середине декабря прибыли ещё 586 человек. Среди русских военнослужащих было немало тех, кто попал в плен на западном фронте, во время бегства революционно настроенных войск в Галиции в июле 1917 г. Турки перебросили их для подсобных работ на Ближний Восток.

Бывших русских военнопленных англичане разместили в двух палаточных лагерях, оснащённых походными госпиталями – в Телль аль-Кебуре, между Каиром и Исмаилией, и в Кантаре, на берегу Суэцкого канала между Исмаилией и Порт-Саидом¹. К маю 1919 г. число бывших русских военнопленных в Телль аль-Кебуре достигло 1148 человек².

Условия, созданные англичанами в лагерях, были, вероятно, вполне сносными. Об этом можно судить по положению в Телль аль-Кебуре русских беженцев, сменивших там бывших военнопленных весной 1920 г.³ Но не обошлось и без потерь. Весной 1919 г. на английском военном кладбище в Телль аль-Кебуре появились могилы русских солдат Петра Германа, Салиха Боткаева, Эрнста Преймана, Егора Федотова и Тимофея Грудина⁴. За их могилами англичане и сейчас ухаживают столь же тщательно, как и за могилами своих соотечественников.

По причине гражданской войны в России и непризнания Англией Советской власти репатриация бывших военнопленных на родину проходила медленно и, вероятнее всего, преимущественно через Дальний Восток. Так, из архивных материалов известно,

что 30 января 1920 г. и.о. российского консула в Порт-Саиде (царские дипломатические представительства в Египте в этот период ещё формально функционировали) отправил на пароходе во Владивосток пять бывших военнопленных. Деньги на билеты для них собрал агент Русского общества пароходства и торговли А.П. Пахомов⁵.

Ожидая репатриации, наши соотечественники занялись самообразованием. Об этом свидетельствуют два письма из Телль аль-Кебура в Париж, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ).

«1920 г., 2 января.

Мы, русские солдаты, б[ывшие] военнопленные в Турции, находящиеся в настоящее время в Египте в числе 120 чел[овек] под английским ведением, оторванные от всего мира и не получая ниоткуда никаких пособий и жалованья, прочтя объявление в газете Р.С.Г.⁶, решили просить вас об этом, т.е. о бесплатной высылке учебников и если возможно книг для чтения. Не имея никаких развлечений, мы организовали в лагере маленькую школу-библиотеку из собранных кое у кого книг. Желających учиться и читать много, но нет учебников, и преподаём устно на память, что ещё не забыли из России. Учебников не достаёт: географии, р[оссийской] истории, словесности, физики; грамматик правописания и синтаксиса. Нет также книг для первого обучения чтению и письменных принадлежностей. Если уважаете просвещение – пришлите.

За группу И. Титов и А. Гогения.

Египет, станция Телль аль-Кебир, лагерь русских бывших военнопленных»⁷.

Реакция адресатов в Париже была быстрой, о чем можно судить по второму письму.

«26/1/20 года. Египет, Телль аль-Кебир.

Уважаемым гражданам Михаилу⁸ и Пальчевскому⁹.

Сообщаем: учебники и книги получили 26 января с/г [сего года]. 5 пакетов книг чис[лом] 65, за которые от глубины сердец наших шлём большую благодарность. Для нас, забытых и оторванных от всего мира, заброшенных в пустыни Африки, тот день, когда мы получили книги, был днём великого светлого праздника, днём духовного воскресения. Измученные долгим томительным пленом, страдавшие в тяжкой рабской неволе, находившиеся целый ряд годов без морального воздействия, без духовной пищи, перенося унижения и оскорбления, мы потеряли веру [в] справедливость, в любовь, а главное в человечество. С получением же книг мы вновь воскресли, мы верим в человечество, что есть люди, которые готовы служить для просвещения, для блага народа, мы не можем выразить на словах той благодарности и уважения, которые мы питаем к вам. Скажет вам наша родина, великая страдавшаяся Россия, спасибо за великое дело просвещения.

Получили ваше письмо, в котором вы изъявляете готовность помогать нам в великом деле просвещения. У нас нет письменных принадлежностей, как мы уже сообщали вам, мы не получаем жалованья и пособий с тех пор, как попали под английское покровительство, а потому купить карандаш или бумагу нам не за что, пишем на серой обёрточной бумаге, сделана классная доска, окрашенная сажей, разведённой на яйцах, мел приготовляем известковый. Безграмотных у нас из 120 чел[овек] есть 11, с которыми занимаются учт. [учителя] Титов и Гогения. Они уже выучились читать и немного писать, а также прошли арифметику на все четыре действия. Теперь взялись за обучение русской грамматики. Остальные все малограмотные, окончившие сельские или земские училища. Но надо было видеть, с какой жадностью и любовью люди бросились на книги, у всех явилась жажда просвещения. Все малограмотные взялись за изучение дробей, грамматики, географии, мно-

гие ещё не знакомы с русскими классиками и нет беллетристики. Учителя тоже не большого образования, но что делать, что не доскажут, будем добиваться сами из книг. Согласно вашей просьбе сообщить вам о нашем положении и о том, как мы попали в Египет, скажем кратко: положение наше печально... А как мы попали сюда, сообщим в следующем письме.

Ещё осведомляем вас о том, что на днях предстоит нам быть отправленными из Телль аль-Кебира в Суэц. О перемене адреса сообщим.

Остаёмся с почтением за группу учителей [Титов и Гогения]¹⁰.

Перевод в Суэц наверняка означал, что англичане собирались отправить бывших русских военнопленных из Египта. Их переписка с Парижем прервалась. А вот куда доставили наших соотечественников, остаётся неясным. Если их всё же репатриировали на родину, то из Суэца, стоящего у южного входа в Суэцкий канал, логично было бы довести русских солдат до Владивостока. Впрочем, их могли высадить и где-то ещё, например, в Австралии, где в ту пору уже проживало немало русских.

Если обитатели лагеря в Телль аль-Кебуре покинули его уже к весне 1920 г., то в Кантаре бывшие военнопленные задержались почти до конца этого года. Известно, однако, что благодаря усилиям Советского правительства их доставляли на родину уже напрямую, через Одессу. «Относительно пункта, касающегося репатриации, следует указать, что некоторое число русских подданных, задержанных британскими властями в Египте, Персии, Константинополе, Батуме и в других местах и желающих возвратиться в Советскую Россию, ещё не получили необходимого разрешения от британских властей, — говорилось в ноте правительства РСФСР правительству Великобритании от 6 октября 1920 г. — Также нужно указать, что некоторые из этих пленных, например, содержащиеся в Кантаре в Египте, подвергаются обращению, которое вызывает энергичный протест»¹¹. В ответной ноте от 10 октября правительство Великобритании со-

общило, что «в числе русских подданных, ожидающих возвращения на родину в различных частях Британской Империи <...> 129 человек, ожидающих репатриации в Кантаре в Египте, насчёт якобы тяжёлого положения которых нам ничего не известно, но срочно наводятся справки»¹².

Не думаю, что англичане действительно плохо обращались с бывшими русскими военнопленными. Скорее всего, дело было в том, что лагерь в Кантаре (как и в Телль аль-Кебуре) располагался на краю пустыни, и переносить летний зной его обитателям было чрезвычайно тяжело. Сказывались и старые раны. 28 октября в Кантаре скончался рядовой Логвин Фокин. Он похоронен на английском военном кладбище в восточной (азиатской) части этого городка¹³.

По-видимому, дипломатический демарш Советского правительства подействовал. Уже 30 октября народный комиссар иностранных дел Г.В. Чичерин направил в Лондон, председателю Советской торговой палаты Л.Б. Красину, следующую телеграмму: «Приняты меры к встрече транспорта, на котором, по Вашему сообщению, русские пленные возвращаются из Египта и Константинополя в Одессу»¹⁴. Вероятно, тем самым репатриация из лагеря в Кантаре полностью завершилась. По крайней мере, после этой даты мы ни разу не встречали в документах упоминания о бывших русских военнопленных в Египте.

Примечания

¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 317, оп. 820/3, д. 70, л. 5, 8, 16.

² Там же. Оп. 820/1, д. 1071, л. 122 с об.

³ О положении в Телль аль-Кебуре русских беженцев подробно см.: *Беляков В.В.* «К берегам священным Нила...» Русские в Египте. М., 2003. С. 136-152.

⁴ *Беляков В.В.* Российский некрополь в Египте. М., 2001.

⁵ АВПРИ. Ф. 317, оп. 820/3, д. 181, л. 4, 5, 15.

⁶ Газета «Русский солдат-гражданин во Франции» выходила с июля 1917 г. и являлась центральным органом «Отрядного комитета русского войска во Франции». Редактором её был избран унтер-офицер В. Драбович. Газета должна была быть «строго-беспартийной, строго-демократической». Всего вышло 465 номеров газеты. В апреле 1920 г. выпуск газеты был прекращён, с мая для русских солдат издавалась газета «Луч» (см. ГАРФ, ф. Р-6167, оп. 1, д. 55).

⁷ ГАРФ. Ф. 324, оп. 3, д. 3, л. 6. Машинописная копия.

⁸ Михаил Александрович Михайлов – социал-демократ, политэмигрант (Швейцария, Франция), во время Первой мировой войны доброволец французской армии. В августе 1917 г. назначен военным комиссаром Временного правительства при 2-й дивизии Русского экспедиционного корпуса во Франции. С 1918 г., находясь в Париже, занимался культурно-просветительской деятельностью среди русских солдат во Франции и бывших военнопленных в заморских владениях Англии и Франции, в том числе на территории Алжира, Марокко и Египта.

⁹ Пальчевский (Палчевский) Николай Александрович (ок. 1883–1961) – деятель русской колонии во Франции. Бывший студент Киевского университета, прапорщик российской и лейтенант французской армии. В эмиграции с 1908 г. В 1914 г. – волонтер французской армии. После 1917 г. – в составе французской военной миссии в Петрограде. В 1921 г. возглавил культурно-просветительный отдел парижского Земгора. В этом качестве занимался работой среди русских солдат, оказавшихся в эмиграции во Франции, Италии, Бельгии, Египте, Алжире и других странах.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 324, оп. 3, д. 3, л. 9, 12. Машинописная копия.

¹¹ Документы внешней политики СССР. Том 3. М., 1959. С. 239.

¹² Там же. С. 318.

¹³ *Беляков В.В.* Российский некрополь в Египте.

¹⁴ Документы внешней политики СССР. Том 3. С. 308.

Николай Рыбинский

ПОД НЕБОМ АФРИКИ*

Русские во французском Иностранном легионе

Совсем недавно в Белград приехал поручик Д., отбывший пять лет службы во французском Иностранном легионе.

Иностранный легион, в котором служило большое количество русских, несомненно, ждёт ещё своего историка, и потому, полагая, что рассказы поручика Д. представляют не только частный интерес, я решил записать их.

Служба в Легионе – не единичные случаи опасных и увлекательных приключений, в которых принимали случайно занесённые в него единицы русских; Легион – это место, где находили службу тысячи русских людей. Службу, которая оплачивалась саниментами и взамен требовала крови, а очень часто и жизни.

Я записывал рассказы поручика Д. в той последовательности, как их слышал. И потому протокольный характер изложения и отсутствие литературной обработки могут быть оправданы моим желанием приблизить рассказ к подлиннику.

Н. Р.

* * *

...Эвакуация из Крыма и стоянка всей Русской эскадры прошла для меня на рейде у Константинополя в тумане. Сыпной тиф не покидал меня; в состоянии этой болезни я был перевезён на берег и помещён в один из французских госпиталей.

Когда я выписался из госпиталя, рейд был разгружен: корабли с беженцами ушли в Сербию через Адриатическое море, а армия была уже размещена частью в Галлиполи, частью в других лагерях. <...>

* Публикация В.П. Хохловой, бывшего научного сотрудника Института Африки РАН. В настоящее время на пенсии. Подзаголовок публикатора.

Нужно ли подробно останавливаться на моём положении после того, как я выписался из госпиталя? Человек за бортом! – было бы точным определением моей судьбы. Сброшенный в безбрежный человеческий океан большого чужого города, изнурённый тяжёлой болезнью, я влился в толпу таких же обездоленных и голодных людей, ищущих хлеба и заработка... Дни голодания тянулись уныло: о своём состоянии я судил по виду других, подобных мне горемык-русских «перекати-поле», гонимых ветром непогоды. На себе этого не замечаешь, но, вероятно, и у меня в глазах был тот же фосфорический блеск, какой бывает только у голодных людей. Ведь, когда человек день и ночь думает только о пище, – он тоже начинает напоминать зверя... Но это так, к слову.

Я лично не читал ни одного объявления о записи во французский Иностранный легион, но знаю, что такие объявления были вывешены в Константинополе в большом количестве. Может быть, это от того, что я не владел тогда французским языком. Но не знаю, откуда шли слухи, а вместе с ними и росла уверенность, что выход из положения будет найден: надо будет только пойти и записаться. Сразу будет готовый стол, помещение, где можно будет укрыться от холодного дождя на Перу¹ и пронизывающего ветра; будет казённое обмундирование, кое-какие деньги – франк тогда стоял очень высоко, – да мало ли ещё какие блага...

Загадочный Легион представлялся спокойным островом среди бушующего океана; французы – благодетелями рода человеческого, спасителями утопающих. И 30 декабря 1920 года я в группе, примерно, тридцать человек стоял в помещении управления французского военного агента и трепетно ожидал своей очереди подписания контракта. Все мы – тридцать – русские, чины Ар-

мии Врангеля. В зелени шевелившегося комка английских шинелей были офицеры, солдаты и казаки; один из нас был даже в чине полковника. Впрочем, все чины и воинские звания теперь были уже ни к чему: требовалась только живая сила, годная для боевых действий.

Подписанию контракта предшествовал беглый медицинский осмотр: доктор-француз выслушивал грудь, ощупывал мускулы на ногах и на руках, и что-то говорил, утвердительно кивая головой; вероятно, годен.

Момент подписания контракта, против ожидания, прошёл совершенно незамеченным. Часто в жизни бывает так, что главные моменты, оказывающие влияние на дальнейшую судьбу, ощущаешь только впоследствии. Так было и здесь: контракта даже не читали. Конечно, главным образом, оттого, что почти все тридцать ни звука не понимали по-французски. Но даже если бы и понимали, — не раз я думал об этом впоследствии, — даже если бы могли ясно дать себе отчёт о том, что нас ожидает, — разве и тогда это остановило бы наше решение? Думаю, что нет, ибо слишком силен был закон жизненной необходимости, толкавший нас в Легион...

После подписания контракта вся наша партия под командой французского капрала была отправлена в лагерь Шишли под Константинополем. Здесь мы пробыли до 10 марта 1921 года.

Лагерь Шишли представлял собою первый этап на пути в Легион. Почти каждый день сюда прибывали новые небольшие партии, на вербованные в Константинополе для службы в Легионе, и скоро число лагеря достигло 500 человек. Четыре пятых из этой цифры приходилось, конечно, на долю русских, а остальную часть составляли турки и болгары.

В Шишли мы все размещались в деревянных бараках, грязных и необорудованных. По прибытии в лагерь нам выдали всем по одеялу и по смене старого, не раз уже стиранного и рваного белья. Из обмундирования ничего не дали, и лагерь представлял собою месиво человечины, вшивой и грязной, в тех же поношенных зелёных англий-

ских шинелях. Особенно остро обстоял вопрос с обувью: некоторые из нас до того обносились, что ходили совершенно босыми.

Новых солдат великой французской республики кормили в лагере на редкость скверно. Отпускали собственно положенный для солдат рацион, но, доходя до нас, он, очевидно, прилипал к многим рукам, и мы получали только крохи. Да и те изводили своим унылым однообразием: фасоль и картофель; вина, например, что входит в паёк, ни разу не выдавали. <...>

Нужно отметить, что жизнь в Шишли протекала в полном бездействии, если не считать нарядов на работу, да и те были не очень обременительны. Наряжали главным образом на чистку картофеля, колку дров для общего котла и иногда на починку мостовой или тротуара у какого-нибудь из бараков, занятых начальством в лице сержанта или капрала. Бездействие утомляло людей, и все с нетерпением ожидали своей дальнейшей судьбы; ведь в бездействии всегда особенно остро хочется «переменить свою участь». <...>

За время пребывания в Шишли было несколько случаев рукоприкладства со стороны не в меру ретивых сержантов. Эти случаи вызвали в умах многих из нас неизбежную «переоценку ценностей» и заставили в первый раз задуматься над тем, что ожидает нас в легионе, раз уж здесь начинается битьё. Вспомнили, что контракта-то ведь никто не читал, — что, если бьют, то на основании какого-нибудь пункта, — и в результате побоев из лагеря убежало несколько казаков. Убежали так, как только казаки умеют убежать: как в воду канули, без всяких следов и надежды на поимку...

Здесь же в Шишли предоставлялась возможность желающим сделать выбор: поступить в кавалерийские части и ехать в Сирию или в пехотные и ехать в Марокко. Я — пехотный офицер — выбрал последнее.

10 марта из лагеря Шишли была отобрана партия в 350 человек, в которую попал и я, для отправки к месту службы. Почти вся партия, если не считать двух десятков болгар и турок, — русские.

Погрузившись в Золотом Роге на французский пароход, мы отплываем; первая наша остановка в Бейруте. На пароходе отношение к нам со стороны сопровождающего нас французского офицера очень участливое; к болгарам и туркам безразличное. Спим в трюмах, довольствуемся из походных кухонь, расставленных тут же на палубе. Кормят несколько лучше, чем в лагере: очевидно, чем ближе к цели, тем паёк полнее.

В Бейруте отдаём якорь и ссаживаем здесь 300 человек, едущих служить в Сирии в кавалерийских частях, снимаемся с якоря и держим путь на Александрию...

II

После непродолжительной стоянки в Александрии пароход наш прибыл в порт Алжир.

Здесь мы пробыли два дня. Первое, что встретила наша партия, высадившись на берег, был душ, которому нас всех без исключения подвергли в бане. Воды было вдоволь, и после грязных парходных трюмов помылись с истинным наслаждением. Снова медицинский осмотр, после которого нас разместили в казармах. Казармы старые, каменные, сносно обставленные, с железными кроватями и матрацами, с приличным казённым бельем. Здесь же нас сытно накормили и в первый раз выдали, наконец, давножданное вино, хотя и сильно разбавленное водой.

Здесь же каждый из нас получил первую половину премии, оказывается, предусмотренной контрактом, в 250 франков и первое легионерное жалованье за два дня службы в легионе по 25 сантимов в день; всего 50 сантимов.

Каждый легионер, подписавший пятилетний контракт, обязан непременно отбыть двухлетний «боевой стаж» в Марокко, т.е. принимать в течение этого времени непрерывное участие в боях. Только после отбытия этого стажа он может рассчитывать устроиться на более спокойном и безопасном месте где-нибудь в тылу.

Впрочем, и в легионе можно встретить немногих «ловкачей», сумевших как-то сра-

зу пристроиться в тылу, да так и отбыть весь срок службы. Это – лица, знающие какое-нибудь ремесло и несущие обязанности пекарей, сапожников и т.д.

По окончании пятилетней службы каждому легионеру предлагается возобновить контракт на любой срок, но не менее года. При этом он получает 200 франков в виде премии за каждый год и получает вторую прибавку к суточному жалованию. Через 8 лет службы он получает третью прибавку и через 15 лет право на пожизненную пенсию. Вот основные рамки контракта.

Много ли находится желающих возобновить контракт? Против ожидания приходится признать, что не мало. Причины этого явления довольно любопытны, и о них я скажу в своё время, когда упомяну о составе легиона.

* * *

Итак, после двухдневного пребывания в Алжире наша партия под начальством приставленных к нам капралов была посажена в вагоны и по железной дороге отправлена в город Бель-Аббес, отстоящий в 7-8 часах от Алжира вглубь материка.

На одной из узловых станций нас встретили выделенные за нами приёмщики, тоже капралы, и, напоив нас чёрной водой без сахара, которая называлась кофе, отправились с нами к месту назначения.

В дороге капралы, насколько наше ухо успело привыкнуть к французской речи и мы могли их понимать, – запугивали нас ужасами службы в легионе и, очевидно, судя по их усмешкам, рассказывали небылицы. Слово «большевик» упоминалось ими очень часто, и то ли они подозревали в нас большевиков, то ли хотели подчеркнуть свою неприемлемость большевизма – его назначение осталось невыясненным ...

* * *

Бель-Аббес вот уже скоро сто лет как находится под владычеством Франции. Когда-то сравнительно небольшой форт, построенный первыми легионерами, он разросся теперь в большой посёлок...

Старый форт, обнесённый каменными стенами с бойницами, представляет собою род Кремля; вокруг него широко раскинулись посёлки и деревни – «вилляжи», – населённые арабами, французами, испанцами и евреями разных оттенков: местными и выходцами из Испании. Последние поэтому называют себя «эспаньолами».

Форт представляет собою большой правильный четырёхугольник; в каждой из каменных стен – ворота, носящие названия дорог, на которые они выходят: Порт-Оран, Порт-Тлеман, Порт-Айя и Порт-Москера. В самом форту, где сосредоточены все французские учреждения, на площади происходит базар. Здесь же ютятся невероятное количество баров и кантин, в которых загulaвшие легионеры отводят душу и пропивают всё до сантима. В кантинах и барах вино невероятно плохое: с большой примесью настоя на табаке или на другом дурмане. Опаьянение от него всегда тяжёлое, сопровождающееся тяжёлыми головными болями...

В центре форта – бульвар Карно, сплошь усаженный пальмами. Пальмы разрослись, и бульвар – любимое теневое место для прогулок. По воскресеньям здесь играет оркестр 1 полка Иностранного легиона.

Здесь же, наряду с местными восточными лавчонками, можно увидеть и прекрасные европейские магазины. Базар в Бель-Аббесе очень колоритен: тюрбаны и чалмы арабов, лоснящиеся лица негров, форма легионеров, евреи, французы, арабы, испанцы – вся эта беспокойная толпа гудит, как встревоженный муравейник, на сотне разных наречий и жаргонов, и живёт своими интересами и своей жизнью, такой далёкой и чуждой для европейца. Но больше всего поражает и первое время буквально оглушает шум на базаре: вероятно, так же бестолково шумели при постройке Вавилонской башни...

Французский солдат не только должен есть мясо, пить вино и читать газеты, в его довольствие входит и женщина. Поэтому во всех местах стоянки французских гарнизонов непременно находятся и дома терпимо-

сти. В Бель-Аббесе, где проституция особенно развита, они вынесены за город и помещаются в одном из окрестных «вилляжей» – Де-Негро. В нём две улицы сплошь заняты этими злачными местами. Три дома отведены специально для гарнизона; вернее, чинам гарнизона разрешается посещать только три определённых дома; в остальные вход легионерам строго воспрещён. Сделано это не только из соображений гигиены и надзора за проститутками: ввиду частых драк и даже поножовщины в трёх этих домах несут дежурства ежедневно наряжаемые патрули из легионеров. Нести такое дежурство приходилось и мне.

Обитательницы домов – далеко не прекрасные – в большинстве отработанный шлак европейских бульваров – стареющие и старые проститутки – представлены почти всеми национальностями земного шара. К большому удовлетворению русских среди них не приходилось встречать.

За право входа в такой «Дом Телье»² взимается 50 сантимов; это даёт право потанцевать в общем зале под скрипку, на которой играет слепой, обычно инвалид. Женщина таксируется в три франка... Грязь в этих домах, имеющих сплошь и рядом земляные, всегда заплёванные полы, трудно описуема; спёртый воздух всегда насыщен нездоровым запахом тела и перегаром вина.

III

Казармы в Бель-Аббесе, в которых нам пришлось жить, находятся на бульваре Республики; оборудованы они совсем по-европейски; нет только электрического освещения. Они представляют собою ряд больших комнат, в которых размещается по 28 человек в каждой. Вдоль стен расставлены кровати, а на стенах – полки для «пактажа» легионера... В общем чисто.

Первые два-три дня вновь прибывших уходят на шатание по бесконечным канцеляриям – французский бюрократизм далеко превосходит наш пресловутый русский. В канцеляриях производится ряд анкет и заполняется выданная при подписании контракта «личная книжка» – «livre individuel»

легионера. Здесь самым подробным образом опрашивают о прошлой жизни и службе, семейном положении, чинах, орденах, отличиях и т.д., без конца. В результате анкет, записей и отметок новопривывший получает свой номер.

Этим как бы окончательно зачёркивается вся его прежняя жизнь: теперь он только легионер, числящийся по списку за таким-то номером. И ничего больше.

Снова производится медицинский осмотр, причём на этот раз снимаются отпечатки пальцев, которые приобщаются к общему досье легионера.

Регистрация окончена. Начинается обучение «молодых солдат» строю и словесности. И тут же на первых же парах предлагается желающим поступить в школу капралов. В перспективе, по окончании школы, можно дослужиться даже до сержанта. Дорога на офицерские места закрыта. В виде исключения в офицерских чинах принимаются кадровые русские офицеры и только старой Императорской армии. Но для этого необходимо представить подлинный послужной список и все бумаги, удостоверяющие, что последний чин Высочайшего происхождения.

Таких русских офицеров, принятых на офицерские должности, насчитывается во всём легионе около семи человек. Среди них каждый из легионеров с особой теплотой вспоминает капитана Добронравова. Благодаря его энергии и заботам очень много доброго сделано в смысле улучшения быта русских легионеров. В частности, в Бель-Аббесе оборудовано отличное «фойе дю солдат»; в казармах устроен кинематограф и оборудована вполне приличная библиотека, насчитывающая свыше 1000 томов русских книг. Библиотека получает также почти все русские газеты и журналы.

* * *

Распорядок дня в казарме следующий.

Подъём в 5 часов утра. Прибирать постели строго воспрещается; они остаются открытыми до обеда, частью с целью проветривания, частью для осмотра дежурного.

Немедленно за подъёмом, после умывания, дежурный по комнате приносит ту же неизменную «чёрную воду» без сахара. Кофе наскоро выпивается и начинаются строевые занятия. Тянутся они до 10 часов утра. В 10 утра сигнал зовёт к обеду. Обычное меню легионера: суп с куском мяса или рыбы, овощи и четверть литра вина, всегда разбавленного водой.

После обеда общая работа: чистка картофеля – основа всех меню, для следующего дня, уборка помещения и укладка кроватей. Кровать убирается строго по уставу; ещё строже должен быть сложен «пактаж» на полке, составляющий всё имущество легионера. Не только не должно быть ничего лишнего, но всё отпущенное от казны должно иметь вид, готовый каждую минуту для инспекторского смотра...

Так проходит время до часу дня. За этот промежуток времени происходит ещё церемония «рапорта», т.е. чтения перед строем приказов, распоряжений начальства, нарядов и т.д.

В час дня снова строевые занятия, которые тянутся до 6 часов вечера. В 6 часов вечера ужин; по существу, он ничем не отличается от обеда, разве только порции меньше. После ужина до 9 часов вечера легионер вправе распоряжаться своим временем: он может отлучаться из казармы; может предаваться и личным заботам в виде починки белья, писания писем и т.д.

Отмечу ещё одну мелкую, но очень характерную деталь. Всякий легионер, который отлучается из казармы в город, должен быть не только подтянут, но и одет очень опрятно и чисто. Если он в шинели, то шинель должна быть застёгнута на все пуговицы. А так как шинели двубортные, то на основании устава французской службы от 1 до 15 каждого месяца пуговицы шинели должны застёгиваться на правую сторону, а с 15 до 1 числа – на левую. Очевидно, французская бережливость требует, чтобы казённое имущество равномерно изнашивалось...

В 9 часов вечера дежурным “sous-officier”³ производится проверка. Общего строя, как у нас по ротам, нет, и производит-

ся она по комнатам. Все, кто ещё не успел раздеться и лечь, должны стоять у своих кроватей; кто улёгся раньше, может лежать, лишь бы успел раздеться...

В 9 с половиной часов раздаётся сигнал «гасить огни». Трудовой день legionера закончен, и казарма засыпает до утра крепким сном усталых людей.

* * *

Коснусь вопроса о наказаниях. Мне кажется, что поголовные избиения legionеров, шпицрутены и прочие прелести старой муштры отошли в область преданий и успели стать казарменной сказкой. По крайней мере, при мне не было ни одного случая избиения в строю. Не знаю я также ни одного случая, когда бы французский офицер ударил legionера. Но как бытовое явление можно отметить случаи битвы рядовых legionеров капрами и сержантами. Происходит это обыкновенно на работах или при уборке казарм, когда прямое и непосредственное начальство «выходит из себя»... Подофицеры – такое же зло во французской казарме, каким в русской революции оказались наши полуинтеллигенты, вернее сказать – подинтеллигенты. Малокультурные, озлобленные, лживые, подлые, – они являются подлинным бичом legionера. Правда, не раз были случаи, когда legionер, если у него кулаки оказывались не слабее, давал тут же сдачи, и расхорохорившийся «прямой и непосредственный» также прямо и непосредственно поджимал свой хвост и, ругаясь, отходил в сторону. Общий фон отношений – невыносимая грубость.

Ставить под ружьё не принято. Прощтрафившемуся даются наряды не в очередь на дежурства и на работы. Распространён так называемый “Consigne” – неувольнение со двора, – связанный с тем, что лишённый права отлучки обязан по каждому сигналу являться к дежурному офицеру в “Poste de Police”⁴.

“Poste de Police” имеется в каждой казарме; сигналов по разным поводам подаётся много, и таким образом приходится являться каждые 20-25 минут.

Самый тяжёлый и распространённый вид наказания – это “Prison” – тюрьма. Наказания отправкой в тюрьму выражаются в следующих назначениях: на 4, 8, 15, 30 и 60 дней. Любопытно сравнить это с русским уставом, по которому предельный срок карцера не превышает 30 дней.

Совершивший какой-нибудь проступок немедленно отправляется в “Prison” властью того начальника, который уличил его в совершении проступка, и делу даётся дальнейший ход. Например, ротный командир отправил legionера по всей строгости своей власти на 8 суток и сейчас же он рапортом доносит об этом с изложением всех обстоятельств батальонному командиру; батальонный имеет право увеличить наказание до 15 суток; в свою очередь он пересылает всё дело командиру полка. Тот имеет право увеличить наказание до 30 суток и препровождает переписку генералу. И от генерала уже зависит увеличить наказание до 60 суток или предать виновного суду.

IV

Что же представляет собою знаменитый “Prison”, наводящий холодный ужас на legionера? Это – небольшое «картё», отдельный двор, обнесённый со всех сторон высокими каменными стенами. Вдоль стен внутри двора небольшие постройки: квартира для сержанта и ряд отдельных карцеров, куда на ночь запираются заключённые. Днём заключённые принуждаются к тасканию на себе мешков с песком или камнями.

Двор вымощен каменными плитами; ни деревьев, ни тени; и в те часы, которые отведены для строевых занятий, узники “Prison” уныло меряют круг во дворе и изнывают от жары, порою доходящей до 60 градусов, и от тяжести мешков. Работа каторжная. Бессмысленность и бесцельность этого адского труда тяжело отражается на психическом состоянии: чувствуешь себя низведённым на степень беззащитного вьючного животного, которого хозяин гоняет на корде.

И только очень немногим счастливым удаётся в некоторые из дней попасть в наряд на работы: нарубить дров для сержанта

или сделать ещё что-нибудь по его приказанию. Кормят впроголодь. И на фоне беспрерывного издевательства и побоев между заключёнными и их тюремщиками устанавливаются сразу же такие отношения, которые очень напоминают отношения укротителя с заключёнными в клетке зверями... Вынослив человек, ко всему привыкает, но не всегда нервы тупеют, не всегда атрофируются, иногда и не выдерживают... Бывает, впрочем, ещё и так, что обиды так глубоко западают в душу, что не остывают целые годы, — кто знает человеческую душу? И был, например, такой случай, что одного из особенно жестоких “sous-officier”, свирепствовавшего в легионерском застенке, сбросили с корабля в воду. Сделали это легионеры, давно уже отбывшие наказания. Их перевозили на службу в Сирию. И вот выдался момент, когда остались на палубе наедине, вспомнили и воспоминания эти оказались такими сильными, что ничто не помогло их изгладить. Даже смерть, не раз после наказания смотревшая в глаза этим легионерам...

Общее впечатление об отношении к легионерам такое. Со стороны офицеров презрительное и холодное: нет того, что в русской армии «пожалеть»; со стороны подофицеров — озлобленное и грубое... Да другим едва ли оно и может быть: легионер — это прежде всего раб, продавшийся в рабство на пять лет. А затем это — вооружённый раб. Он не только воюет, но и работает, как вол, строя крепости и прокладывая дороги. Он же и выючная сила для переноски тяжестей; словом, служба в Легионе, — вид рабства «за всё»...

И если нужны иллюстрации отношения начальства к подчинённым, то их можно было бы привести бесчисленное множество. Полагаю, что достаточно будет, если я расскажу о случае, имевшем место в одном из госпиталей при тяжёлой операции, которой был подвергнут один из легионеров, нуждавшийся во вскрытии полости живота.

Французский военный врач заявил, что операция сложная и делать её нужно под общим наркозом. Но так как расходы на общий наркоз выражаются в большой сумме,

то он стал в тупик, можно ли такую сумму денег ухлопать на ремонт казённого инвентаря в виде легионера: не будет ли потом начёта со стороны контроля... Врач долго колебался и — это было бы похоже на анекдот, если бы дело окончилось одним колебанием врача, — сделал операцию под местным наркозом...

— Ты посуди сам, — сказал он оперируемому, — ты стоишь по казённой расценке всего 500 франков (премия, которую получает легионер), а затрачивать на тебя приходится 600 франков...

До сих пор у меня в памяти сохранились и яркие случаи оставления отставших в походе. Идёт колонна в походном порядке, немилосердно жжёт южное солнце; равнение в рядах нарушено, разморенные люди теряют шаг. Кое-кто из легионеров отстаёт; капралы подгоняют его окриком, руганью и пинками... Легионер падает, его поднимают и заставляют идти... Но вот он доходит до того состояния, что ни угрозы, ни побои уже больше не действуют, он падает в полном изнеможении. Тогда от отставшего отбирается винтовка и патроны (наиболее ценное из казённого имущества), а легионер остаётся лежать до подхода арьергарда, который и подбирает всех отставших.

Для того, чтобы говорить о составе Легиона по национальностям, следовало бы взять в руки учебник географии и перечислять страны, народы и народности, и только изредка делать отметки о недостающих. В самом деле, кого только здесь нет? Трудно сказать, какие народности в Легионе отсутствуют. Но всё же есть одна народность, которая не только превалирует над другими, но составляет главную массу легионеров.

Это — немцы. На первый взгляд это кажется странным, но французский Иностраный легион на три четверти состоит из немцев.

Эмиграция значительно повысила процент русских в Легионе, и одно время общее число их превышало 4000 человек.

Время идёт. Несомненно, что Легион претерпел в своём составе некоторую эволюцию. Трудно сказать, что весь он уком-

плектован исключительно из людей, потерпевших крушение на жизненном пути. Лучшее всего это опровергает наличие в нём большого количества русских, загнанных в Легион крайней необходимостью. Но нужно сознаться, что преступного элемента и человеческого отребья всякого рода, действительно, хоть отбавляй и в настоящее время.

Кражи, разврат, пьянство, карточная игра – обычное явление в серой жизни легионера.

Время, когда из Легиона не было выдачи, тоже прошло, и уголовные преступники теперь выдаются. При мне был арестован один легионер, которому до окончания службы оставалось всего несколько месяцев. Он оказался крупным преступником, которого тщетно по всему миру разыскивала полиция; в Легионе он укрылся под вымышленной фамилией. Насколько он крупный преступник, видно из того, что как только его опознали, его тут же в казарме заковали в кандалы и увели под усиленным конвоем...

Горьковские босяки из «На дне» – апологеты морали по сравнению с царящей здесь безнравственностью. Особенно низко пали в моральном отношении немцы, которые служат как-никак у врагов своего народа и, конечно, являются его отбросами. Я думаю, что во всём мире не существует такой низости и гадости, на которую были бы они [не] способны. Можно сказать без преувеличения, что французский Иностраннный легион – это колония для немецких преступников. С той лишь разницей, что не правительство посылает их на поселения, а едут они сюда сами добровольно...

Несмотря на то, что «женское довольствие» во всех гарнизонах, как я уже упоминал, организовано очень широко, в Легионе процветает гомосексуализм в самых бесстыдных и неприкрытых формах. Создался на этой почве своего рода целый кадр мужских проституток, отдающих за небольшую плату, а очень часто и в обмен на какую-нибудь вещь...

На фоне этого духовного разложения и полного упадка морали русские кажутся от-

сталыми дикарями, совсем не тронутыми европейской «культурой». И слава Богу, конечно.

* * *

В Бель-Аббесе стоит первый полк Легиона, являющийся в то же время и запасным полком для остальных трёх полков Легиона. Здесь же находится и штаб Легиона и все тыловые учреждения. В Бель-Аббесе обучают прибывших в Легион молодых солдат, комплектуют маршевые роты и высылают их на пополнение убыли в полках, находящихся в Марокко.

Бель-Аббес не только живописный, но и очень культурный центр: влияние Европы заметно на всём. Особенно поражает область агрокультуры: правильно распланированные сады с окученными посадками, шахматный распорядок деревьев и обилие миндаля, лимонов, инжира и всех других представителей богатой южной флоры. Всё это – в зависимости от времени года – цветёт, зреет, наливаясь, и всегда радует глаз обилием и сочностью плодов и богатством окраски. Местность в Алжире сухая; ощущается недостаток в воде, но это не очень отражается на земледелии, благодаря искусственному орошению. Алжир всегда кишмя кишит предпринимателями, приезжающими из Франции и других стран для аренды садов и виноградников, подрядов на постройки и т.д. Бель-Аббес процветает, ширится и растёт на наших глазах за эти пять лет, что я пробыл в Африке...

Город живёт своей культурной жизнью, но для легионера – такова печать невидимого проклятья над нами – все дома закрыты. Не имеет он права и на знакомства. Остаются только кантины и бары, где у испанского еврея пропивается всё жалованье, да дома терпимости, где в дни получек дым стоит коромыслом.

Пьянство, если оно не переходит определённых пределов, не карается вовсе. Можно совершенно безнаказанно напиться до положения риз и быть принесённым в казарму в полумёртвом состоянии. Таких, а их набирается много, складывают на «Пост де полис»,

где они лежат до отрезвления. Наутро, несмотря на свинцовую тяжесть в голове, все должны быть на строевых занятиях. Пьяный дебош в казарме карается строго.

В Бель-Аббесе легионер обычно живёт до пяти месяцев. За этот срок он вполне постигает всю французскую муштру и представляет собою готовый материал для расширения французского владычества в Марокко. Словом, он считается идеологически вполне готовым умереть за... родную Францию.

(Окончание в следующем номере)

Новое время. Белград, 1926. №№ 1457, 1458, 1459.

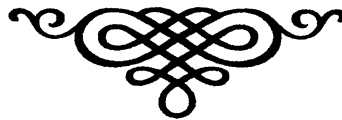
Примечания

¹ Перу – район Стамбула.

² Имеется в виду рассказ французского писателя Ги де Мопассана (1850–1893) «Заведение Телье» (написан в 1881 г.) о провинциальном публичном доме.

³ Унтер-офицер (франц.).

⁴ Полицейский участок (франц.).

Ю.Н. Тихонов

ПИСЬМО Г.В. ЧИЧЕРИНА И.В. СТАЛИНУ О ВЫПОЛНЕНИИ УСЛОВИЙ СОВЕТСКО-АФГАНСКОГО ДОГОВОРА О ДРУЖБЕ 1921 ГОДА

Важным фактором, ускорившим установление дипломатических отношений между Советской Россией и независимым Афганистаном, было стремление афганского правительства получить российское оружие. Сотрудничество в военной сфере являлось для эмира Амануллы-хана¹ крайне важным, так как угроза со стороны Великобритании и внутренние мятежи заставляли его прилагать значительные усилия для пополнения афганских арсеналов. Правильно оценив значение экспорта вооружения для укрепления советских позиций в Центральной Азии, нарком иностранных дел Г.В. Чичерин² выступал за своевременное выполнение условий советско-афганского договора о дружбе 1921 года.

При подписании этого договора афганцы категорически требовали включить в этот документ статьи о советской военной помощи Афганистану. В начале 1921 г. Чичерин направил в ЦК РКП(б) докладную записку, в которой настаивал на предоставлении Аманулле обещанного оружия. «По предварительному договору, подписанному Сурицем³ в Кабуле, мы обязались Афганистану в двухмесячный срок по утверждению договора дать: 1) 12 аэропланов и школу авиации, 2) две батареи зенитных орудий (8 орудий), 3) пять тысяч пятизарядных винтовок с необходимыми запасами патронов, 4) завод бездымного пороха. Договор ещё не утверждён нами. Мы внесли в него изменения, касающиеся территориальных вопросов и консульств, что же касается вооружения, то афганцы категорически отказываются выбросить из договора обязательства об оружии, ссылаясь на отсутствие инструкций из Кабула. Это грозит нам затяжкой в заключении договора по крайней мере месяца на два-три»⁴.

Чтобы избежать столь нежелательного развития событий, Чичерин предлагал либо сохранить пункты о военных поставках в тексте договора, либо, в крайнем случае, подписать с Афганистаном отдельный документ, в котором Москва взяла бы на себя обязательство предоставить в полном объёме ранее обещанное афганцам вооружение. В итоге советское руководство в 1921 г. приняло решение оставить в силе все обязательства о военной помощи Афганистану, и в первый советско-афганский договор вошли статьи о поставках вооружения Аманулле-хану.

Ещё больше сил стоило Чичерину добиться выполнения этих обязательств советским правительством. Советской стороне в начале 1920-х гг. было трудно обеспечить даже сравнительно небольшие поставки вооружения Афганистану. Кроме того, с ростом басмаческого движения в Бухаре значительно обострились советско-афганские отношения. По этим причинам отправка вооружения в Афганистан шла крайне медленно, а затем совсем прекратилась. Советское правительство не хотело отдавать Аманулле даже то оружие, что уже было доставлено в крепость Кушку.

Встревоженный реальной угрозой ухудшения отношений с Афганистаном Чичерин направил Сталину⁵ письмо, в котором доказывал необходимость военной помощи Аманулле. Видимо, его послание не встретило понимания у этого влиятельного большевистского лидера, так как через два дня глава НКВД направил письмо аналогичного содержания уже В.И. Ленину⁶.

Содержание и тон чичеринской переписки с другими членами советского правительства в 1922 г. свидетельствуют о том, что нарком иностранных дел не верил, что Афганистан будет проводить крупномас-

штабные акции против Советской России в Средней Азии. Однако первые партии российского оружия были поставлены Аманулле лишь в 1924 г., когда в Кремле было принято решение оказать Кабулу необходимую помощь в подавлении мятежа пуштунских племён в Хосте.

Ниже впервые публикуется одно из писем Чичерина Сталину по «афганским вопросам» в 1922 г. В тексте документа сохранена авторская орфография.

Товарищу Сталину. 23.03.1922.

Уважаемый товарищ,

Все те, кто в настоящее время стоит близко к нашим сношениям с Афганистаном, самым энергичным образом настаивают на том, что отсрочка выдачи афганцам заготовленного для них в Кушке и подлежащего выдаче им оружия была бы самым вредным и губительным шагом. Тов. Цукерман⁷, ведущий в Ташкенте в настоящее время эти дела, говорит, что это вызовет величайшее возбуждение в афганском правительстве и может толкнуть его к самым враждебным шагам. Сам т. Раскольников⁸ пишет, что он даже не решается передать об этом эмиру, так как такое нарушение данных за последнее время обещаний и такой агрессивный акт с нашей стороны может толкнуть афганское правительство к самым враждебным действиям, причём сам т. Раскольников настаивает, чтобы мы отсрочили нашу агрессивную политику.

Только что приехавший из Кабула т. Розенберг⁹, вообще далеко не дружелюбно настроенный к афганскому правительству, в специальном докладе¹⁰, в самой настойчивой форме, обратил моё внимание на следующее: как раз в данный момент благоприятно для нас разрешён конфликт с афганским правительством о консульствах в Южном Афганистане, причём т. Раскольников торжественно обещал эмиру компенсировать благоприятный исход этого конфликта немедленной передачей сосредоточенной в Кушке помощи. Крутой поворот в нашей тактике, выражающийся в нарушении этих торжественных обещаний нашего полпреда,

афганцы несомненно будут расценивать, как продиктованный желанием спровоцировать новый конфликт с ними с целью срыва выполнения договора (такие заявления уже были); наши широковещательные заявления о дружбе в сочетании с тем, что мы целый год вырабатывали договор о дружбе и затем полгода не могли его ратифицировать¹¹, а после ратификации не могли выполнить взятые на себя обязательства, и за всё время из обещанной помощи дали только два аэроплана – всё это подрывает у афганцев всякую веру в реальность наших обещаний и в надёжность нашей политики. Если бы мы, хотя бы в небольших размерах, начали передавать афганцам оружие, предназначенное для них, с тем, чтобы остальное продолжать выдавать понемногу несколько позднее, это показало бы афганцам, что мы приступаем к выполнению наших обязательств и что в нашей политике не произошло резкого поворота. Тов. Розенберг специально указывает, что накануне Генуи¹² особенно важно избежать скандала, каковым был бы прорыв нашего единого фронта с мусульманским Востоком, а задержка подлежащего выдаче Афганистану оружия будет означать такой прорыв восточного фронта.

Действительно, если мы начнём в небольшом количестве выдавать афганцам предназначенное им оружие, это будет столь ничтожно, что в самом худшем случае нам не повредит, а демонстрация верности нашей политике будет произведена, и одиозный шаг, ведущий к разрыву, будет избегнут.

Тов. Цукерман указывает, что до сих пор у нас нет конкретных несомненных фактов оказания помощи басмачам Афганистаном. Действительно, наши восточные разведывательные органы, весьма мало солидные, распространяют алармические¹³ сведения, сеют панику, но проверенных фактов мы не имеем¹⁴.

С коммунистическим приветом

Чичерин

*РГАСПИ. Ф. 159 (Фонд Г.В. Чичерина).
Оп. 2. Д. 49. Л. 5–6.*

Машинописный текст. Подпись – автограф.

Примечания

¹ Аманулла-хан (1892–1960) – эмир, затем (с 1926 г.) король Афганистана в 1919–1928 гг. Провозгласил независимость своей страны от Англии. В 1921 г. заключил с Советской Россией договор о дружбе. Провёл ряд прогрессивных реформ, которые вызвали сопротивление как реакционных сил, так и простого населения, страдавшего от увеличения налогового гнёта. В условиях нараставшего в стране внутривластного кризиса пытался удержаться у власти при помощи СССР. В 1929 г. вынужден был отречься от престола из-за восстания в стране. Эмигрировал в Италию. В течение многих лет стремился с помощью иностранных держав вернуть себе власть в Афганистане. Осознав своё поражение в борьбе с династией Яхья-хель, официально примирился с афганским королём Захир-шахом. Умер 26 апреля 1960 г. в Швейцарии.

² Чичерин Георгий Васильевич (1872–1936) – советский государственный деятель и дипломат. Участвовал в подписании Брестского мира в 1918 г. В 1918–1930 гг. был наркомом иностранных дел РСФСР и СССР. Участник 1-го конгресса Коминтерна. В 1922 г. возглавлял советскую делегацию на Генуэзской конференции. В 1925–1930 гг. – член ЦК ВКП(б). Член ВЦИК и ЦИК СССР. С 1930 г. – на пенсии.

³ Суриц Яков Захарович (1882–1952) – советский дипломат. В 1918–1919 гг. – представитель РСФСР в Дании. В 1919–1921 гг. – полпред РСФСР в Афганистане. До 1922 г. – уполномоченный НКВД по Туркестану и Средней Азии. В 1922–1923 гг. – полпред в Норвегии. В 1923–1934 гг. – посол в Турции. В 1934–1937 гг. – посол в Германии. В Стамбуле и Берлине поддерживал тайные контакты с амануллистами. С 1937 г. – советский посол во Франции. После фашистской оккупации этой страны был отозван в Москву и работал в аппарате НКВД. В 1946–1947 гг. был послом в Бразилии. В 1948 г. вышел в отставку.

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 159 (Фонд Г.В. Чичерина). Оп. 2. Д. 49. Л. 46.

⁵ Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879–1953) – один из руководящих деятелей ВКП(б) и советского государства. С 1917 г. – член ЦК и ВЦИК. 1919–1952 гг. – член Политбюро. 1917–1922 гг. – нарком по делам национально-

стей; одновременно в 1919–1920 гг. был наркомом госконтроля и в 1920–1922 гг. наркомом РКФСР. Активный участник Гражданской войны. В сентябре – ноябре 1920 г. был уполномоченным Политбюро ЦК РКП(б) на Кавказе. С апреля 1922 г. – Генеральный секретарь ЦК.

⁶ Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924) – создатель большевистской партии и Советского государства. В 1917–1924 гг. – глава правительства РСФСР и СССР. Инициатор образования Коминтерна в 1919 г.

⁷ Цукерман Владимир Моисеевич (1891–1937) – советский дипломат. С 1919 г. – сотрудник полпредства в Бухарском ханстве. С августа 1920 г. – временно исполняющий обязанности полпреда в Бухаре. В 1921–1922 гг. – зав. Отделом внешних сношений НКВД в Ташкенте. В 1922–1931 гг. – зав. Отделом Среднего Востока НКВД. До 1937 г. – зав. Первым Восточным отделом НКВД. Репрессирован.

⁸ Раскольников (Ильин) Фёдор Фёдорович (1892–1939) – советский военный и партийный деятель, дипломат. Член ВКП(б) с 1910 г. В 1917 г. – член Петроградского ВРК и комиссар при Морском Генеральном штабе. В 1918 г. – зам. наркома по морским делам, член РВС Восточного флота и РВСР, командующий Волжской флотилией. В 1919–1920 гг. – командующий Волжско-Каспийской флотилией и Азербайджанским флотом. 1920–1921 гг. – командующий Балтийским флотом. Советский полпред в Афганистане с 16.7.1921 г. по 6.2.1924 г. До 1928 г. – зав. Восточным отделом ИККИ (под псевдонимом Петров). До 1930 г. – член коллегии Наркомпроса РСФСР и начальник Главного управления по делам искусств. В 1930–1938 гг. – советский полпред в Эстонии (1930–1935), Дании (1933–1934), Болгарии (1934–1938). Невозвращенец. В 1939 г. убит (?) в Ницце.

⁹ Розенберг Марсель Израилевич (1896–1938) – советский дипломат. В 1918 г. – зав. отделом посольства РСФСР в Берлине. С 1920 г. – уполномоченный по Средней Азии и советник полпредства в Афганистане. В 1926–1930 гг. – зам. зав. Национальным сектором ЦК РКП(б). С 1930 г. – советник полпредства СССР в Риме. С 1931 г. – временный поверенный в делах во Франции. В 1936–1937 гг. – посол в Испании. В феврале – декабре 1937 г. – уполномоченный НКВД в Грузинской ССР. Репрессирован.

¹⁰ Данный документ не публикуется.

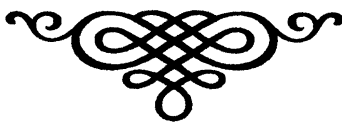

¹¹ Чичерин справедливо берёт за точку отсчёта советско-афганский договор, подписанный Сурицем в Кабуле 13 сентября 1920 г. Советско-афганский договор о дружбе был подписан в Москве только 28 февраля 1921 г. и ратифицирован ВЦИК РСФСР 20 апреля того же года. Обмен ратификационными грамотами состоялся в Кабуле 14.09.1921 г. Таким образом, Чичерин считал подписание дружественного договора с Афганистаном в Москве фактической ратификацией документа, подписанного в Кабуле в сентябре 1920 г. // *Теплинский Л.Б.* СССР и Афганистан. М., 1982. С. 38–39; *Панин С.Б.* Советская Россия и Афганистан. 1919–1929. М. – Иркутск, 1998. С. 44.

¹² Речь идёт о Генуэзской конференции (10 апреля – 19 мая 1922 г.) – международной конференции по финансовым и экономическим вопросам (главным образом, о «царских долгах») с участием советской делегации.

¹³ Панические (от фр. *alarme* – тревога).

¹⁴ Многочисленные факты участия афганской стороны в среднеазиатских событиях на стороне басмачей Чичерин, как это видно из его бумаг, просто не хотел замечать.

Зайцев И.В., Лавренова О.А.

ПРИТЯЖЕНИЕ ЮГОСЛАВИИ

Переписка Н.К. Рериха и А.А. Олесницкого (1932–1933)

Выплеснувшаяся за пределы России после Октябрьской революции волна эмиграции к 1930-м годам уже улеглась по городам и странам. Спустя десятилетие после трагических событий большинство наших соотечественников нашли своё место в научной, культурной, общественной жизни Европы, Америки и Азии, тем самым существенно обогатив эти культурные миры «новой кровью» – русской академической традицией.

Весьма гостеприимным новым домом для россиян оказалось Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 3 октября 1929 г. – Королевство Югославия), августейший монарх Александр I Карагеоргиевич благоволил русским на своих землях. Здесь в середине 1920-х годов волею судеб оказался русский востоковед-тюрколог, дипломат и преподаватель Алексей Акимович Олесницкий.

Он родился в Киеве 12 октября 1888 г. в семье писателя, востоковеда, доктора богословия и археологии, профессора Киевской духовной академии по кафедре еврейского языка и библейской археологии Акима Алексеевича Олесницкого (1842–1907). В 1910 г. Алексей Акимович закончил Лазаревский институт восточных языков в Москве. Затем поступил в Учебное отделение МИД в Санкт-Петербурге, где проучился до 1912 г. За эти два года А.А. Олесницкий посещал также курсы при Императорском археологическом институте. С 1910 до середины 1917 г. Алексей Акимович, согласно его автобиографии, одновременно служил в Министерстве иностранных дел как секретарь Третьего политического департамента¹.

С 1915 г. во время начавшейся войны блестящие знания тюрколога оказались востребованы. А.А. Олесницкий был приписан к Военно-морскому штабу в Петрограде как

специалист по шифровкам и устный переводчик с турецкого.

В 1918 г. Олесницкий получил предложение из родного города возглавить там кафедру турецкого языка в только что созданном Восточном институте, а также занять пост главы ближневосточного департамента в министерстве иностранных дел правительства гетмана Скоропадского. Оба эти предложения он отклонил «по политическим соображениям из-за отделения Малороссии», как сам написал в автобиографии.

Видимо, тогда же, в 1918 г., Олесницкий оказался в Стамбуле. Несколько месяцев в 1919 г. он служил в российском посольстве в Стамбуле в качестве секретаря. Кроме того, он работал и в константинопольском отделении «Добровольного флота».

Учёный широкого профиля, помимо европейских языков (сербохорватский, французский, английский, немецкий) он владел несколькими восточными языками: арабским, персидским, турецким, сартским, азербайджанским. В 1924 г. (или чуть раньше) он поселился в Загребе², в Загребе и его окрестностях прожил до самой смерти 6 мая 1943 г.³ Похоронен учёный на кладбище «Мирогой» в Загребе⁴.

Между этими двумя датами была плодотворная работа в качестве внештатного сотрудника Югославянской академии наук и искусств. Будучи референтом Академии, он не только каталогизировал и описывал уже собранные в архиве восточные рукописи (по его словам – бывшие до этого в большом беспорядке), но и занимался целенаправленным поиском «памятников исторического прошлого страны», связанного с 500-летним турецким владычеством на значительной части этих земель.

Вскоре учёный занял должность хранителя восточной коллекции Югославянской

АНИИ, на которую его рекомендовал Франц Бабингер, знаменитый немецкий тюрколог-османист. В обязанности Олесницкого входило описание и каталогизация коллекции, которая к тому времени, благодаря трудам собирателей, в том числе и самого Бабингера, обладала прекрасными и весьма ценными экземплярами. В 1929 г. Олесницкий совершил свою первую археографическую двухмесячную экспедицию по Боснии с целью покупки манускриптов.

В работе по собиранию рукописей Алексей Акимович получил поддержку от президента Югославянской академии наук и искусств Гавро Манойловича, а также сараевских историков и знатоков восточных языков Сафвет-бега Башагича и Хамдии Кришевляковича, которые нередко помогали учёному советами и подсказывали, где нужно искать манускрипты⁵.

В 1930 г. Олесницкий по собственной инициативе совершил поездку уже не только по Боснии, но и по Санджаку и Косово. Восемь дней он изучал рукописные памятники в Сараево. В 1932 г. учёный снова ездил с археографическими целями по Боснии и Герцеговине. За время своего турне он купил или принял в подарок 149 кодексов и 108 различных документов.

К 1935 г. Восточная коллекция Академии насчитывала уже 1760 рукописей, из которых 500 было куплено Ф. Бабингером в Боснии ещё в 1927–1928 гг.⁶, остальная же часть была приобретена именно А.А. Олесницким (с номера 499 до 1200 и с 1400 до 1760). Часть (с номера 1201 до 1399) была подарена Александром Поляничем. Много рукописей было передано в дар от Сафвет-бега Башагича и Хамдии Кришевляковича из Сараево и Омера Балича из Мостара. С этого времени вплоть до своей смерти Олесницкий был занят составлением полного каталога коллекции, в которой к 1939 г. насчитывалось уже 1960 кодексов⁷.

В 1937 г. Олесницкий был выбран помощником преподавателя турецкого языка, а в 1940 г. стал лектором турецкого в Загребском университете. Одновременно А. Олесницкий принимал активное участие

в общественной жизни Королевства. С 1931 г. он являлся представителем загребского объединения Лиги Обера⁸ (включена в Союз русских общественных организаций).

18 марта 1943 г. он стал доцентом на философском факультете университета. В последние годы учёный продолжал работать также хранителем отдела восточных рукописей Архива Югославянской АНИИ в Загребе.

Олесницкий не без гордости писал: «До моих работ в Академии в этом направлении, т.е. по спасению исторических памятников турецкой старины, почти ничего не было сделано, так что я первый поставил широко это дело, собрав для науки за пять лет моей работы до 2000 рукописей и документов...»⁹. С 1937 г. Олесницкий ушёл в преподавательскую деятельность. Он читал лекции в Загребском университете, но по-прежнему занимался восточными рукописями в архиве Академии – он был официально назначен хранителем Восточной коллекции. Многие из собранных им рукописей были им исследованы и введены в научный оборот.

Находясь в Югославии, Алексей Акимович вёл обширную переписку с коллегами-востоковедами по всему миру, а также продолжал общение с ведущими русскими учёными, культурными и общественными деятелями того времени, оказавшимися за границами Советской России. Его письма содержат в себе не только много интересных фактов о его жизни и деятельности, но и некоторые размышления по основным направлениям его научных интересов.

Одним из корреспондентов А.А. Олесницкого стал великий русский художник Н.К. Рерих, который известен не только своими живописными полотнами и экспедициями по Центральной Азии, не только масштабным проектом, воплотившимся как международный Договор об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников (1935), но и многочисленными эссе, в которых достаточно полно выразил свою концепцию культуры. Именно это исследовательское поле стало основой

для его сотрудничества с рядом учёных-гуманитариев, в числе которых руководитель Семинариума Кондаковианума в Праге А.П. Калитинский, ректор Русского института в США Е.А. Москов, президент Королевской академии искусств и наук Югославии Г. Манойлович, директор Национального музея в Белграде В. Петкович. Тема исторического взаимодействия культур была близка и А.А. Олесницкому. Официальным поводом для начала общения стал планирующийся визит Н.К. Рериха в Югославию, о котором скажем чуть позже.

Круг учёных, контактирующих с Н.К. Рерихом, конечно, был намного шире. Сотрудничество велось по линии Института Гималайских исследований «Урусвати», который был создан Рерихами 24 июля 1928 г. в Дарджилинге, практически сразу после возвращения из грандиозной Центрально-Азиатской экспедиции (1924–1928), проследовавшей через Индию, Китай, Россию, Монголию, Тибет. Институт ставил перед собой задачу комплексных исследований в разных областях науки. Директором Института был молодой востоковед Ю.Н. Рерих, который к тому времени получил заслуженное всемирное признание как исследователь Центральной Азии, её культуры, археологического наследия, языков.

С институтом сотрудничали лучшие деятели науки Востока – поэт и мыслитель Рабиндранат Тагор, профессор Дарджилингского университета лама Лобзанг Мингюр Дордже, махапандит Рахула Санкритияяна, лама Чомпел Дордже, ботаник Султан Ахмед, профессор Кашьяп, лама Лобзанг Цондю, лама Дава Тензинг, член Нанкинской академии ботаник д-р Кенг, японский учёный Ицузо Такеучи, индийский биолог Джагадис Чандра Бос. В числе светил американской и европейской науки, принявших участие в судьбе института «Урусвати», были лауреаты Нобелевской премии физики А. Эйнштейн, Р. Милликен, Л. Бройль, путешественник Свен Гедин, президент Археологического института в Америке Р. Магоффин, профессор Института Пастера биолог С.И. Метальников и медик д-р К.К. Лозина-

Лозинский (Париж), профессор Гарвардского университета Чарльз Ланман и многие другие.

С Югославянской академией наук и искусств сотрудничество завязалось не столько в рамках работы Института «Урусвати», сколько на личных контактах. Ещё в 1930 г., узнав, что в Белграде создаётся музей искусств, Н.К. Рерих предложил королю Александру I одну из своих картин для музея¹⁰. В июне 1930 г. Н.К. Рерих писал: «Королевская Академия Искусств и Наук в Югославии избрала меня своим почётным членом и пригласила устроить экспедицию для изучения исторических мест Югославии. Письмо президента Академии Мануйловича сообщает о внимании короля Александра к нашим учреждениям и о высокой оценке королём Александром моего искусства»¹¹. Монарх лично написал Рериху несколько писем¹², где благодарил художника за присланные картины, книгу «Пути Благословения» и статью «Гималаи». По его словам, Рериху удалось выразить в своих произведениях «славянизм и его духовное единство»¹³.

В апреле 1932 г. в Индию пришла телеграмма от Александра I о том, что в музее планируется выделить отдельную комнату для произведений¹⁴ русского художника¹⁵.

В апреле же Н.К. Рерих пишет президенту академии Гавро Манойловичу: «Я знаю, что некоторые Университеты, как в Югославии, так и в других странах, дают звание доктора по печатным трудам, принимая их как докторский тезис. Мне и сыну моему ввиду наших сказанных симпатий к Югославии хотелось бы иметь в формуляре нашем и это славянское отличие. Потому доверительно не откажите сообщить мне по нижеуказанному адресу, каким способом это возможно сделать? Вы уже знаете целый ряд моих книг, а книга моего сына «Пути Азии»¹⁶, изданная Йельским Университетом в Америке, уже переизданная Оксфордом и сейчас издаваемая по-французски и по-немецки, уже одна сама по себе представляет серьёзнейший докторский труд. Самые серьёзные критики отзываются о ней с восторгом. Кроме того, его книги о Зверином

стиле¹⁷ и о Тибетской Живописи¹⁸ являются такими же серьёзными исследованиями, вызвавшими самое глубокое внимание»¹⁹.

В ответ от Манойловича, ставшего впоследствии почётным членом Рериховского общества, пришло известие об избрании почётным доктором Загребского университета. На предложение посетить Югославию в качестве личного гостя Его Величества Рерих ответил согласием: «Моя душа стремится к Югославии, и в первую возможность я, конечно, буду счастлив посетить Вашу славную героическую страну, которую по славянским корням как бы считаю второй родиной. Полно моё сердце влечения к славному Государю Вашему Королю Александру. Души человеческие могут знать друг друга и заочно. Вот и я знаю светлую Душу Покровителя Культуры, Знания и Художества – т.е. всего того, чем жив дух человеческий»²⁰.

В переписке с Манойловичем Рерих очерчивает довольно лаконично и ёмко свой взгляд на проблему славянства. Видимо, заинтересовавшись постановкой проблемы и перспективами предстоящего визита Рериха, президент академии отрекомендовал ему одного из своих талантливых русских коллег – А.А. Олесницкого.

Олесницкий как референт Академии переводил письма Манойловича Рериху на русский язык для удобства корреспондентов. И как референт он вступил в переписку с художником и мыслителем, предлагая свои услуги в организации предстоящей поездки в Белград. Параллельно он описывал довольно широкий круг своих исследований, и предложил сделать обзор югославянского фольклора для удобства ознакомления Николая Константиновича с культурой этой страны.

В первом же письме была затронута тема личности и образа Св. Саввы Сербского, в миру князя Растко Неманича, на рубеже XII–XIII веков собиравшего дух православного южнославянского народа. Савва в юности оставил княжеский удел. Побывав монахом на Афоне и основав там Хиландарский сербский православный монастырь, он вер-

нулся на родину архиепископом сербских и приморских земель.

Савва добился от патриарха Константинопольского Мануила I Харитопула Сарантина автокефалии для Сербской православной церкви и основал на родине несколько принадлежащих ей монастырей. Спустя 300 лет после кончины святого турецкие завоеватели сожгли его мощи, чтобы уничтожить мятежный дух сербов. Но духовный подвиг первого архиепископа вошёл в плоть и кровь, стал основой ментальности культуры, и по сей день в Сербии существует такое понятие, как «светосавле» (по-русски «свято-савство») – что-то между православием и святым Саввой – верхняя степень почитания православного подвижника²¹.

Этот образ в письмах возникает не случайно. Судя по переписке Гавро Манойловича и Рериха²², в одном из не сохранившихся писем художник обмолвился о своём желании написать картину, посвящённую сербскому князю-архиепископу. В творчестве Рериха было несколько картин, посвящённых православным святым и подвижникам – Св. Сергию Радонежскому, Св. Борису и Глебу, Св. Александру Невскому. Судя по всему, Св. Савва Сербский должен был стать героем нового полотна художника. Задумка так и не осуществилась, хотя югославские корреспонденты достаточно щедро живописали образ святого, и Олесницкий собирал и пересылал для Рериха материал по сербской иконографии. «Специалисты, с которыми я говорил по этому поводу, рекомендуют изобразить его на фоне Студеницкого монастыря, который Савва создал и в кот[ором] он долгое время жил. На стар[инных] изображениях Св. Савва обыкновенно представлен с длинной бородой и католической тонзурой на голове»²³, – писал Алексей Акимович.

Олесницкий в письмах Рериху также оставался верен себе и своему научному интересу. Одна из затронутых им тем – тюркский эпос об Огуз-хане, «Огуз-наме». Он видел в нём следы взаимодействия культур, подчеркивал прежде всего те самые понятия и имена, которые встречаются и в славянских былинах, в славянской культуре. Он

послал в Индию рецензию на книгу об «Огуз-наме» турецкого учёного Ризы Нура, тем самым косвенно предлагая сотрудничество сыну Н.К. Рериха – молодому, но уже известному востоковеду Ю.Н. Рериху.

Николай Константинович отвечал на письма Олесницкого, но из всех ответов нам известна только копия одного письма, хранящаяся в Отделе рукописей Музея имени Н.К. Рериха²⁴. Он отметил полезность трудов русского референта Югославянской академии наук и искусств в общекультурной работе, отправил в Югославию свои книги. Судя по добавке на английском языке в углу письма, были посланы также несколько статей и годовой отчет Института «Урусвати» за 1929/1930 гг. Тем самым он включал Олесницкого в информационный круг проводимых в Индии исследований.

Рерих называл предположительную дату приезда в Югославию – 1934 год. Но в том году он уехал в далекую Маньчжурию, возглавив экспедицию Департамента сельского хозяйства США по сбору засухоустойчивых трав²⁵. Во время экспедиции Н.К. Рерих узнал о трагической гибели короля Александра I, убитого в Марселе македонским террористом. Рерих горячо поддержал идею архиепископа Нестора построить в Харбине Часовню-Памятник Венценосным Мученикам российским и убиенному королю Югославии Александру I Карагеоргиевичу, которую владыка весьма точно назвал «елеем русского покаяния и скорби». Хотя созданный Рерихом эскиз не был использован при строительстве часовни, порыв его сердца участвовать в этом деле записан на скрижалях истории.

При довольно скудном объёме переписки Рериха и Олесницкого в ней красной нитью сквозит одна тема – любовь русских сердец к южнославянскому народу. Олесницкий жил и умер на югославской земле, для Рериха она осталась одним из несбывшихся планов.

Вполне возможно, что А.А. Олесницкий, как и обещал, послал в гималайскую долину Кулу собранные материалы о сербском и хорватском фольклоре. Н.К. Рерих посвятил

Югославии одно из своих эссе, проникнутое глубоким сердечным чувством. В нём мы читаем: «Действительно, славяне понимают, почему в сагах о Косове король Лазарь заключает свою речь высоким словом, что “лишь Царство Господне останется навеки”». И если мы возьмём дух сказаний, былин и сказок всех славянских народов, мы ясно почувствуем в нём то же осознание высшего великого царства, которому несут славу и честь герои славянские. Через многие тяжкие затруднения протекала история славянства. Но не являются ли эти трудности именно пробными камнями для закалки клинка вечного духа? Приветствую сердечный зов Баяна и все дорогие мне встречи с югославами; в самом этом слове включено понятие славы, славы труда и подвига»²⁶.

Мы предлагаем вниманию читателей переписку А.А. Олесницкого и Н.К. Рериха из Отдела рукописей Международного Центра Рерихов, публикуемую с любезного разрешения вице-президента МЦР А.В. Стеценко.

I

**А.А. Олесницкий – Н.К. Рериху,
Париж, 16 сентября 1932 г.**

Глубокоуважаемый Николай Константинович,

Простите, что пишу Вам, не имея чести знать Вас лично.

Из письма г. Гаврила Манойловича²⁷, Председателя Югославянской Академии, от сего сентября Вы изволите усмотреть, что я состою референтом (докладчиком) по восточной литературе и языкам при Югославянской Академии Наук. Иначе говоря, заведу Восточным отделом Академии; составлял для неё коллекцию восточных рукописей и грамот. Для этой цели я ежегодно предпринимаю, по поручению Академии, поездки по Боснии, Герцеговине и Македонии и скупаю для Академии у местного мусульманского населения памятники исторического прошлого страны за 500 лет, которые она провела под турецким владычеством. Эта 500-летняя турецкая власть оставила, как Вы и сами удостоверитесь на месте, по прибытии Вашем в Югославию, неизгладимые следы (своего влияния) и на народе

этих местностей, и на культуре, и на самом языке, не говоря уже о фольклоре, который полон песен о борьбе с турками. До моих работ в Академии в этом направлении, т.е. по спасению исторических памятников турецкой старины, почти ничего не было сделано, так что я первый поставил широко это дело, собрав для науки за пять лет моей работы до 2000 рукописей и документов, которые освещают прошлое всей страны. Ибо понятно, что никак нельзя отделить историю сербско-хорватского народа от турецкой истории, с которой первая (Югославия) тесно переплелась с конца XIV по XIX в. Одновременно я на основании найденных открытых мною материалов пишу работы по историческому прошлому страны, помещая их в местных и русских научных изданиях.

Должен, наконец, сказать, что собранная мною коллекция — единственная в стране по своему богатству и редкости её состава. Белград такой коллекцией не обладает.

Пишу это всё отнюдь не для самовосхваления, а лишь только (ради того), чтобы дать Вам понятие о моей работе и о плоскости, в которой она протекает.

Я за пять лет своих поездок по Югославии хорошо изучил страну, овладел языком, познакомился с её прошлым: её фольклором, её сказаниями, легендами и былинами и т.д.

Кроме того, я единственный русский, работающий в здешней Академии Наук. Ко мне очень хорошо относится Председатель Академии и я состою, так сказать, его секретарём по русским делам Академии.

В настоящее время я нахожусь в Париже, куда приехал отчасти по личным делам (болезнь жены), отчасти чтобы в местной библиотеке *Bibliothèque National* в её архивном отделе поискать материалы по историческому прошлому Югославии с XIV по XIX столетие. Я сам по образованию востоковед, окончил Лазаревский институт в Москве, Практическую Восточную Академию и Археологический институт в Петрограде. По 1917 г. (сентябрь месяц) служил в имп. Министерстве Иностранных дел, нахо-

дясь в разных местах. В последнем [месте службы] был секретарём Посольства в Константинополе уже во время [пребывания там] Добровольческой армии.

Материально я обеспечен, так как кроме службы в Югославской Академии имею небольшой домик в Загребе, который при дешёвизне жизни в стране даёт мне существовать с женой прилично.

Незадолго до отъезда из Загреба в Париж в беседе с г-ном Манойловичем был затронут вопрос о желательности ознакомления Вас с фольклором Югославского народа, с его былинами, эпическими песнями, легендами и т.д. Конечно, я был хорошо знаком с Вашим творчеством ещё в Петрограде, а теперь, внимательно изучив Вашу работу за границей (по изданиям, которые Вы изволили прислать в Академию), я принял решение написать Вам, если Вы того пожелаете, составить обзор эпоса югославян (сербов и хорватов) и выслать Вам его в Индию, чтобы Вы могли познакомиться с ним и изучить его ещё до Вашего приезда в Югославию.

Я представляю себе сделать это в кратких чертах, конечно, на русском языке. Сюда бы вошли как сербские и хорватские эпические герои, так и турецкие, т.к. с ними у сербов и хорватов происходит постоянная борьба, воспеваемая народом в песнях.

Я бы мог также собрать Вам некоторые материалы и о Св. Савве, сняв, например, фотографии с фресок, изданных проф. Окуновым. Я говорил об этой работе (по фольклору) с одним специалистом по югословенскому фольклору и заранее заручился в этом отношении его помощью и советами. Наконец, если Вы этого пожелаете, я смог бы по Вашем приезде в Югославию и по окончании официальной части приёмов у короля, чествования Вас Академией в Загребе, сопровождать Вас при поездках по стране как в качестве переводчика, так и указания Вам наиболее живописных и красивых местностей, которые могли бы заинтересовать Вас. Дело в том, что в Югославии, как Вы и сами увидите, проходит пока ещё резкая черта, разъединяющая сербскую и хорватско-словенскую

части населения. Будучи в Белграде, Вы познакомитесь с одной психикой, культурой и тенденцией, а в Загребе Вы найдёте другую. Загреб очень ревниво следит за всем, что происходит в Белграде, а Белград с высоты своего столичного положения склонен умалывать всё западное – хорватское. Г-н Манойлович – серб, уроженец Далмации, возглавляя в сущности «хорватскую Академию Наук» (ведь [существует] только название «Югословенская»), будет в состоянии Вам наиболее беспристрастно по Вашем приезде в Загреб осветить всё положение в стране.

Очень прошу извинения за настоящее письмо и особенно за мой почерк. Обычно я пишу свои письма на машинке, но в пути не имею её с собой.

Глубоко уважающий Вас и готовый к услугам Алексей Акимович Олесницкий.

P.S. Я думаю, что [для] изучения исторического прошлого Вам следует прочитать историю Сербии до турецкого периода. Там Вы найдёте достаточно данных и о Св. Савве.

Мой адрес: А. Olesnicki

Livadićeva ulica № 38

Zagreb XIV Yougoslavie

Отдел рукописей Музея им. Н.К. Рериха.
Ф. 1. Оп. 5-1. Ед. хр. 442. Л. 1. Автограф.

II

А.А. Олесницкий – Н.К. Рериху.

Париж, 30 сентября 1932 г.

Глубокоуважаемый Николай Константинович,

Недели две тому назад один турок – профессор истории прислал мне на рецензию свою работу о Угуз-наме, старинной турецкой (тюркской) былине, воспевающей жизнь и подвиги хана (кагана) Угуза²⁸. Прочитав её, мне показалось, что она могла бы заинтересовать Вас и, быть может, послужить темой для Ваших композиций. К тому же и Георгий Николаевич [Рерих], насколько я знаю, тоже интересуется и специализируется в уйгурских памятниках. Быть может, она и ему была бы небезынской.

Очень буду рад, если мои предположения оправдаются, и Угуз-наме вас заинтересует и, может быть, послужит Георгию Ни-

колаевичу источником для каких-либо новых открытий.

Все подробности об этом памятнике найдёте во вступлении к этой работе. Укажу только, что она для нас, русских, интересна потому, что находим в ней упоминание об Урус-беге – каком-то русском князе “доисторического” периода, встречая имя “Воуап”, праотца нашего Баяна в “Слове о полку Игореве”, и инструмент “конроид” (предок нашей малороссийской “кобзы”) и т.д.

Числа 10-го октября возвращаюсь из Парижа в Загреб, и если Вы пожелаете, приступлю к сбору для Вас и переводу югослав[янского] эпоса – былин, легенд, сказок и т.д., о чём писал Вам в предыдущем письме.

Пока же позвольте пожелать Вам всего лучшего.

Искренне и глубоко уважающий Вас

А. Олесницкий

Отдел рукописей Музея им. Н.К. Рериха.
Ф. 1. Оп. 5-1. Ед. хр. 442. Л. 2. Автограф.

III

Н.К. Рерих – А.А. Олесниченко,

13 октября 1932 г.

Многоуважаемый Алексей Акимович, Сердечно благодарю Вас за Ваше письмо от 16-го сентября с.г. Истинно буду рад увидаться с Вами в тридцать четвёртом году, когда программа моих работ позволит мне с радостью побывать и в дорогих моему сердцу славянских землях. Очень был рад слышать о Ваших научных трудах, ибо лишь немногим из нас в рассеянии сущим удалось приобщиться к культурной работе. Радовался я и Вашим сведениям о сердечном отношении к Вам Президента Академии Манойловича. Драгоценно видеть, когда настоящий учёный широко поддерживает задачи знания и во всех [его] окружающих.

Для чего сейчас нужна культура, и как глубоко сейчас отпадают от неё не только многие страны, но даже материки. Прискорбно видеть, что и молодое поколение часто отходит от просвещённых традиций. Весь мир уже разделен не по нациям, но по классам, [иначе] по черте света и тьмы.

Это очевидное соображение тем более обязывает всех мыслящих [людей] держаться вместе, пренебрегая всеми разлагающими уловками тьмы. Тьма только и живёт тлением и разложением, но не может дух человеческий ещё более разрушаться, уже и так глубоко обеднели люди духовно. Вот во имя духовно-культурного объединения и сотрудничества я и приветствую Ваше письмо, и Вы должны почувствовать в словах моих, как я буду рад встретиться [с Вами] и обменяться живым словом.

Посылаю Вам одну из последних моих статей «Твердыня пламенная». Для меня пламенная твердыня есть культура. И по письму Вашему вижу, что и Вы живёте ради той же твердыни.

Будьте добры передать мой искренний привет проф. Манойловичу и членам Академии. Через все препятствия, через все пагубные разделения всё-таки будем стремиться к сердечному культурному единению.

Отдельным пакетом посылаю Вам также книгу «Держава света» и буду искренне рад слышать или видеть в печати [о ней] Ваше мнение. В том же пакете Вы найдёте и некоторые приложения, которые введут Вас в орбиту нашей работы. Если будете писать, пишите прямо в Индию по адресу [указанному] на заголовке письма.

Сердечный привет и лучшие пожелания.
Искренне Ваш

P.S. Перед отправкой этого письма дошло Ваше от 30-го сентября. Спасибо за все Ваши столь интересные сведения об Угузхане. Поистине велик ещё не открытый материал по Азии. Настоящее письмо уже найдёт вас в Загребе, куда ещё раз шлю мои горячие приветствия.

*Отдел рукописей Музея им. Н.К. Рериха.
Ф. I. Оп. 5-1. Ед. хр. 107. Л. 1.*

IV

А.А. Олесницкий – Н.К.Рериху.

Загреб, 20 декабря 1932 г.

Глубокоуважаемый Николай Константинович,

Позвольте прежде всего принести Вам и всему Вашему семейству мои искренние и

самые сердечные поздравления с Рождеством Христовым и самые душевные пожелания к наступающему Новому 1933 году!

По возвращении из Франции в Загреб застал дома Ваше доброе сердечное письмо, которое несказанно обрадовало меня. Только у великих людей, как Вы, могут так легко сочетаться гений и всемирная слава с сердечной простотой и добротой.

Всё это время я не переставал работать для тех великих идей-откровений, которые Вы открываете миру. Мною написана для лучшей местной газеты обширная статья о Вас и Вашем творчестве, которая выйдет в ближайшем номере этой газеты. Кроме того, в местном еженедельнике «Свет» выйдет моя статья с воспроизведением некоторых Ваших полотен²⁹. Одновременно я собираю для Вас материалы об иконе Св. Саввы, которую Вы задумали [написать]. Для этого я вошёл в переписку с моим приятелем профессором-историком Белградского университета, который должен мне выслать фотографии изображений фресок и мозаик этого святого из коллекции Его Величества Короля [Александра]. Этой коллекцией заведует русский, и я надеюсь в ближайшем времени выслать их Вам! Одновременно вышлю Вам и книгу на английском языке о древнесербском искусстве и зодчестве.

Имею брошюру о Св. Савве на сербском языке. Только я не знаю, понятен ли Вам этот язык без словаря, хотя он и очень похож на русский.

Выслал ли Вам Г.Г. Шклявер³⁰ книгу проф. Миллэ о древней сербской архитектуре? Я к сожалению не смог найти её в Загребе, но в Париже указал ему номер этого дела в Парижской школе восточных языков. Специалисты, с которыми я говорил по этому поводу, рекомендуют изобразить его на фоне Студеницкого монастыря, который Савва создал и в кот[ором] он долгое время жил. На стар[инных] изображениях Св. Савва обыкновенно представлен с длинной бородой и католической тонзурой на голове.

В предыдущем письме я писал Вам о югословенск[ом] фольклоре, предлагая Вам сделать из него краткие выписки-заметки на

русском языке. Югослов[енский] фольклор, кажется, самый богатый в мире; и сербы и хорваты вполне вправе им гордиться. Еще Пушкин восторгался им, переводя его из немецких источников и озаглавив [своё сочинение] «Песни южных славян». Фольклор полон легенд о вековой борьбе [этих народов] с турками. Если бы некоторые из этих сюжетов Вас заинтересовали для Вашего творчества, мы могли бы по Вашем приезде сюда детально [изучить] их по местным материалам. Местная же природа дала бы Вам богатейший декоративный материал для Вашего творчества. К сожалению, в Вашем последнем письме на моё имя Вы ничего мне не сказали об этом моём предложении. Интересно оно Вас или нет?

Вообще рад и счастлив всегда и во всём быть Вам полезен в пределах Югославии, хотя по мере моих скромных сил участвую в том великом деле, кое Вы творите.

Ещё раз прошу Вас принять мои искренние пожелания всего светлого в жизни и прошу верить в искреннюю преданность

Глубоко уважающего Вас А. Олесницкого
Отдел рукописей Музея им. Н.К. Рериха.
Ф. I. Оп. 5-I. Ед. хр. 442. 3. Машинопись,
подпись – автограф

V

А.А. Олесницкий – Н.К. Рериху.

Загреб, 22 февраля 1933 г.

Глубокоуважаемый Николай Константинович!

Подтверждаю получение Вашего письма от 18 января 1933 г., а равно письма Вашего секретаря г-на Шибачева³¹. Последнее письмо со всеми приложениями я передал Президенту Югословенской Академии г-ну Манойловичу, предварительно переведя его на хорватский язык. Г-ном Манойловичем мне было обещано, что статья о Ваших полотнах, находящихся сейчас в Загребе, будет в ближайшем времени помещена в одной из местных газет. По другим статьям упомянутого письма г-н Манойлович намерен в ближайшем времени написать Вам лично и непосредственно. К сожалению, тяжёлая болезнь его старшей дочери, кончину которой

можно ожидать в ближайшем будущем, мешает ему регулярно и интенсивно работать, как прежде.

Согласно выраженного Вами пожелания при сём препровождаю Вам:

1) Три фотографии лучших старинных фресковых изображений Св. Саввы.

2) Один экземпляр книги «Србске задужбине» пр[офессора] Константина Страйнича.

3) Один экземпляр брошюры «Страницы из жизни Св. Саввы» пр[офессора] Владимира Розова.

4) Современные сведения о внешнем образе Св. Саввы, сохранённые нам историей. Последние данные для Вас были собраны лучшим знатоком этого вопроса проф[ессором] Люблянского Университета Радойичем.

Книгу «Сербские задужбины» (т.е. храмы-усыпальницы, сооружённые сербскими королями при жизни для спасения своих душ) по миновании надобности прошу возвратить мне, т.к. она «посужена» [получена] мною из библиотеки пр[офессора] Белградского университета А.В. Соловьёва и является его собственностью. Все же остальные приложения предназначены для Вашей библиотеки.

Снимки фресок выбраны из личной коллекции снимков Его Величества короля Александра. Особенно знаменитой считается фреска № 1. Она написана ещё при жизни покойного и отличается, по мнению знатоков, портретным сходством со святым.

Вот в русском переводе данные, сообщённые проф[ессором] Радойичем.

Первые упоминания о внешнем виде святителя Саввы мы находим у Феодосия (издание Даниловича, 1860 г., стр. 26-27). Здесь рассказывается, как люди, посланные вдогонку за бежавшим из отчего дома Саввой, [отважившимся] на монашеский подвиг, вернулись обратно со Святой Горы (Афон) и принесли огорчённым родителям его княжеские одежды и «чистотою святее её златозарные власы юноше», т.е.: и светящиеся чистотою, блестящие золотом волосы его. Отсюда явствует, что юноша

был белокур. Это, между прочим, известно и для других Неманичей – то, что они были блондинами. Постом и лишениями Савва ещё в молодости погубил своё здоровье, и поэтому был, как мы достоверно это знаем, болезненным. Эти сведения должны заинтересовать Вас, раз Вы намереваетесь изобразить Савву юношей, идущим на подвиг.

На этом заканчиваю письмо. Если найду дополнительные данные, дошлю незамедлительно.

У нас тоже идёт снег и лежит кругом аршинным слоем. Мысленно переношусь к Вам в Гималаи, которые теперь мне знакомы и близки по Вашим чудным полотнам.

Мой искренний и сердечный привет и пожелания всего светлого в жизни.

Глубоко уважающий и преданный Вам
А. Олесницкий

*Отдел рукописей Музея им. Н.К. Рериха.
Ф. I. Оп. 5-1. Ед. хр. 5242. Л. 4. Машинопись,
подпись – автограф.*

Примечания

¹ В ежегоднике МИД за 1913 г. Алексей Акимович в чине коллежского секретаря указан причисленным к 1-му Департаменту МИД [Ежегодник МИД. 1913 (Исправлено и дополнено по 1 марта 1913 г.). СПб., 1913. С. 26]. А в 1916 г. уже титулярный советник Олесницкий причислен к 3-му Политическому Отделу МИД (курировал среднеазиатские дела). На молодого сотрудника было возложено исполнение обязанностей секретаря VIII класса в том же Политическом Отделе [Ежегодник МИД. 1916 (Исправлено и дополнено по 9 декабря 1915 г.). Пг., 1916. С. 29].

² Более подробно о биографии А.А. Олесницкого см.: *Зайцев И.В.* Труды и дни Алексея Акимовича Олесницкого (Addenda к словарю отечественных тюркологов) // *Східний світ* №1, 2009. С. 5–12; Российское научное зарубежье. Биобиблиографический справочник. М.: Парад, 2011. С. 462.

³ *Puškadija-Ribkin, Tatjana.* Emigranti iz Rusije u kulturnom i znanstvenom životu Zagreba. Zagreb, 2006. С. 154–155; *Ždralović, Muhamed.* Aleksej Olesnicki i Orijentalna Zbirka Jugoslavenske

Akademije. Poseban otisak iz Radova Arhiva Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. Svezak II. Zagreb, 1973.

⁴ Российское научное зарубежье. Биобиблиографический справочник / Редактор-составитель М.Ю. Сорокина. М.: Парад, 2011. С. 462.

⁵ *Pačić-Vukić, Tatjana.* Text, Calligraphy and Painting. Treasures of the Oriental Collection. The Archives of the Croatian Academy of Sciences and Arts. Zagreb: Tiskara Zelina d.d., 2014. P. 11.

⁶ *Birnbaum E.* Turkish Manuscripts: Cataloguing since 1960 and Manuscripts Still Uncatalogued. Part 2: Yugoslavia, Bulgaria, Romania // *Journal of the American Oriental Society*, 103.3 (1983). P. 522.

⁷ *Pačić-Vukić, Tatjana.* Op. cit. P. 11. В 2014 г. в Загребе с большим успехом прошла выставка рукописных сокровищ из коллекции Восточного отдела Загребской Академии, которая была посвящена Олесницкому – учёному, приложившему много сил для создания и сохранения этого собрания.

⁸ «Лига Обера» или «Международная лига борьбы против III Интернационала».

⁹ Олесницкий А.А. – Н.К. Рериху. ОР МЦР. Письмо от 16.09.1932. ОР Музея имени Н.К. Рериха. Ф. I. Оп. 5-1. Ед. хр. 442.

¹⁰ *Бугаева Л.В.* Горячее сердце героя. <http://rossasia.sibro.ru/voshod/article/46371>

¹¹ *Рерих Н.К.* Созидательная работа // *Держава Света. Священный Дозор.* Рига, 1992. С. 89.

¹² В ОР Музея имени Н.К. Рериха хранятся два письма (одно в подлиннике, другое – в переводе на английский и французский языки) и одна телеграмма.

¹³ Александр I – Н.К. Рериху. Письмо от 30.09.1930. ОР МЦР. Ф. I. Оп. 5-1. № 212. Л. 2.

¹⁴ По спискам, составленным С.Н. Рерихом, «в Белград были направлены картины: «Бургустан. Кавказ» (1913), «Звоны» (1919) [другое название — «Благовест»], «Преподобный Сергей Радонежский» (1922) [вариант названия — «Юность Преподобного Сергия»], «Благие посетившие» (1923) [другое название — «Святые гости»], эскизы костюмов к опере «Снегурочка» (1921, две работы), «Берендеи. Деревня» («Снегурочка») (1921) [известна также под названием «Деревня Берендея»]. См.: Послесловие научного редактора к статье Г. Станишич-Ристович «Axis Mundi в символических пейзажах Николая Константиновича Рериха (по поводу семи картин из Национального музея в Белграде)» // Международная научно-практическая конференция

«Рериховское наследие»: Сборник. Т. IX: Наследие семьи Рерихов в музеях и собраниях мира. СПб., 2012. С. 343–345. Цит. по: *Бугаева Л.В.* Горячее сердце героя. <http://rossasia.sibro.ru/voshod/article/46371>

¹⁵ Александр I – Н.К. Рериху. Телеграмма от 25.04.1932. ОР МЦР. Ф. 1. Оп. 5-1. № 212. Л. 5. *Рерих Е.И.* Письма. В 9 т. Т. 1. М.: МЦР, 2011. С. 366 (27.04.1932).

¹⁶ *Roerich G.N.* Trails to Inmost Asia. Five Years of Exploration with the Roerichs Central Asian Expedition. New Haven – London, 1931.

¹⁷ См.: *Рерих Ю.Н.* Звериный стиль у кочевников Северного Тибета. М., 1992.

¹⁸ См.: *Рерих Ю.Н.* Тибетская живопись. М.: МЦР, 2002.

¹⁹ Рерих Н.К. – Г. Манойловичу. Письмо от 14.04.1932 // Культура и время. №2, 2010.

²⁰ Рерих Н.К. – Г. Манойловичу. Письмо от [июня 1932] // Культура и время. № 2, 2010.

²¹ *Борщев К.* Святой Савва Сербский // Фома. <http://foma.ru/svyatoy-savva-serbskiy.html>

²² Манойлович Г. – Н.К. Рериху. Письмо от 01.09.1932. Перевод А.А. Олесницкого. ОР Музея имени Н.К. Рериха. Ф. I. Оп. 5-1. Ед. хр. 409. Л. 20.

²³ Олесницкий А.А. – Н.К. Рериху. Письмо от 20.12.32. ОР Музея имени Н.К. Рериха. Ф. I. Оп. 5-1. Ед. хр. 442. Л. 3.

²⁴ Отдел рукописей Музея имени Н.К. Рериха. Ф. I. Оп. 5-1. Ед. хр. 107. Л. 1.

²⁵ См.: *Лавренова О.А.* «В строительстве и в неисчерпаемости преодолеем». Маньчжурская экспедиция Н.К. Рериха (1934–1935) // *Рерих Н.К.* Дневник Маньчжурской экспедиции. М.: МЦР, 2015.

²⁶ *Рерих Н.К.* Листы дневника. В 3 т. Т. 3. М.: МЦР, 1996. С. 600–601.

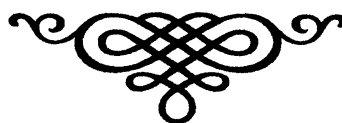
²⁷ Председатель Югославянской Академии наук в 1924–1933 гг.

²⁸ Речь идёт о книге Ризы Нура, вышедшей в 1928 г. в Александрии. *Nour, Riza.* Oughouzname. Epopée Turque. Transcription en lettres phonétiques, notes, traduction Française, texte en Turc de Turquie, fac-simile. Alexandrie: Société de Publications Egyptiennes. 1928.

²⁹ Возможно, имеется в виду статья А.А. Олесницкого Akademik Nikola Roerich i njegovo stvaranje // *Roerichov poklon Strossmayerovoj galeriji.* Obzor LXXIV, br. 5. Zagreb, 1933.

³⁰ Георгий Гаврилович Шклявер (15/27.9.1897, Петербург – 31.8.1970, Париж) – генеральный секретарь Европейского Центра в Париже (с января 1935 г. – его председатель) и Французской ассоциации друзей Нью-Йоркского Музея Рериха (с 1939 г. – председатель).

³¹ Владимир Анатольевич Шибеев (1898–1975), в 1928–1939 гг. секретарь Н.К. Рериха.

В.Г. Бухерт

«НЕОБХОДИМО УКРЕПИТЬ ИЗУЧЕНИЕ ЗАРУБЕЖНОГО ВОСТОКА»

Л.А. Мерварт – сотрудница Института истории АН СССР. 1938 г.

Людмила Александровна Мерварт (1888–1965), известный востоковед, этнограф и филолог, основатель индонезийской филологии в СССР¹, родилась в С.-Петербурге в семье врача-терапевта А.М. Левина². В его биографии был и такой факт: командировка весной 1897 г. в Индию (Бомбей) для борьбы с бубонной чумой³. Впечатлениями от поездки в эту страну отец, вероятно, делился с дочерью.

В 1907–1912 гг. Л.А. Мерварт училась на Высших женских (Бестужевских) курсах и Восточном факультете Петербургского университета. Вместе со своим мужем А.М. Мервартом⁴ – первым российским дравидологом – Людмила Александровна приняла участие в экспедиции, организованной Петербургской академией наук в 1914–1918 гг. в Южную, Восточную и Северную Индию и на Цейлон⁵. Во время экспедиции Л.А. Мерварт побывала и на полуострове Малакка, где познакомилась с культурой местного населения.

В 1918–1923 гг. Л.А. Мерварт преподавала, в качестве доцента, в Восточном институте (Государственном Дальневосточном университете, Владивосток), а в 1923–1924 гг. – в Железнодорожной начальной школе (Харбин). По возвращении в Петроград она стала заведовать отделом Индонезии в Музее антропологии и этнографии Российской академии наук, где работал и её муж.

Трагическая полоса в жизни супругов А.М. и Л.А. Мерварт связана с «Академическим делом» 1929–1931 гг., искалечившим судьбы многих выдающихся учёных. А.М. Мерварт и его жена были отнесены к той группе привлечённых по «Академическому делу», которые обвинялись в шпионаже в пользу Германии. А.М. Мерварт был якобы

создателем этой группы⁶, он был арестован 13 января 1930 г., а его жена – 8 июля 1930 г.⁷ Людмила Александровна при просмотре её дела в 1958 г. рассказывала, что на следствии «называла себя шпионкой и изобличала в шпионаже» мужа «под диктовку следователя» и под «угрозой уничтожения» не только её самой, но и всех её близких, «в том числе двух малолетних детей»⁸.

Приговором Коллегии ОГПУ от 8 августа 1931 г. Л.А. Мерварт и её муж были приговорены к заключению на 5 лет в «исправительно-трудовой лагерь»⁹. А.М. Мерварт был отправлен в УхтПечЛаг, где и умер 23 мая 1932 г.¹⁰

Людмила Александровна была освобождена досрочно и вернулась в Ленинград в 1933 г. Она устроилась доцентом в Ленинградский восточный институт им. А.С. Енукидзе, готовясь преподавать малайский язык. Однако, ввиду мобилизации студентов осенью 1933 г. на работу в политотделах МТС, стала работать (с 16 ноября 1933 г.) в качестве научного сотрудника в Музее истории религии Академии наук СССР.

В 1935 г. Л.А. Мерварт переехала в Москву, где работала научным сотрудником в Совете по изучению производительных сил (СОПС) при Академии наук СССР, заведовала его архивом¹¹. Постановлением Президиума АН СССР от 15 мая 1936 г. Л.А. Мерварт была присуждена учёная степень кандидата общественных наук (по разделу этнографии) без защиты диссертации¹².

Неблаговидную роль в уходе Л.А. Мерварт из СОПС сыграл, очевидно, известный историк и архивист Г.А. Князев¹³, «сигнализовавший» 17 июня 1936 г. в Секретариат Академии наук СССР о непригодности Л.А. Мерварт для заведывания архивом

СОПС, поскольку она человек «с не вполне ясным прошлым». Между тем в архиве СОПС «могут храниться не подлежащие оглашению результаты экспедиционных исследований»¹⁴.

После реорганизации СОПС Л.А. Мерварт пришлось подыскивать себе новое место работы. Её привлекала возможность попасть в Институт истории АН СССР, куда она и устроилась на работу по рекомендации президента АН СССР В.Л. Комарова¹⁵. Он писал о ней 7 декабря 1937 г. сотруднице этого института Ф.А. Хейфец¹⁶, что Л.А. Мерварт «знает жизнь колоний и соответствующую литературу по истории империализма» и «может быть очень полезна в изучении истории колониальной экспансии»¹⁷. 29 января 1938 г. В.Л. Комаров направил Л.А. Мерварт к директору Института истории АН СССР академику Б.Д. Грекову¹⁸ для переговоров о приёме её на работу¹⁹.

С деятельностью в составе Института истории АН СССР Л.А. Мерварт связывала надежды на осуществление разработанного ею плана реорганизации в Москве научно-исследовательской работы в области востоковедения. План был изложен ею в записке «О свёртывании в Москве научной работы в области востоковедения в настоящее время», датированной 26 марта 1938 г., которая, видимо, предназначалась для руководства Академии наук СССР.

Л.А. Мерварт тревожило сворачивание в Москве работы по изучению, прежде всего, зарубежного Востока. Она исходила из необходимости срочно «укрепить изучение зарубежного Востока и предотвратить окончательное распыление кадров московских востоковедов». Её план состоял в том, чтобы: а) побудить Академию наук СССР довести до конца проект создания при её Президиуме Особого Бюро для изучения производительных сил пограничных с СССР стран; б) дать согласие на образование в составе Института истории АН СССР группы восточных и колониальных стран, которую Л.А. Мерварт предполагала возглавить; в) перевести в Москву Институт востоковедения АН СССР, а если это в ближайшем будущем осуществ-

ить будет невозможно, то немедленно учредить в Москве его филиал (разместить его Л.А. Мерварт предлагала в освобождаемом помещении Коммунистического университета трудящихся Востока).

Работать в Институте истории АН СССР Л.А. Мерварт пришлось недолго (с 1 февраля по 1 июля 1938 г.), она была уволена «по сокращению штатов»²⁰. Л.А. Мерварт рассчитывала, что её привлекут в качестве сотрудника в создаваемый сектор истории колониальных и зависимых стран²¹, и вместе с тем полагала, что дирекция Института истории АН СССР «сознательно затягивает» создание сектора²². Вскоре после увольнения Л.А. Мерварт сектор всё же был создан постановлением Президиума АН СССР от 15 июля 1938 г.²³. Его возглавил С.Н. Ростовский²⁴, под редакцией которого сектор подготовил к изданию известный учебник «Новая история колониальных и зависимых стран»²⁵. Л.А. Мерварт же, у которой после смерти мужа на иждивении осталось двое детей, пришлось искать новое место работы. В 1938–1942 гг. она преподавала на кафедре иностранных языков Московского нефтяного института²⁶.

Попытка Л.А. Мерварт вернуться в Институт истории АН СССР с тем, чтобы принять участие в работе сектора истории колониальных и зависимых стран, не удалась, в январе 1939 г. ей было отказано на том основании, что она является не историком, а этнографом²⁷.

После начала Великой Отечественной войны сын Л.А. Мерварт вступил (16 октября 1941 г.) в народное ополчение Краснопресненского района г. Москвы. Он погиб в бою 26 февраля 1942 г.²⁸.

В последующие годы Л.А. Мерварт трудилась над изучением памятников малайской и индонезийской литератур, выступая в качестве переводчика²⁹, а также редактора и комментатора³⁰ изданий.

Знавший Л.А. Мерварт в последний период её жизни Б.Б. Парникель³¹ писал о ней: над переводами Л.А. Мерварт работала так, как привыкла жить, — «устремлённо и неспешно, не страшась трудностей, во всём сохраняя присущую ей одной интонацию»³².

№ 1
Заявление Л.А. Мерварт
в Институт истории АН СССР
о приёме на работу

В Институт истории Академии наук СССР
Людмилы Александровны Мерварт
кандидата общественных наук,
М. Харитоньевский, 41, к. 63, Общежи-
тие Академии наук. К 2-94-56.

Заявление

Прошу предоставить мне работу в Ин-
ституте истории АН СССР.

Я окончила Высшие женские курсы и
Университет в Ленинграде по романо-гер-
манскому отд[елению] ист[орико-] фил[оло-
гического] факультета, работая одновремен-
но на индийском отд[елении] Восточного
фак[ульте]та. По окончании курсов была ос-
тавлена при кафедре германской филологии
для приготовления к профессорскому зва-
нию. В течение этого времени представила
работу: «Фабиан Франк³³ – отец немецкого
школьного языка» (напечатана в «Записках
Неофилологического общества при Петро-
градском³⁴ университете» за 1916 г.³⁵).

В 1914 г. была командирована Академи-
ей наук в Индию и на о[стро]в Цейлон, для
изучения этнографии и сбора этнографиче-
ских коллекций. В Индии, Цейлоне, Ассаме,
Бирме и Индокитае, и Малайе провела свы-
ше четырёх лет. Собранные коллекции со-
ставляют в настоящее время индийский от-
дел Музея антропологии и этнографии
И[нститута] а[нтропологии] [и] э[тногра-
фии] Академии наук. В это время напечата-
ла в журнале «Ceylon Antiquary» (Colombo)
за 1916 г. работу – «A Hindu Goddess in the
Buddhist Pantheon».

Возвращаясь в Академию и не будучи в
состоянии выехать из Владивостока в Ле-
нинград ввиду гражданской войны, приняла
участие в основании Дальневосточного уни-
верситета, где заведовала кафедрой герман-
ской филологии и в то же время организова-
ла библиотеку Университета.

Когда удалось доставить, собранные в
Индии, коллекции в Ленинград из Коломбо,
Калькутты и Мадраса, где они хранились, в

1924 г. вернулась в Ленинград и стала рабо-
тать в Музее антропологии и этнографии
Академии наук научным сотрудником
I разр[яда].

В 1931 г. была сослана по делу Акаде-
мии наук (дело акад[емиков] Тарле³⁶, Плато-
нова³⁷ и др.), но по пересмотру дела была
возвращена обратно, реабилитирована и
продолжала работать в Академии наук науч-
ным сотрудником I разр[яда] в Музее исто-
рии религии (религии Востока).

За это время мной был напечатан ряд
работ в изданиях Академии наук,
Academia, Географического общества и
изд[ательства] П.П. Сойкина³⁸, а также сда-
но в печать несколько статей в «Театраль-
ную энциклопедию» («Малайский театр»,
«Бхавабхути³⁹» и др.).

Переселившись в 1935 г. по семейным
обстоятельствам в Москву, продолжала ра-
ботать в Академии наук, в Совете по изуче-
нию производительных сил. Здесь организо-
вала изучение производительных сил погра-
ничных с СССР стран Востока и кроме того
составила научный архив СОПС'а и заведо-
вала им. В Москве я напечатала статью в
«Вестнике Академии наук» (1935, № 12)⁴⁰ и
сдала две статьи в «Большую Советскую
Энциклопедию» («Индийский театр»,
«Яванский язык»).

15-го мая 1936 г. Президиум АН утвер-
дил меня в степени кандидата обществен-
ных наук без защиты диссертации.

Весной 1937 г. СОПС, реорганизуясь,
свернул совершенно изучение зарубежных
стран и упразднил должность заведующего
научным архивом. В это время и на всё лето
Оргкомитет XVII Международного геологи-
ческого конгресса привлёк меня к работе,
как на самом конгрессе, так и в экскурсиях
до и после конгресса.

Заканчивая к настоящему времени эту
работу, я прошу Вас использовать меня в
Институте истории Академии наук.

Владею английским, французским, немец-
ким, голландским, малайским, скандинавски-
ми, классическими и другими языками.

Л. Мерварт

22 окт[ября] 1937 г.

АРАН. Ф. 1577 (Институт истории Академии наук СССР). Оп. 1. Д. 73. Л. 6-7. Автограф.

№ 2

Записка Л.А. Мерварт «О свёртывании в Москве научной работы в области востоковедения в настоящее время»

Доказывать важность для СССР изучения Востока в настоящее время не приходится. Советский Восток у нас и изучается в целом ряде разнообразных научно-исследовательских учреждений. В то же время зарубежный Восток, знакомство с которым необходимо как для лучшего понимания наших восточных областей и республик, так и само по себе, особенно ввиду капиталистического окружения СССР, – не только изучается совершенно недостаточно, но за последнее время всякая работа в этой области прекращается или во всяком случае чрезвычайно свёртывается. Это свёртывание происходит особенно усиленно за последние год-два и охватывает, прежде всего, изучающие Восток научно-исследовательские учреждения, расположенные в Москве. Явление, тем более нежелательное, что именно в Москве находятся те центральные государственные и партийные учреждения и организации, которые в первую очередь нуждаются в точных востоковедных сведениях и материалах, с одной стороны, и которые, с другой, должны давать направление и установки исследовательским работам в этой области.

Прекратили и свернули свою работу по Востоку следующие учреждения:

1. КУТВ (Коммунистический университет трудящихся Востока) зимой 1936-37 г[г]. выделил всю работу по национальным и колониальным проблемам зарубежного Востока и передал её отпочковавшемуся от него НИИНК (Научно-исследовательскому институту национально-колониальных проблем). Сам КУТВ занимается теперь только исследованием СССР и вообще быстро свёртывается.

2. НИИНК (Научно-исследовательский институт национально-колониальных проблем) осенью 1937 г. свернул 12 из своих отделов, а к январю 1938 г. уже и почти все остальные. Библиотеку же свою совершенно закрыл для пользования.

3. Институт восточных языков им. Нариманова с января 1937 г. начал уменьшать объём своих работ и с октября 1937 г. перешёл к закрытию своих отделов. Так, в октябре было закрыто индийское отделение. Студенты младших курсов переведены на другие отделения, а старшим было предложено переводиться в Ленинград или взять свои документы. В настоящее время свёртывается персидское отд[еление].

4. МАИ (Международный аграрный институт) в 1937 году почти целиком прекратил всякую работу по зарубежным странам и закрыл соответствующие отделы. Библиотеку свою сделал совершенно недоступной для востоковедов.

5. Институт этнических и национальных культур народов Востока прекратил свою работу по зарубежному Востоку и преобразовался в Институт языка и письменности народов СССР.

6. Музей Московского университета частью законсервировал свои интересные коллекции по зарубежному Востоку, частью передал их Музею народоведения, сам же преобразовался в Антропологический музей и в настоящее время, зимой 1937-38 г[г]. совсем закрыт.

7. Музей народоведения преобразован в Музей народов СССР. Его богатейшие собрания находятся в ящиках⁴¹, где они совершенно недоступны никакому изучению и подвергаются порче.

8. Музей восточных культур с осени 1937 г. фактически закрыт, так как несколько его зал взято под выставку китайской живописи, а все остальные под выставку музыкальных инструментов СССР. Коллекции же музея снесены в чердачные и подвальные помещения, где подвергаются порче и недоступны для исследования.

9. Антирелигиозный музей, обладающий большими коллекциями, особенно по север-

ному буддизму, свёрнут и целиком законсервирован с осени 1937 г.

10. ЦУНХУ⁴² – Иностранный сектор вёл большую работу по колониальным странам. Работа прекращена осенью 1937 г.

11. Академия материальной культуры осенью 1937 г. перешла в ведение Академии наук, преобразовалась в Институт материальной культуры, с заданием изучать археологию СССР, т.е. превратилась по существу в Институт археологии СССР. Все работы, не относящиеся к территории СССР, из плана этого Института исключены, и отдел Востока бывшей Академии материальной культуры упразднён.

12. Институт географии Академии наук ведёт работу по географии СССР. Отдел вне союзных стран упразднён в 1937 г.

13. Институт Китая был влит в Институт мирового хозяйства и мировой политики в качестве самостоятельного сектора Китая.

14. Институт мирового хозяйства и мировой политики в 1936-37 г[г]., перейдя вместе во всеми остальными учреждениями Коммунистической академии в ведение Академии наук, слил ряд восточных секторов (в том числе и сектор Китая) в общий сектор колониальных и зависимых стран. С осени 1937 г. сильно свёртывает всю научно-исследовательскую работу по Востоку (включая и Тихоокеанский кабинет). Библиотека его сделана совершенно недоступной для востоковедов.

15. Комиссия содействия научным связям с Турцией Академии наук фактически прекратила свою работу с весны 1937 г.

16. СОПС АН СССР (Совет по изучению производительных сил) весной 1937 г. прекратил начатую и развёртывавшуюся в нём с зимы 1935–36 г[г]. работу по изучению производительных сил пограничных с СССР стран Востока. На предмет невыполнения постановления Президиума АН от 13 марта 1937 г. о проведении сводных работ по Ирану, Турции и Афганистану (которые выполнялись СОПС'ом), новое руководство СОПС'а даже дало Президиуму заведомо неверную информацию (о работе Л.П. Левитского⁴³ «Минеральные богатства Турции»⁴⁴).

17. Особое Бюро при Президиуме АН, учреждённое Президиумом АН в ноябре 1936 г. специально для изучения производительных сил пограничных стран Востока, не сорганизовалось и к работе не приступало.

Каждое из перечисленных семнадцати учреждений имеет какие-нибудь свои причины для свёртывания и упразднения научно-исследовательской работы по зарубежному Востоку, но такое почти одновременное появление причин для прекращения работ по этому вопросу и притом почти у всех учреждений в Москве, которые им занимаются, – не может не вызвать изумления. Оно должно заставить насторожиться всякого, особенно же Академию наук, которая «для того, чтобы осуществить свою основную цель – использовать научные достижения для строительства нового социалистического общества... как штаб всей советской науки, должна консолидировать, объединить вокруг себя научно-исследовательские учреждения СССР...» (статья през[идента] АН акад[емика] В.Л. Комарова «Науку – на высший уровень». Правда, 1.1.1938 г.).

Прежде всего, необходимо укрепить изучение зарубежного Востока и предотвратить окончательное распыление кадров московских востоковедов. Для этого было бы желательно организовать и заставить приступить к работе Особое Бюро при Президиуме АН для изучения производительных сил пограничных с СССР стран, которые оно должно изучать сперва путём привлечения всего литературного и архивного материала, а в дальнейшем и путём организации научно-исследовательских экспедиций, чисто советских, а если это окажется нужным, то и совместных с научными силами изучаемых стран. Изучаться должны как природные ресурсы (геология, флора, фауна), так и промышленность и её распределение, земледелие, животноводство, т.е. продукция и потребности соседей СССР. Необходимо также изучение путей сообщения, транспорта, торговли, а также состава, характера и быта населения, как с точки зрения предоставляемой ими рабочей силы, так с точки зрения его потребностей как возможных потребителей СССР.

Проект организации такого Бюро, которое, как уже сказано выше, уже учреждено Академией наук в ноябре 1936 г., но не сконструировалось своевременно, и теперь не закрыто, а просто забыто, должен быть составлен самим Бюро, когда оно будет сконструировано. Важно только, чтобы он включал разработку указанных выше проблем и имел бы разделы (или работников) по каждой из пограничных с СССР стран, расположенных от Средиземного моря (т.е. Турции) до Тихого океана включительно, и работал бы в тесном контексте с Госпланом, т.е. ставил себе задания и очерёдность их выполнения, строго соотносясь с их актуальностью и потребностями народного хозяйства СССР.

Затем следовало бы поддержать и организационно оформить предположение Института истории образовать в своём составе группу восточных и колониальных стран.

Как Особое Бюро, так и группа восточных и колониальных стран в составе Института истории Академии наук нуждаются в производственной базе, прежде всего в литературе. Лучше всего было бы перевезти в Москву Институт востоковедения АН, с его ценнейшей библиотекой. Сделать это в настоящее время ещё затруднительно ввиду отсутствия помещения, но совершенно необходимо немедленно же организовать в Москве его филиал. Книжную базу для него должны были бы составить те востоковедные библиотеки, которые уже имеются в Москве, но мало или вовсе недоступны для использования. Таковы: библиотека Научно-исследовательского института национальных и колониальных проблем (НИИНКП); библиотека Международного аграрного института (Отдел Востока); библиотека Гос[ударственной] академии истории материальной культуры (Отдел Востока); библиотека бывшей научной Ассоциации востоковедов, или по крайней мере та её часть, которая хранится в Институте языка и письменности народов СССР, в качестве обменного фонда, т.е. специально для разбазаривания; библиотека Музея народов СССР (та очень значительная её часть, кото-

рая касается зарубежного Востока и является остатком от бывшего Музея народоведения, не нужным в библиотеке Музея народов СССР). Все эти библиотеки необходимо немедленно объединить в одном помещении, создать при этом ядре востоковедной библиотеки сводный каталог всего состава книг по востоковедению в Москве, и понудить остальные востоковедные библиотеки гор. Москвы вступить в крепкий организационный обменный контакт с этой библиотекой Филиала Института востоковедения АН на предмет свободного и широкого взаимного обслуживания читателей. В такой библиотечный обменный контакт должны войти следующие библиотеки: прежде всего все три библиотеки Института мирового хозяйства АН (основная, им. Сэн Катаямы⁴⁵ и библиотека бывшего сектора колониальных стран); библиотека Музея восточных культур; библиотека Отдела Востока Ин[ститу]та мировой литературы им. Горького; библиотека МГУ и Кабинета кафедры колониальных стран; библиотека Восточного института им. Нариманова; библиотека Исторического музея; библиотека им. Ленина; библиотека Торговой палаты и библиотека в ЦУНХУ.

Такая реорганизация уже явится достаточной производственной базой для немедленного открытия в Москве Филиала Института востоковедения АН.

Помещение для него тоже нетрудно найти. Ввиду сокращения деятельности, почти пустует помещение Международного аграрного ин[ститу]та (ул. Коминтерна) и Научно-исследовательского ин[ститу]та национальных и колониальных проблем (ул. Горького, 18-а), громадное помещение КУТВ'а в настоящее время тоже постепенно освобождается и заселяется случайным образом, а между тем оно так велико, что могло бы послужить не только базой для Филиала, но и временным, до постройки нового здания АН, помещением для всего Института востоковедения АН, если бы его перевести в Москву целиком немедленно.

26 III 1938 [г.]

Л. Мерварт

АРАН. Ф. 1577 (Институт истории Академии наук СССР). Оп. 1. Д. 27. Л. 1-8. Машинопись с авторской правкой, подпись – автограф.

Примечания

¹ О ней см.: Алиева Н.Ф. Л.А. Мерварт (1888–1965) – зачинатель индонезийской филологии в СССР // Слово об учителях: Московские востоковеды 30–60-х гг. М., 1988. С. 139–146; *Она же*. Людмила Александровна Мерварт: К 120-летию со дня рождения (1888–1965) // Малайско-индонезийские исследования. М., 2008. Вып. XVIII. С. 13–28.

² Левин Александр Михайлович (1861–1932) – врач-терапевт, профессор женского Медицинского института (с 1899 г.).

³ См.: Левин А.М. Отчет о командировке в Индию в 1897 г. для изучения чумной эпидемии. СПб., 1897.

⁴ Мерварт Александр Михайлович (Густав-Герман Христианович) (1884–1932) – востоковед, этнограф и лингвист, учёный хранитель Музея антропологии и этнографии АН СССР (с 1924 г.).

⁵ См.: Мерварт А.М. и Л.А. В глуши Цейлона (путевые заметки экспедиции Академии наук в Индию и на Цейлон в 1914–1918 гг.). Публ. подг. Н.Г. Краснодембская // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб., 1997. Вып. 11. С. 326–351; 1998. Вып. 12. С. 333–376.

⁶ Академическое дело 1929–1931 гг. СПб., 1993. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. С. VI.

⁷ Там же. С. 9. По другим сведениям, Л.А. Мерварт была арестована 2 июля 1930 г. (См.: Брачёв В.С. «Дело историков» 1929–1931 гг. СПб., 1997. С. 121).

⁸ Академическое дело 1929–1931 гг. С. XXXVIII.

⁹ Там же. С. XLVIII.

¹⁰ Там же. С. XLIX.

¹¹ АРАН (Архив Российской академии наук). Ф. 407 (Центральная квалификационная комиссия Академии наук СССР). Оп. 6. Д. 133. Л. 1об.

¹² АРАН. Ф. 2 (Секретариат Президиума Российской академии наук). Оп. 6. Д. 4. Л. 135; Ф. 407. Оп. 6. Д. 133. Л. 3; Ф. 411 (Управление кадров Российской академии наук). Оп. 30. Д. 679. Л. 5.

¹³ Князев Георгий Алексеевич (1887–1969) – историк, архивист, директор Архива АН СССР в Ленинграде (1929–1963).

¹⁴ АРАН. Ф. 407. Оп. 6. Д. 133. Л. 15.

¹⁵ Комаров Владимир Леонтьевич (1869–1945) – ботаник, академик (с 1920 г.) Российской академии наук, президент (с 1936 г.) АН СССР.

¹⁶ Хейфец Фанни Ароновна (1896–?) – историк, сотрудница Института истории АН СССР.

¹⁷ АРАН. Ф. 1577 (Институт истории Академии наук СССР). Оп. 4. Д. 73. Л. 3.

¹⁸ Греков Борис Дмитриевич (1882–1953) – историк, директор Института истории АН СССР (с 1937 г.), академик АН СССР (с 1935 г.).

¹⁹ АРАН. Ф. 1577. Оп. 4. Д. 73. Л. 4.

²⁰ Там же. Л. 8.

²¹ Там же. Л. 10–10 об.

²² Там же. Л. 11.

²³ АРАН. Ф. 1577. Оп. 5. Д. 136. Л. 1.

²⁴ Ростовский Сергей Николаевич (1903–1981) – историк, научный сотрудник Института востоковедения АН СССР (с 1958 г.).

²⁵ Новая история колониальных и зависимых стран / Под ред. С.Н. Ростовского и др. М., 1940. Т. 1.

²⁶ АРАН. Ф. 411. Оп. 30. Д. 679. Л. 1об.

²⁷ Там же. Ф. 407. Оп. 6. Д. 133. Л. 23–24.

²⁸ Там же. Ф. 411. Оп. 30. Д. 679. Л. 3об.

²⁹ См.: Сказание о Сери Раме: Индонезийская Рамаяна. М., 1961; Сказание о санг Боме. М., 1973.

³⁰ См.: Сказки и легенды Южного Сулавеси. М., 1958; Неверман Г. Голос буйвола: Малайские (индонезийские) народные песни. М., 1961; Кало Г. Бидасари. Индонезийские сказки. М., 1967.

³¹ Парникель Борис Борисович (1934–2004) – востоковед-малаист, сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР (с 1969 г.).

³² Парникель Б. Предисловие // Сказание о санг Боме. М., 1973. С. 3.

³³ Франк Фабиан – немецкий грамматик XVI в.

³⁴ В тексте «Ленинградском».

³⁵ См.: Левина-Мерварт Л. К вопросу о роли немецких грамматиков XV–XVI вв. и их школ в образовании немецкого литературного языка // Записки Неофилологического общества при Императорском Петроградском университете. Петроград, 1916. Вып. VIII. Сборник в честь проф. Ф.А. Брауна. С. 128–140.

³⁶ Тарле Евгений Викторович (1874–1955) – историк, академик АН СССР (с 1927 г.).

³⁷ Платонов Сергей Фёдорович (1860–1933) – историк, профессор Петербургского университета (с 1894 г.), академик Российской АН (с 1920 г.).

³⁸ Сойкин Пётр Петрович (1862–1938) – книгоиздатель.

³⁹ Бхавабхути – древнеиндийский санскритский драматург VIII в.

⁴⁰ Мерварт Л. Арктические экспедиции 1934 г. за рубежом // Вестник Академии наук СССР, 1935. № 12. Ст. 65-68.

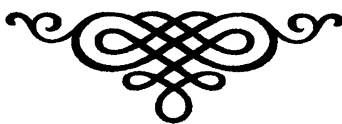
⁴¹ Далее зачёркнуто: «в неотопливаемом помещении бывшего Новодевичьего монастыря».

⁴² ЦУНХУ – Центральное управление народно-хозяйственного учёта Госплана СССР.

⁴³ Левитский Леонид Павлович (1899–?) – востоковед, геолог, экономист, преподаватель Харьковского института народного хозяйства, учёный секретарь Всеукраинской научной ассоциации востоковедения (ВУНАВ).

⁴⁴ Эта работа Л.П. Левитского, получившая высокую оценку академика А.Е. Ферсмана, осталась неизданной, так как её автор был репрессирован.

⁴⁵ Катаяма Сэн (1859–1933) – деятель японского и международного коммунистического движения.

А.В. Антошин, Н.В. Сухов

РУССКИЕ ЭМИГРАНТЫ В МАРОККО ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Одним из важных центров Русского зарубежья после Второй мировой войны стало Марокко. В эту страну Северной Африки из Европы перебралась достаточно большая масса русских эмигрантов. Значительная часть этих людей к моменту окончания войны оказалась в Германии. В разорённой войной стране было голодно, к тому же активно действовали советские репатриационные комиссии. Многие эмигранты опасались, что, в случае возвращения в СССР, их будут ожидать репрессии¹.

Часть прибывших в Марокко в 1946–1950 гг. (по нашим расчётам – 28%)² представляла собой «перемещённых лиц» – освобождённых военнопленных, советских граждан, насильно вывезенных во время войны на работы в Германию и Австрию с оккупированных территорий или добровольно покинувших Советский Союз вместе с отступавшими частями вермахта³. Среди них было много тех, кто состоял в антисоветских организациях, по разным причинам служил в частях РОА под командованием генерала Власова.

Обработка биографических данных эмигрантов этой волны в Марокко позволила сделать вывод, что 69% из них⁴ были эмигрантами «первой волны», осевшими в странах, освобождённых Советским Союзом (Албания, Болгария, Польша, Чехословакия, Югославия и др.), и в Восточной Германии. Они были вынуждены бежать от Красной Армии и присоединились ко «второй волне» эмиграции, справедливо опасаясь репрессий⁵. «У Марокко вообще не было дипломатических связей с Советским Союзом, так что русские Ди-Пи там были в безопасности»⁶.

Другой весомый довод за переезд в Марокко сформулировала в своём выступлении одна из участниц событий Ирина Шимановская, известная нам сегодня как Ирина фон

Шлиппе: «...в Европе нужны были шахтёры и прислуга, в США и Австралии – сельхозрабочие, и люди уезжали, хотя и зная, что несколько лет они будут фактически крепостными рабами. А маму никто не брал... Только Австралия, Канада и Марокко брали почти всех подряд – им нужны были ЛЮДИ как таковые. Мама решила так: Австралия слишком далеко, оттуда мы уже не вернёмся в Европу, а культура – это Европа. В Канаде холодно, а за войну мы натерпелись холода. Марокко – страна французской культуры, даёт всем детям стандартное французское образование, оттуда недалеко до Европы – едем в Марокко»⁷. Как свидетельствуют мемуары другого эмигранта, в Марокко к тому же «брали быстро, без квоты, даже молодых вдов без профессиональной квалификации»⁸.

Тем не менее, считать, что выбор Марокко в качестве нового места жизни был сделан только из утилитарных соображений, нам не позволяют архивные документы Народно-трудового союза (НТС) – ведущей антикоммунистической организации Русского зарубежья эпохи «холодной войны». Более того, речь может идти о специальной операции руководства Союза (прежде всего его Французского отдела) по переброске кадров организации из Европы в Северо-Западную Африку. Для того чтобы получить возможность уехать в Марокко, русские эмигранты в 1940-х гг. овладевали дефицитными в североафриканской стране профессиями землемеров, чертёжников, топографов и т.д. Для этого специально приобреталось соответствующее оборудование (в частности, теодолиты), которые впоследствии, когда в них отпала надобность, Французский отдел НТС пытался реализовать в Париже⁹. Главной целью всей этой акции было создание в непосредственной близости от Европы новой базы антиком-

мунистической деятельности. Предполагалось, что в случае необходимости можно будет оперативно перебросить кадры Союза во Францию или Испанию.

В фондах Архива Центра восточноевропейских исследований Университета Бремена (Германия) хранится составленная членами НТС информационная справка о Танжере. Появление этого документа было связано с намерением НТС организовать переезд русских эмигрантов из Европы в Танжер. Задачу облегчало то обстоятельство, что к концу 1940-х гг. в Танжере уже сложилась небольшая русская община. Информационная справка содержала достаточно подробное описание ситуации, которая сложилась в Танжере в первые годы после окончания Второй мировой войны. Многие здесь привлекало русских эмигрантов, среди которых были люди энергичные и предприимчивые: «Не существует абсолютно никаких прямых налогов, никаких прогрессивных налогов, фактически никакого экономического контроля... Свободно продаётся и покупается золото и драгоценности... Процветает контрабанда и спекуляция. В Испанию везут американские самопишущие ручки и стрептомицин, во Францию – американские папиросы, что даёт до 300% заработка. Спекуляция производится обыкновенно совершенно “легальным” путём: вплоть до самой девальвации фунта в Танжер прибывали целые самолёты драгоценностей, совершенно легально, с уплатой пошлины, купленных в Англии. В Танжере они перегружались и шли в США. Благодаря свободе курса доллара и фунта в Танжере заработок на этой легальной операции доходил до 20%»¹⁰. Конечно, тем русским эмигрантам, которые мечтали о быстром обогащении, Танжер представлялся экономическим раем! Однако особенно симптоматично то, что данный документ находится в архивном фонде издательства «Посев» среди других материалов, посвящённых оперативной работе НТС в годы «холодной войны». Совершенно очевидно, что русских антикоммунистов привлекало стратегически важное положение Танжера и его особый статус в послевоенном мире.

В Германии местом сбора для тех русских эмигрантов, кто впоследствии попал в Марокко, стал лагерь Менхегоф, находившийся в ведении Администрации Объединённых Наций по ликвидации последствий войны и восстановлению (ЮНРПА)¹¹. Менхегоф объединял несколько окрестных лагерей. Начальником всех лагерей был К.В. Болдырев¹², а в Менхегофе и в каждом лагере-филиале были свои начальники. Одним из них был будущий создатель русского театра в Касабланке Венедикт Александрович Коссовский (Абданк-Коссовский)¹³.

В феврале 1946 г. К.В. Болдырев поставил перед Исполнительным бюро НТС вопрос об отъезде группы членов Союза и бывших служащих РОА в Марокко¹⁴. Для организации переезда была открыта фирма СОМЕП. В результате К.В. Болдыреву удалось достигнуть предварительных договорённостей с заинтересованными фирмами-работодателями в Марокко и собрать необходимые для переезда и обустройства на новом месте массы людей финансовые средства.

Данные о численности «перемещённых лиц», прибывших в Марокко и составивших эту волну эмиграции, довольно разноречивы. По информации издания НТС в США, «первая группа в 134 человек была не из Менхегофа, но вторая группа, выехавшая в августе 1947 г., была из Менхегофа. В ней было 272 человека, в том числе 26 землемеров, а за ней в конце 1947 г. из Менхегофа отбыло ещё примерно 150 человек, и с ними о. Митрофан Зноско и регент Е. Евец с семьями»¹⁵.

Однако, согласно свидетельствам И. фон Шлиппе, первая группа Ди-Пи, отправившаяся в Марокко, состояла из 80 человек. Это были «молодые парни, вывезенные немцами из СССР подростками на работы. Они шесть лет провели в различных лагерях, нормальной жизни не знали и не очень по ней тосковали. Образования не имели, но на здоровье жаловаться никак не могли и работали хорошо. Группу возглавил некий Копытов, и парней так и называли “копытовцами”. Они начали приводить в порядок ту

территорию, которая нам была выделена под лагерь»¹⁶. Вторая группа – 320 человек, в основном интеллигенция. В её составе были регент церковного хора Евгений Иванович Евец с женой и четырьмя детьми, сёстрами и другими родственниками. В этой партии были и бывший режиссёр Малого Театра, и известный историк Н.И. Ульянов¹⁷. В третьей группе было 230 человек, и после неё группы были уже не столь многочисленны¹⁸. Итог этому перечню подводит фраза очевидца: «И многие другие – люди... которые превратили Марокко в ценнейший очаг русской культуры»¹⁹.

Разноречивая информация о численности этой волны приводится и в работах российских исследователей. Так, по мнению А.В. Попова, к концу 1947 г. в Марокко переселилось около 600 «ди-пи»²⁰. А В.Н. Земсков пишет о 355 «перемещённых лицах», приехавших в Марокко из западных зон Германии и Австрии за май 1947–1952 гг.²¹ Можно предположить, что в данном случае речь не идёт об обитателях лагеря Менхегоф.

В силу того, что существенную долю среди людей, получавших статус беженца, составляли коллаборационисты времён Второй мировой войны, которых структуры НТС обеспечили фальшивыми документами, советская разведка, а затем заграничные учреждения Советского Союза продолжали следить за их перемещениями по миру. Информация о колонии так называемых перемещённых советских граждан в Марокко, собранная сотрудниками МИД СССР, подтверждает прибытие в 1946 и 1947 гг. двух партий в количестве 400 и 250 человек²².

Таким образом, численность эмигрантов этой волны, прибывших в Марокко «организованно», в составе групп, можно оценить приблизительно в семьсот-восемьсот человек²³. При этом следует принимать во внимание, что прибывавшие в этот же период «неорганизованные» беженцы из Европы не поддаются учёту. Данные, почерпнутые в мемуарах и архивных документах середины 1950-х гг., свидетельствуют о том, что в целом приток русских в Марокко после Вто-

рой мировой войны превысил две тысячи человек²⁴.

Результаты статистической обработки имеющихся в распоряжении авторов сведений показывают, что более 75% эмигрантов этой волны переехали в Марокко в 1946 и 1947 гг., и только 17% – в 1948 и 1949 гг., остальные – в период до 1954 г.

Русские эмигранты этой волны жили изолированно от окружавшего их европейского и арабского общества. «Ещё я помню то, что мы делились на три группы в этом Бурназеле. Французы от всех нас были отдельно. Они были европейской колонией. Они были господами, они заведовали всем, значит, и доступа нам к ним не было. Или если и было, то совсем немножко. Потом была испанская колония, довольно такая красочная и интересная. И были мы, беженцы, эмигранты несчастные, у которых ничего не было»²⁵.

Первоначально никто из вновь прибывших не знал местных языков – ни французского, ни, тем более, марокканского диалекта арабского. Но все постепенно выучили язык, потому что, только освоив местные языки, подавляющее большинство эмиграции могло выжить в условиях Марокко.

Со временем те, кто смог заработать достаточно денег, а главное – стремился улучшить условия своего существования, переезжали в Касабланку, снимая или приобретая квартиры и дома²⁶. Других поиск работы заставил покинуть тесный круг друзей, родственников и единомышленников. Большинство мужчин нанимались на геодезические съёмки – измеряли земельные угодья, строили плотины и дороги. Они выполняли работу, на которую никто из европейцев не соглашался – ведь никто не хотел жить «на террене», т.е. на изучаемом объекте, в пустыне, в армейской палатке без каких-либо удобств. Так русские эмигранты, холостые и семейные, постепенно проникали вглубь страны, оседали в удалённых от побережья городах, что составляло известную проблему и для окормлявшего их священника Русской православной церкви за границей (РПЦЗ). «Две трети каждого меся-

ца приходилось проводить в разъездах по Марокко, чтобы собрать в одну семью в 22-х пунктах, по всей стране разбросанных русских людей»²⁷, – вспоминал епископ Митрофан (Зноско).

К середине 1950-х гг., когда уже можно говорить о сложившейся схеме расселения по стране русских, прибывших из послевоенной Европы, она имела следующий вид: Агадир – 1,7%, Азру (в горах под Фесом) – 0,6%, Бурназель – 40,5%, Мазаган (Джадида) – 1,2%, Марракеш – 7,5%, Касабланка – 23,1%, другие пригороды Касабланки – 1,7%, Кенитра (Порт-Лиоте) – 1,7%, Ужда – 2,3%. Остальные проживали там, где была работа – в местечках, которые не всегда можно найти на карте современного Марокко.

Следует помнить, что послевоенная эмиграция была, вне всяких сомнений, сознательной политической оппозицией советскому режиму. В 1940-х годах положение эмигрантов «второй волны» осложнялось некоторыми дополнительными факторами. Это были связь их судеб в годы войны с Германией (пусть даже она возникла против воли самих изгнанников), статус «перемещённых лиц» или клеймо предателей страны – союзницы по антигитлеровской коалиции²⁸. Это во многом объясняет заметные различия гражданских и профессиональных судеб представителей двух встретившихся в Марокко эмиграционных волн.

Кроме того, после всего пережитого в Советском Союзе (многие происходили из присоединённых в 1939 и 1940 гг. территорий) люди просто жили, они старались, в первую очередь, сохранить самих себя. заново создавалась своя Церковь, своя русская школа, всё, что помогало сохранить психологическое равновесие. Соприкасаясь с французами и арабами по работе, они не вступали с ними в плотное общение, при первой возможности замыкались в своей среде.

Социальный состав «второй волны» эмиграции был неоднороден. Здесь было много инженеров, геодезистов. Однако нередко были и представители творческих

профессий – музыканты, режиссёры, актрисы, балерины, учёные-гуманитарии²⁹. Им было трудно физически и морально, потому что люди работали, как правило, не по профессии. З. Колтовская замечает: «Сейчас, в своём возрасте, я понимаю, что человеку, который был инженером в Югославии, быть ему простым чернорабочим в Марокко (то есть в протекторате Франции), наверное, было трудно в 40 лет»³⁰. Чтобы содержать семьи, боевому офицеру М.И. Тихонравову приходилось работать ночным сторожем³¹, а одному из выдающихся певцов Русского Зарубежья Я.М. Бартошу осваивать профессию чертёжника³².

В то же время было много людей со средним образованием, без особой квалификации. Им доставался соответствующий труд. Кто-то обслуживал американскую военную базу, кому-то удалось поступить служащим в телеграфную компанию, молодёжь подрабатывала летом в различных французских и американских компаниях. Об уровне жизни этой категории русских эмигрантов «второй волны» свидетельствуют слова Ирины Шимановской: «...в 15 лет я стала зарабатывать – давала уроки русского и французского. Мы с мамой жили настолько скромно, что мои 4 урока в неделю полностью оплачивали нам с мамой питание»³³.

Но сами эмигранты отмечали главное: в Марокко им удалось найти ту стабильность, которой они лишились в результате исторических катаклизмов, выпавших на их долю. После очень трудных первых месяцев определился быт в лагере Бурназель, в нём была создана определённая инфраструктура. Дети распределились по школам, взрослые, кто смог, нашли себе работу. Бабушки готовили пищу (на мангалах и примусах), присматривали за детьми, шили, стирали. Им за это платили те, кто учился или работал. Женщины, владевшие французским языком, зарабатывали на жизнь, преподавая его всем желающим. Врачи работали по специальности, хотя их диплом не признавали и они были вынуждены числиться средним медицинским персоналом.

Характерной чертой этих людей было то, что они боролись за свою жизнь, никто не сдавался, хотя многие умирали. «Особенно среди копытовцев. У них не было того стержня, который держал семейных наших людей... Парни жили не так, как семьи, они не отгораживались друг от друга. Вдоль барака стояло два ряда коек, около каждой койки стул, на каждой койке копытовец – и арабка-наложница... Мало кто уделял копытовцам внимание, и понятно, что они стояли на земле менее прочно, чем большинство нашей эмиграции»³⁴.

В отличие от «первой волны», «вторая» была преимущественно народной, а не элитарной эмиграцией, хотя там и были известные представители научно-технической и художественной интеллигенции. Спасаясь от принудительной репатриации в СССР, наши соотечественники были вынуждены менять фамилию, национальность, место проживания и профиль работы. «Между прочим, очень многие меняли у нас фамилии, – вспоминает З. Колтовская. – У нас, например, был в Марокко такой Гнедич, богач, из “нашей” эмиграции. Так это была не его фамилия. Он её поменял. Потому что люди так боялись, что их потом будут вылавливать, поймают и переведут, перешлют в Советскую Россию...»³⁵.

Конечно, появление в Марокко достаточно большой группы политически активных людей стало существенным фактором послевоенного развития русской колонии в этой североафриканской стране. В Касабланке, Рабате, Марракеше, Сафи возникли группы НТС, что не могло остаться незамеченным ни давно проживавшими в Марокко старыми русскими эмигрантами, ни французскими властями.

Северо-Западной Африке отводилась заметная роль в разработанной НТС стратегии антисоветской деятельности. Как французы во время Второй мировой войны, активисты русских эмигрантских политических центров в Европе рассматривали Алжир и Марокко в качестве резервной территории на случай эскалации международной напряжённости и начала третьей мировой войны.

В 1948 г., например, уже рассматривался вопрос о том, чтобы перенести выпуск журнала «Посев» из Парижа в Алжир. Обосновывая это предложение, один из лидеров Французского отдела НТС Р.П. Рончевский³⁶ объяснял: «Место совпадает со стратегическим планом на случай драки»³⁷.

Доступные нам исторические источники позволяют понять идейно-политическую атмосферу внутри этой части русской колонии в конце 1940-х – середине 1950-х гг. и охарактеризовать протекавшие там процессы. Интересные документы по этой теме хранятся в американских, европейских и российских архивах. Например, в Рукописном отделе Библиотеки Конгресса США (Вашингтон), в фонде известного русского монархиста Б.Л. Бразоля хранятся несколько писем, полученных от адмирала А.И. Русина³⁸, одного из наиболее уважаемых членов русской общины в Марокко. Его окружение в основном составляли представители первой волны эмиграции, считавшие себя преемниками традиций Белого движения. Как показывает переписка адмирала, в основном он общался с Ириной Георгиевной Берхман (дочерью генерала Г.Э. Берхмана, командовавшего Кавказским корпусом в годы Первой мировой войны, участника Сарыкамышской операции) и представителем Русской зарубежной церкви протоиереем Митрофаном Зноско-Боровским³⁹. Всё это были люди, проникнутые духом «большой религиозности, морали, патриотизма, государственности», как отмечал в одном из писем старый русский адмирал⁴⁰.

Очевидно, что появление в этой консервативной среде молодых энергичных членов НТС, часть из которых к тому же была в прошлом советскими гражданами, не могло не вызвать конфликтных ситуаций. В Гуверовском архиве войны, революции и мира (университет Стэнфорд, США), в коллекции известного меньшевистского историка Б.И. Николаевского одному из авторов статьи удалось найти письмо лидера Североафриканского отдела НТС Е.И. Гаранина⁴¹, написанное в 1949 г. Из этого документа следует, что антикоммунистическая агитация

членов НТС в Марокко с самого начала вызвала конфликт с представителями сложившейся за предшествующие десятилетия русской колонии и недовольство французских властей. Летом 1949 г. совещание при заместителе директора тайной полиции Марокко приняло решение о высылке с территории протектората группы русских эмигрантов, известных деятелей НТС Е.И. Гаранина и А.С. Парфёнова⁴², а также одного из лидеров местной Казачьей станицы художника Н. Мишаткина⁴³. Юридическим основанием для высылки стала информация о том, что указанные выше люди при въезде на территорию Марокко сообщили ложные сведения о своей деятельности в СССР. Фактически же, полагал Е.И. Гаранин, «нам просто не доверяют и не желают иметь в Марокко людей, занимающихся не только политической, но и общественной деятельностью... В основе этого решения лежат доносы, инспирируемые советской агентурой»⁴⁴.

В материалах упомянутого выше бременского архива, в фонде издательства «Посев» хранится составленная деятелями НТС «Памятная записка», где вина за эту акцию французских властей возлагается на известного эмигрантского философа, литературоведа и публициста Н.П. Полторацкого, названного «игрушкой в руках советской агентуры». Эта характеристика в гораздо большей степени описывает авторов записки, в любом враждебном проявлении видевших агентурную работу советских спецслужб. Трудно поверить, что сын белого офицера, родившийся в Стамбуле в 1921 г., получивший классическое образование в русской Софийской гимназии, а затем на славянском факультете Софийского университета, окончивший Высшую школу теологии и философии в Регенсбурге (Германия) и выступавший в Марокко от имени монархических организаций, стал в одночасье советской марионеткой. Кстати, прибыв в Марокко в 1948 г. в составе большой группы русских Ди-Пи из лагерей в Германии, Н.П. Полторацкий в дальнейшем был резко против приезда в Марокко и Митрофана Зноско-Боров-

ского. Более того, Н.П. Полторацкий был связан с капитаном Фоссом (он же К.А. Александров), который в 1930-х годах возглавлял в Болгарии так называемую «Внутреннюю линию» РОВС – своеобразную эмигрантскую контрразведку, пытавшуюся бороться против советских агентов.

В годы Второй мировой войны Фосс занимал активную пронацистскую позицию, даже получил Железный крест 1-й степени. После войны, по некоторым данным, он начал сотрудничество с американской разведкой в Мюнхене⁴⁵. В руки именно этого человека и попали доносы на группу проживавших в Марокко русских эмигрантов. Через Фосса и разведывательные структуры США данные материалы оказались в Марокко, где, естественно, вызвали интерес у французских властей. Тем более что последние были недовольны неблагоприятной обстановкой, сложившейся в местной русской колонии после приезда в Марокко деятелей НТС. В итоге, стремясь нормализовать ситуацию, французы выслали активистов этой организации из Марокко.

Не менее вероятно в этой тёмной истории версия, что Полторацкий здесь был вообще и не при чём. Достаточно привести воспоминания очевидца о жизни русских Ди-Пи в пригороде Касабланки: «Я думаю, что моя семья сознательно переехала из Бурназеля, потому что там жили очень кучно, такой, знаете, деревней. Это моё теперешнее впечатление. Я помню, что мама говорила, что там была такая “каша из советских”: и те, и другие, которые бежали. И так как мои родители никакими сплетнями не занимались никогда, а там писались всякие доносы в полицию: многие там после Советского Союза бежали, и никто никому о себе не говорил, так, кое-что знали...»⁴⁶. Донос по советской привычке мог написать любой, кто пожелал выслужиться перед французской администрацией.

На этом деятельность НТС в Марокко не прекратилась. Об этом свидетельствует переписка многолетнего лидера НТС В.М. Байдалакова⁴⁷ с проживавшими в 1950-е гг. в Марокко русскими солидариста-

ми, которая хранится в Отделе специальных коллекций Библиотеки Джорджтаунского университета (Вашингтон, США). Из неё следует, что, по сравнению с группами НТС на других континентах (например, в США или Австралии), организации Союза в Марокко отличались «крепким духом» и «спайкой»⁴⁸, среди их членов было немало активных антикоммунистов. На это обращали внимание практически все представители союзного «Центра», приезжавшие в Марокко из ФРГ, например, сам Байдалаков и А.Н. Артёмов⁴⁹, «инспектировавшие» марокканские группы НТС в 1952–1953 годах⁵⁰. При этом уже к 1952 г. и лидерам Марокканского отдела, и эмиссарам «Центра» стала очевидна специфика тех условий, в которых вынуждены были действовать местные группы НТС: «Марокко оказалось глубокой провинцией. Режим оккупации не позволяет выступлений во вне»⁵¹.

Основным центром деятельности НТС в Марокко в 1950-е гг. была Касабланка. Здесь постоянно проживало около 30 солидаристов (как старых, вступивших в Союз еще в 1930-е гг., так и молодёжи, в годы войны связанной с армией Власова). В праздничные дни, в период летних отпусков в Касабланку стекались работавшие в марокканской провинции другие члены НТС. Именно отсюда руководство отдела пыталось координировать работу групп Союза в Марракеше, где большую роль играла Е.Р. Миркович⁵², Рабате и Сафи. По данным руководства НТС, в Марракеше и Рабате жило по четыре члена НТС; кроме того, 50–60 человек значились как «одиночки», то есть отдельные члены Союза, разбросанные по всей марокканской «глубинке»⁵³.

Марокканскому отделу НТС удалось в 1952 г. даже начать издание своего журнала, получившего название «Африканские записки». Для Марокко, да и для других стран Северной Африки русский журнал был уникальным явлением. Главная заслуга в этом принадлежала бывшему белому офицеру Е.В. Каликину⁵⁴, ставшему главным редактором и основным публицистом этого издания. В своих статьях он продолжал отстаи-

вать те ценности российской государственности, которые лежали в основе Белой идеи. «Существовала, существует и будет существовать Россия, которую мы называем вечной», – писал он в 1956 г. Листая пожелтевшие страницы журнала, получаешь представление о том, как воспринимали события в России и в мире жившие в Марокко русские эмигранты. В начале 1950-х гг. в условиях резкого обострения международной напряжённости, связанного с Корейской войной, они испытывали эйфорию: «Что революция в России – реальная возможность, мы можем говорить теперь на основании нашего опыта»⁵⁵. «Африканские записки» явно выдавали желаемое их редакцией за действительное.

Некоторые проживавшие в Марокко члены НТС в этот период добивались права поехать в Европу, «в Центр», для ведения активной антисоветской работы. Известно, что в то время в Альпах действовали организованные ЦРУ базы по подготовке диверсантов для заброски в советский тыл. Наибольший наплыв желающих попасть на обучение в эти центры наблюдался в 1953 г., после смерти Сталина, когда многим эмигрантам-антикоммунистам казалось, что необходимо сделать решающее усилие для падения существовавшего в СССР режима. Долго добивался возможности переехать в Европу и лидер Марокканского отдела НТС Георгий (Юрий) Петрович Жедилягин⁵⁶. Для этого ему даже пришлось бросить фирму, которой он владел в Марокко. После отъезда Г.П. Жедилягина новым лидером Марокканского отдела был назначен В.З. Сорокин⁵⁷.

Надежды антикоммунистов на крушение коммунистического режима в России после смерти Сталина оказались беспочвенными. Уже в 1954 г. Г.П. Жедилягин вместе с супругой были вынуждены вернуться в Марокко. Они очень тяжело переживали возвращение из бурной Европы в политическое «захламление», каким было Марокко 1950-х гг. «Я лично чувствую себя теперь, как в ссылке. Особенно теперь, когда всё больше обостряется борьба и от Союза требуются всё новые

усилия, сидеть тут – мучение», – писал он руководству НТС⁵⁸.

В бреженском архиве хранятся протоколы съездов Североафриканского (август 1953 г.) и Марокканского (сентябрь 1954 г.) отделов НТС, состоявшихся в Касабланке. Они позволяют понять, какова была атмосфера внутри организаций НТС в Марокко к середине 1950-х годов. Картина складывалась весьма противоречивая. С одной стороны, лидеры русских солидаристов в Марокко убеждали находившееся в ФРГ руководство НТС в том, что «общее настроение в отделе вполне здоровое и единое»⁵⁹. С другой стороны, изучение архивных документов показывает, насколько велика была дистанция между той картиной, которую рисовал знаменитый «Посев», и исторической реальностью.

Сами деятели НТС признавали, что им не всегда хватало сплочённости, которая была необходима для эффективной антикоммунистической деятельности. Главное заключалось, по заявлению одного из деятелей НТС Г.А. Ляковского, в «отсутствии среди союзников спайки и дружбы, в исчезновении у нашей среды союзного духа. Есть отдельные группы союзников, спаянные между собой личной дружбой, но нет дружного союзного коллектива, общесоюзной семьи. Если кто попадёт в беду, то он не находит дружной помощи союзников»⁶⁰.

Старый член Союза, вступивший в него ещё в 1930-е гг. в Польше, Г.А. Ляковский с огорчением восклицал: «Неужели нельзя создать семейную спайку?». А ведь именно «союзный дух», тесно связанный с идеологией солидаризма, и был тем, о чём всегда с гордостью заявляли деятели НТС. Как мы уже отмечали, приезжавшим из Европы лидерам НТС казалось, что эти черты сохранились в марокканских группах Союза, менее затронутых прагматизмом и коммерциализацией, которые становились всё более характерными для деятельности НТС в Европе и Америке. Однако постоянные заявления лидеров Марокканского отдела о необходимости культивирования этого духа свидетельствовали о том, что и в Севе-

ро-Западной Африке далеко не все члены НТС на практике разделяли коллективистские принципы. Многие, как выясняется, пытались «отсидеться», дожидаясь, как заметил один из членов НТС в Марокко, когда их будут «ловить», «нагружать работой, напоминать о нагрузке, проверять выполнение и т.п.»⁶¹. Как выяснилось из докладов участников съезда 1953 года, процент реально выполненных союзных поручений был весьма невелик. Причём об этой проблеме говорилось практически на всех форумах НТС в Марокко в те годы, но ситуация не менялась.

Как показывают архивные документы, многие проживавшие в Марокко русские эмигранты к своему членству в НТС относились формально. В 1954 г. вновь назначенный руководитель Марокканского отдела В.З. Сорокин обнаружил, что «работает действительно человек 10–15 из 39, а остальные платят членские взносы»⁶². Однако и проблема уплаты взносов стояла весьма остро. Как указывал Е.В. Каликин, этот вопрос в условиях эмиграции носил не формальный, а принципиальный характер, так как от этого зависело существование организации. «Самое страшное явление в нашей эмиграции, – подчёркивал старый белый офицер, – то, что иностранцы всегда стараются купить наши организации»⁶³. Для того, чтобы быть реально независимыми, нужны были деньги, а их-то и не было. При этом, как с возмущением отмечалось на съезде 1953 г., в Марокко некоторые члены НТС не платили взносы, одновременно приобретая недвижимость⁶⁴. В этих условиях уходили на второй план даже моральные аспекты, тот самый «союзный дух», на отсутствие которого сетовали на съездах.

Как выясняется, проживавшие в Марокко солидаристы нередко формально относились и к проводимым НТС кампаниям, например, по сбору средств в помощь товарищам, проживавшим в разорённой войной Германии. Уже упоминавшийся Г.А. Ляковский с возмущением заметил по этому поводу: «При сборе вещей в Германию надо не забывать, что одежду должны носить лю-

ди». Он просил «не давать тряпки, годные только для мойки полов»⁶⁵.

В материалах съездов Североафриканского и Марокканского отделов НТС отмечалась необходимость активизировать работу с эмигрантской молодёжью, вовлекать её в антикоммунистическую деятельность. Со всем молодые ребята, прошедшие школу юношеских эмигрантских организаций⁶⁶ (скауты, «витязи» и т.д.), призваны были заменить тех молодых людей, кто в начале 1950-х гг. уехали из Марокко в Европу, на фронт «холодной войны».

Из документов НТС следует, что его лидеры продолжали придерживаться линии на свержение существовавшего в России политического режима и в этом духе старались воспитывать свою молодёжь. В то же время их высказывания, зафиксированные в протоколах съездов, пронизаны пессимизмом, пониманием, что для реализации таких планов у организации нет сил. Так, В.З. Сорокин отмечал на съезде в 1953 г.: «Работа с молодёжью важна, но в настоящее время у нас нет возможности заниматься с детьми 10–12 лет. Нет времени и нет подходящих для этой работы союзников. У нас не делается даже более необходимая и важная работа»⁶⁷. К тому же серьёзные проблемы существовали и в уже имевшихся молодёжных структурах. Как утверждалось, многие члены таких групп формально относились к своему членству, посещаемость собраний молодёжных звеньев НТС в Марокко часто не превышала 30% от общего числа их членов⁶⁸.

Однако эти свидетельства не могут подвергнуть сомнению тот факт, что детские и молодёжные организации сыграли большую роль в жизни русской эмиграции в Марокко. Кроме семейного воспитания, четверговых школ и церкви⁶⁹, формированию русского национального самосознания и патриотических настроений среди молодёжи способствовали такие объединения, как русские скауты и «витязи». Родители поощряли участие своих детей в их деятельности⁷⁰.

Деятельность руководителей этих структур была обусловлена не только любовью к детям, но и осознанием того, что нельзя до-

пустить растворения русской молодёжи во французской среде⁷¹. Сборы, походы, а главное – летние лагеря, проводимые на самые скудные средства, создавали для молодёжи ту среду, в которой она сохраняла свой язык и национальную идентичность.

Об этом свидетельствуют мемуары членов Организации российских юных разведчиков (ОРЮР) и участников летних скаутских лагерей в Марокко. Людмила Оболенская-Флам, Ирина Короленко и Ирина фон Шлиппе, будучи молодыми девушками и подростками, посещали различные курсы, работали на американской авиабазе, в телеграфной компании, но их «главная энергия уходила на работу с русскими скаутами, состоявшими в ОРЮР»⁷². И. фон Шлиппе вспоминает: «В летние каникулы устраивались скаутские лагеря. Для их финансирования, а также для помощи бедным, благоустройства храма, для поездок священника и псаломщика по всей стране – окормляли глухую провинцию – и для многого другого устраивались благотворительные ёлки, концерты, в 1950-е годы даже балы»⁷³.

Членство в ОРЮР многое дало «малолетним взрослым», прошедшим основательную жизненную школу войны и беженства. «Скаутские лагеря – прекрасная школа для закалки характера», – с полным основанием сказала Ирина фон Шлиппе, а тогда – Ириша Шимановская, выступая в Москве в 2012 году⁷⁴.

Эти свидетельства непосредственных участников событий позволяют говорить о том, что алармистские настроения ряда руководителей НТС были не совсем обоснованными. С другой стороны, объективные условия проживания в Марокко – бытовая неустроенность, необходимость напряжённо учиться на чужом языке, браться за любую работу, в конце концов, выжить и добиться определённого места в обществе – были причиной пассивного отношения части русской молодёжи к деятельности НТС.

Находившиеся в Марокко члены НТС обсуждали и конкретные планы свержения существовавшего в СССР режима. В августе 1953 г., через полгода после смерти Стали-

на, «русским марокканцам» представлялось наиболее важным склонить на сторону антикоммунистов войска МВД в Москве, что могло бы способствовать взятию власти в Кремле. Впрочем, они сами понимали, что реальных рычагов влияния на ситуацию в СССР у них практически нет. «Мы сегодня ещё слишком слабы, чтобы определить час восстания», – прямо заметил представитель Северной Африки в руководстве НТС Е.И. Гаранин⁷⁵.

Естественно, члены Марокканского отдела не могли оставаться в стороне от внутрисоюзных противоречий, которые в итоге привели к расколу НТС в 1950-е годы. Поколение старых эмигрантов, таких, как Е.В. Калинин, выступали против нового руководства НТС, пришедшего к власти в организации после Второй мировой войны. Они заявляли о перерождении НТС, забвении национал-патриотических принципов Белой идеи, лежавших в основе идеологии Союза в 1930-е годы. Свои сомнения в том, что европейское руководство НТС повело Союз по правильному пути, Е.В. Калинин выразил в 1952 г. в письме В.М. Байдалакову: «У меня создалось впечатление, что понятие “национальный” в имени Союза ставится под вопрос... Основоположники Союза глубоко чувствовали эти понятия, и они для них являлись основными и принципиальными... Всё это чрезвычайно дорого, реально дорого... Слово “национальный” для основоположников Союза означало также и то, что Россия должна прежде всего устроить, как следует, свой собственный дом, свою собственную жизнь и, таким образом, если угодно, выполнять свою общечеловеческую миссию, давая пример другим»⁷⁶.

Оказавшиеся в Марокко русские эмигранты с тревогой читали доходившую до них прессу НТС, выходившую в Европе. На её страницах разворачивались дискуссии, в ходе которых подвергались сомнению и даже пересмотру принципиальные идеологические установки. Постепенно на второй план уходили морально-нравственные нормы, которые были чрезвычайно важны для

основателей Союза. Ставка делалась на прагматизм. Тех, кто сохранил верность Белой идее, это не могло устраивать. Работавший в Марокко в бригаде топографов Б. Брюно⁷⁷ писал в январе 1953 г., что опасается за будущее НТС: «Как бы не вытравилось из него всё ценное, не опростился бы он, нисходя до уровня активной политической партии зарубежья»⁷⁸. Уже через два года после этого Е.В. Калинин категорически заявит: «Судя по всему, НТС перестаёт существовать»⁷⁹. В конечном итоге всё это привело к тому, что некоторые солидаристы покинули ряды НТС. Е.В. Калинин в середине 1950-х годов стал публиковаться в нью-йоркском журнале «Трибуна свободных солидаристов», на страницах которого продолжал отстаивать ценности российской государственности: «Существовала, существует и будет существовать Россия, которую мы называем вечной»⁸⁰.

Именно редактор «Трибуны свободных солидаристов», известный в прошлом деятель НТС Б.В. Прянишников⁸¹, проживавший в США, стал одним из тех, с кем делился своими сокровенными мыслями Е.В. Калинин в последние годы жизни. Большой массив их переписки хранится в Государственном архиве Российской Федерации. Оба бывших русских офицера отрицательно относились к зависимости послевоенного руководства НТС от американцев, прежде всего, от ЦРУ. Характерная мысль содержится в одном из писем Каликина своему другу: «Эти деньги для “Посева”... Кто их даёт? Не те же ли круги, что раньше давали Троцкому с Лениным...»⁸². Отсюда вытекала проблема: допустимо ли по морально-этическим соображениям использовать эти средства в антикоммунистической деятельности? По мнению эмигрантов, послевоенное руководство НТС не было отягощено такими сомнениями, его составляли в тот период «ловкие дельцы без моральных принципов». «Весьма возможно, – отмечал он, – что эти лица совершенно искренне ненавидят большевиков, но мало ли кто и почему большевиков ненавидит. Личный момент у этих лиц на первом месте...»⁸³.

Е.В. Каликин не питал особых иллюзий в отношении тех принципов, которыми руководствовались США в своей внешней политике. Его мнение формировалось, в том числе, и на основе тех наблюдений, которые он сделал в Марокко в 1950-е годы, когда американские спецслужбы поощряли марокканское национально-освободительное движение, стремясь вытеснить Францию из Северо-Западной Африки.

Е.В. Каликин ушел из жизни в 1958 г., попав в автомобильную катастрофу к югу от Касабланки. Как и многие другие русские эмигранты, он был похоронен на африканской земле, в Марокко. После обретения Марокко независимости численность русских эмигрантов в стране существенно сократилась, многие из них покинули страну. Однако и сейчас во Франции и США можно встретить «русских марокканцев», чья молодость оказалась связанной с Северо-Западной Африкой.

Для эмигрантов «второй волны» Марокко оказалось, по образному выражению Л. Оболенской-Флам, «полустанком»⁸⁴. Они в большинстве своём не ощущали принадлежности к этой стране, не выучили арабского языка и во время своей жизни там были знакомы лишь с немногими французами и говорившими по-французски марокканцами. Среди причин их отъезда из Марокко преобладали экономические. Французские работодатели покинули страну, оставив фабрики и мастерские, откуда «белых» сразу стали вытеснять марокканцы. Представители этой категории русских эмигрантов остро ощущали бесперспективность дальнейшей жизни в Марокко и стремились вырваться в Европу или Америку.

Особенно массовым стал отъезд перемещённых лиц русского происхождения из Марокко после 1 сентября 1958 г., когда было объявлено об установлении дипломатических отношений между СССР и этой страной. К перечисленным причинам добавился страх репатриации в Советский Союз и репрессий, память о которых была ещё достаточно свежей.

Исход русской эмиграции из Марокко продолжался до конца 1960-х гг. Таким образом, община «старых русских марокканцев» просуществовала около сорока лет, а сообщество Ди-Пи — не более пятнадцати.

Примечания

¹ «...оставаться в Германии никто не хотел — страна была не только разорена, но и разрушена. Голод, холод, разруха, безработица, безнадёжность — а за океаном манит благополучие, сытость, чистота и стабильность... Интересно, что во время войны был ещё какой-то порядок. Были карточки, их каким-то чудом отоваривали, был хороший шанс выжить — несмотря на бомбёжки и обстрелы. А в 1945, 1946, даже 1947 году вполне можно было умереть от голода, не говоря уже о болезни» // *Шлиппе, Ирина фон*. 27 стран в 27 лет — поиск стабильности. Выступление в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына 24 сентября 2012 г., Москва // http://www.bfrz.ru/data/images/2012/news09/240912/DIPI/vecher/DP_IIA_fon_Shlippe_red.pdf

² Расчёты основываются на статистической обработке выявленных в процессе исследования биографических данных эмигрантов второй волны.

³ Перемещённые лица — DP — Displaced Persons — ДиПи — иностранцы, насильно вывезенные на работы в Германию и Австрию. Летом 1945 г. таковых насчитывалось от шести с половиной до семи миллионов. Подавляющее большинство к лету 1946 г. вернулось на родину, но около миллиона отказалось «репатрироваться» // *Encyclopedia Britannica*, 1960. V. 19. P. 59.

⁴ Полевые материалы Н.В. Сухова. Рабат — Москва. 2010–2012 гг.

⁵ См.: *Толстой Н.Д.* Жертвы Ялты. М., 1996.

⁶ *Шлиппе, Ирина фон*. 27 стран в 27 лет — поиск стабильности.

⁷ Там же.

⁸ Судьбы поколения 1920–1930-х годов в эмиграции. Очерки и воспоминания. М., 2006. С. 131.

⁹ См.: Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen. Historisches Archiv (FSO UB. NA). F. 98. Папка «Переписка с Французским отделом». М.Д. Одинец — Г.С. Околовичу. 21.05.1948.

¹⁰ Там же. Танжер (Информация).

¹¹ UNRRA – United Nations Relief and Rehabilitation Administration. ЮНРРА создана в ноябре 1943 г. при финансовом и организационном участии 44 государств. Все страны согласились пожертвовать для этой цели 1% национального дохода, что составило около миллиарда долларов США. После прекращения деятельности этой организации 30 июня 1947 г. её сменила IRO – International Refugee Organization – Международная организация помощи беженцам, предназначенная для опеки и расселения ДиПи, отказавшихся возвращаться на родину по политическим причинам и получивших статус беженцев. Начались проверки – «скрининги» (screening). Надо было доказать, что до 1 сентября 1939 г. ДиПи действительно проживали за пределами СССР, что не сотрудничали с немцами, не служили в немецких воинских частях и оказались в Германии против своей воли. Проверки были придирчивыми, так как их целью было сокращение числа опекаемых, и тех, кто не прошёл проверки, отправляли в лагеря для немецких беженцев, которые содержались Германией. Условия жизни в немецких лагерях были несравненно хуже, чем в лагерях ДиПи, но немцы старались как можно скорее дать беженцам работу, и это облегчало их судьбу. Подготовительный период продолжался до 1 января 1948 г., когда IRO приступила к своей работе. С тех пор случаев насильственных выдач больше не было, так как все были признаны беженцами, получившими право на политическое убежище. В 1947 г. началось расселение ДиПи, сначала в Бельгию на работы в шахтах, а затем в другие страны: в Австралию, Аргентину, Бразилию, Чили, Канаду и США. Переезд русских в Марокко, организованный НТС, был осуществлён не только без помощи, но даже вопреки UNRRA/IRO // За Свободную Россию. Сообщения местной организации НТС на Востоке США. №29 (58), февраль 2005 г. R. Polchaninov, 6 Waxter Ave., New Hyde Park, NY, USA.

¹² Болдырев Константин Васильевич, младший сын генерал-лейтенанта В.Г. Болдырева, родился в 1909 г. В 1920 г. К.В. Болдырев вместе с братом Василием был вывезен матерью Любовью Витальевной Болдыревой в Китай, а оттуда – в Сербию, где он окончил Кадетский корпус, затем – Белградский университет. В годы Второй мировой войны он вместе с другими членами НТС проникает на оккупированную территорию СССР, где обеспечивает себе легальный статус и право передвижения с помощью орга-

низации небольшой строительной фирмы «Эрбауэр». В 1944 г. в Минске он чудом спасается (по версии дочери, Е. Болдыревой-Семлер) от ареста гестапо и перебирается в Вену, а затем в Тюрингию. С приходом американцев К.В. Болдырев назначается организатором и администратором «перемещённых лиц» в районе ландкрейса Хохенштейн и вводится в состав Военного Управления американских оккупационных войск. Практическая работа К.В. Болдырева включала в себя организацию быта, работы и досуга подведомственных ему лагерей ДиПи: Менхегоф, Фюрстенвальд, Ротвестен и Циренберг. Контингент лагерей состоял из русских эмигрантов 1-й волны, имевших иностранное подданство, или апатридов, «остовцев» из бывших советских граждан, военнослужащих РОА и иных добровольческих формирований и др. Значительное число среди них составляли члены НТС. Советская сторона объявила его военным преступником и потребовала выдачи. В июле 1945 г. К.В. Болдырев был арестован американскими властями и заключён в тюрьму. Причиной ареста послужили многочисленные доносы, обвинявшие его в попытках скрыть от советских репатриационных комиссий предателей Родины и военных преступников. В октябре 1945 г. К.В. Болдырев был освобождён за недоказанностью преступления и продолжил службу в должности администратора лагерей. Спустя два года, преодолев множество бюрократических и экономических препятствий, К.В. Болдырев начинает организацию переезда групп ДиПи из Германии в Марокко (*Попов А.В.* Загадка генерала Болдырева: новые документы по истории белой Сибири // История белой Сибири. Тезисы III научной конференции. Кемерово, 1999. С. 48–54; *Болдырева-Семлер, Елена.* Дань отцу – Константину Болдыреву // Судьбы поколения 1920–1930-х годов в эмиграции. Очерки и воспоминания. М., 2006. С. 66–71).

¹³ Абданк-Коссовский Венедикт Александрович (01.02.1918, Москва – 10.12.1994, США). Общественный и политический деятель. Отец – потомственный дворянин, офицер императорской армии. В.А. Коссовский лишился отца, когда ему был один год. В 1921 г. вместе с матерью выехал в Литву, где поселился в Ковно. Учился в русской гимназии. Служил в литовской армии. Подвергался преследованиям в периоды советской и нацистской оккупации Литвы. В 1944 г. выехал на Запад. Находился в рабочем лагере «Берг» в Австрии, где окончил курсы

геодезистов. Возглавлял после окончания войны лагерь Менхегоф. В 1947 г. переехал в Марокко вместе с семьёй Р.Д. Сазонова. Работал чертёжником в техническом бюро в Агадире. Затем жил в Бурназеле, где работал землемером. Основал русский театр в Касабланке. Публиковался в журнале «Посев». Член НТС, в 1956 г. вышел из Союза. С 1961 г. жил в Сиракузах (США, штат Нью-Йорк), с 1976 г. – председатель Сиракузского отдела Конгресса русских американцев. В 1982 г. организовал и провёл Всеамериканское совещание русских организаций. В 1993 г. первый раз посетил Россию // Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1999 гг. Т. 1. М., 1999; *Болдырев К.В.* Менхегоф – лагерь перемещённых лиц (Западная Германия) // Вопросы истории. 1998. №7. С. 123. По материалам сайтов: «Русское зарубежье» <http://russians.rin.ru>, <http://www.mochola.org/russiaabroad/popov/index.htm>, http://www.white-russia1.narod.ru/EMI/LIE_TUVA.htm

¹⁴ *Болдырев К.В.* Менхегоф – лагерь перемещённых лиц (Западная Германия). С. 124.

¹⁵ Итого 556 человек // За Свободную Россию. Сообщения местной организации НТС на Востоке США. № 78, октябрь 2006 г. R. Polchaninov, 6 Baxter Ave., New Hyde Park, NY 11040-3909 USA.

¹⁶ *Шлиппе, Ирина фон.* 27 стран в 27 лет – поиск стабильности.

¹⁷ Вскоре он был приглашён в Канаду, где успешно работал по специальности и на своём уровне – редчайший случай!

¹⁸ Итого 630 человек // *Шлиппе, Ирина фон.* 27 стран в 27 лет – поиск стабильности.

¹⁹ Там же.

²⁰ *Попов А.В.* Загадка генерала Болдырева: новые документы по истории белой Сибири. С. 48–54.

²¹ *Земсков В.Н.* Рождение «второй эмиграции» 1944–1952 // Социологические исследования. 1991. № 4. С. 21.

²² Справка о перемещённых советских гражданах, проживающих в Марокко. Посольство СССР в Марокко, г. Рабат, 13 марта 1972 г.

²³ Ирина Короленко в своих воспоминаниях о Марокко говорит, что из Германии в декабре 1947 г. их перевозили партиями через Италию и Алжир. Лично она была в группе из 93 человек. Она также отмечает, что «на первую Пасху... у нас собралось со всего Марокко около пятисот человек» // Судьбы поколения 1920–1930-х го-

дов в эмиграции. Очерки и воспоминания. С. 72, 77, 131.

²⁴ Например, не учтённым остаётся поток, направлявшийся в международную зону Танжер, а он был относительно многочисленным (*Вейцман Ф.* Без отечества. История жизни русского еврея. Тель-Авив. 1981). Ирина фон Шлиппе говорит о двух с половиной тысячах человек только в Касабланке (Судьбы поколения 1920–1930-х годов в эмиграции. Очерки и воспоминания. С. 131).

²⁵ Там же.

²⁶ Из воспоминаний З. Колтовской: «В Касабланку мы перебрались, когда мне было 12 лет или 13 лет. Потому что папа купил виллу, и мы жили в этой трёхэтажной вилле. На первом этаже были эти бюро у него, а мы жили на последнем, на третьем. И подвальные были помещения» // Из личного архива Н.Л. Крыловой, не опубликовано.

²⁷ *Епископ Митрофан (Зноско).* Светлой памяти христоробиного воина-пастыря. Нью-Йорк, 1965.

²⁸ *Шлиппе, Ирина фон.* Кризис изгнания: поиски социальных и духовных решений в эмиграции. Текст доклада см.: <http://www.religare.ru/article29963.htm>

²⁹ Данные, полученные путём статистической обработки биографических сведений эмигрантов второй волны, полученных из архивных документов.

³⁰ Из воспоминаний З. Колтовской // Из личного архива Н.Л. Крыловой, не опубликовано.

³¹ Тихонравов Михаил Иванович (23.01.1891, Москва – 04.05.1970, США). Во время Первой мировой войны офицер 20-го драгунского полка. Кавалер Ордена Св. Георгия 4-й степени. В составе Добровольческой армии и ВСЮР с августа 1918 г. Полковник. Галлиполиец. Эмигрировал в Югославию. Окончил курсы Генерального штаба в Белграде. Во время Второй мировой войны воевал в составе Русского корпуса. Участвовал в боевых действиях против партизан в Югославии. После войны был в лагере для перемещённых лиц в г. Шляйсхайм (Германия), где организовал вокруг себя группу из бывших белых офицеров. В декабре 1948 г. вместе с ними покинул лагерь, а в январе 1949 г. прибыл в Марокко. В 1949 г. работал ночным сторожем. В списке прихожан Воскресенского храма РПЦЗ в Рабате за 1952 г. С 1955 г. начальник Марокканского подотдела РОБС. Внес 35 тыс. франков на строительство храма в Касабланке. С 1967 г. – сотрудник жур-

нала «Военная быль». Уехал в США (Копия отчёта о поступлении от прихожан в строительный фонд от 05.11.1957, Касабланка. Личный архив автора, фонд не описан. Не опубликовано; *Епископ Митрофан (Зноско)*. Хроника одной жизни. К 60-летию пастырского служения. Нью-Йорк, 1995. С. 186; *Волков С.В.* Офицеры армейской кавалерии. М.: Русский путь, 2004. С. 521; *Волков С.В., Стрелянов П.Н. (Калабухов)*. Чины Русского корпуса. М., 2009. С. 428; Архив Успенского храма в г. Касабланка (Марокко). Не опубликовано. Фонд не описан.

³² Бартош Яков Михайлович (23.11.1912, ? – 17.01.1979, Нью-Йорк). Певец, музыкант. Выехал из России в детстве. Учился в Югославии в Крымском кадетском корпусе в 1924 г. По окончании Кадетского корпуса поступил в музыкальную школу Станкевича по классу вокала. С 1945 г. играл в Большом оркестре радио Белграда и в оркестре Белградской консерватории. Выступал с серьёзным репертуаром в концертах. В 1950 г. с женой выехал в Марокко, где выступал на радио в сопровождении оркестра. Окончил курсы чертёжников, чтобы обеспечить жизнь своей семье. Видя, что в Марокко нет музыкального будущего, в 1956 г. переселился с женой и сыном в США. Считался одним из выдающихся певцов русского Зарубежья // *Епископ Митрофан (Зноско)*. Хроника одной жизни. К 60-летию пастырского служения. С. 183; Российское зарубежье во Франции, 1919–2000: Биографический словарь / Под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской, М., 2008; по материалам сайта: http://xxl3.ru/kadeti/kp20_25.htm.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Из интервью Зинаиды Колтовской // Из личного архива Н.Л. Крыловой, не опубликовано.

³⁶ Рончевский Ростислав Петрович – участник Белого движения. В составе частей полковника М.Г. Дроздовского совершил переход из Румынии на Дон. Боевал в рядах Дроздовской артиллерийской бригады. В эмиграции – во Франции, организатор и лидер Лионского отделения НТС. В 1940-е гг. жил в Париже.

³⁷ Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen. Historisches Archiv (FSO UB. HA). F. 98. Папка «Переписка с Французским отделом». Р.П. Рончевский – В.Д. Поремскому. 01.11.1948.

³⁸ Русин Александр Иванович (1861–1956). Окончил Морское училище, гидрографическое отделение Николаевской Морской академии,

Артиллерийский офицерский класс. Служил на Балтийском флоте и на Дальнем Востоке. В 1899–1904 гг. – морской агент в Японии. Участник русско-японской войны и переговоров о заключении Портсмутского мира 1905 г. В 1905–1907 гг. – командир эскадренного броненосца «Слава». В 1907–1908 гг. – исполняющий должность начальника Николаевской Морской академии. В 1909–1913 гг. – директор Морского корпуса. В 1914–1917 гг. – начальник Морского Генерального штаба. Адмирал (1916). В эмиграции во Франции, с 1939 г. – в Марокко. Умер в Касабланке.

³⁹ См.: Library of Congress. Manuscript Division (LoC. MD). The papers of Boris Brasol. Box 4. Folder “Political correspondence. 1950–1952”. А. Русин – Б.Л. Бразолю. 12.02.1951.

⁴⁰ См.: LoC. MD. Poushkin society in America records. Box 2. Folder “General correspondence. 1951–1952”. А. Русин – Б.Л. Бразолю. 29.04.1951.

⁴¹ Гаранин Евгений Иванович (наст. фамилия Синицын) (1915–1973). Родился под Москвой. Получил высшее юридическое образование, служил в прокуратуре. Во время Второй мировой войны – командир разведки стрелкового полка. В 1942 г. попал в плен, находился в лагерях для военнопленных в Польше. С 1943 г. – член НТС. Главный прокурор армии Власова. После войны – в лагере Менхегоф (Германия), затем – в Марокко. В 1950-е – начале 1970-х гг. – в ФРГ: член Совета НТС, руководитель сектора оперативной пропаганды НТС, сотрудник радио «Свобода». Умер в Мюнхене.

⁴² Парфёнов Александр Семёнович (1895–1961). Родился в Оренбурге. Инженер. В 1942 г. под Харьковом попал в плен. Находился в лагерях военнопленных. С 1943 г. – в НТС. Служил в армии Власова. После войны – в лагере Менхегоф (Германия), затем – в Марокко. Работал землемером. С 1953 г. – в ФРГ, работал в секторе пропаганды НТС, в редакции «Посева». Умер во Франкфурте-на-Майне.

⁴³ Мишаткин Николай Федорович (1911, ст. Кременецкая Кубанской обл. – 17.06.1973, Сан-Пауло, Бразилия). Художник-график, писатель. Казак Великого войска Донского. Окончил Художественный институт по классу графики. Участник Второй мировой войны. В 1942 г. оказался в немецком плену. В 1948 г. эмигрировал в Марокко. Жил в Бурназеле. Работал чертёжником, сотрудничал в местной французской прессе, в газете «Русская мысль», рисовал политические карикатуры. В 1951 г. получил первую премию

на конкурсе художников плакатов в Марракеше. Создал выжженные по дереву аналойные иконы Спасителя и Божьей Матери и пожертвовал их храму в Бурназеле. С 1951 г. жил в Бразилии. Сотрудник антисоветского центра в Сан-Паулу.

⁴⁴ Hoover Institution Archive on War, Revolution and Peace (HIA). Boris I. Nicolaevsky collection. Ser. 248. Box 480. Folder 6. Е.И. Гаранин – Б.И. Николаевскому. 05.08.1949.

⁴⁵ См.: FSO UB. НА. Ф. 98. Памятная записка.

⁴⁶ Из интервью Н.Л. Крыловой с Ольгой Маерановой. Октябрь 2008 г. Париж. Не опубликовано.

⁴⁷ Байдалаков Виктор Михайлович (1900–1967). Родился в Области Войска Донского. В 1918 г. пошёл добровольцем в белые казачьи войска, ранен, за боевые заслуги произведён в офицеры. В 1920 г. с Белой армией эвакуировался в Галлиполи, затем выехал в Сербию. Окончил химический факультет Белградского университета. Один из основателей и многолетний председатель НТС. В 1955 г. с группой своих сторонников вышел из НТС. Умер в США.

⁴⁸ См.: Georgetown University Library. Special collections (GUL. SC). The Victor M. Baydalakoff collection. Box 9. Folder 1. А.Н. Артёмов – В.М. Байдалакову. 24.04.1953.

⁴⁹ Артёмов Александр Николаевич (наст. фамилия Зайцев) (р. 1909). Родился в Рязанской губ. в семье служащего. Окончил бухгалтерские курсы в Ростове-на-Дону, биологический факультет МГУ. Исключался из ВЛКСМ. Учился в аспирантуре по промышленной микробиологии. Призван в РККА, старший лейтенант. В 1941 г. попал в плен. Содержался в лагерях военнопленных, вступил в НТС. С 1943 г. – преподаватель школы пропагандистов в Дабендорфе. После войны – в лагере Менхегоф (Германия). Был редактором журнала «Посев», многие годы – член Совета НТС. В 1972–1984 гг. – председатель НТС.

⁵⁰ См.: GUL. SC. The Victor M. Baydalakoff collection. Box 9. Folder 1. А.Н. Артёмов – В.М. Байдалакову. 27.03.1953; *Байдалаков В.М.* По союзным группам на трёх континентах // За Россию. Франкфурт-на-Майне, 1952. № 1–2. С. 5; *Артёмов А.Н.* Союзное Марокко // За Россию. 1953. № 4. С. 6.

⁵¹ См.: FSO UB. НА. Ф. 98. Протоколы съезда Совета НТС в январе 1952 г. Л. 15.

⁵² Миркович Елизавета Романовна (урождённая баронесса фон Кнорринг) (1918–1994). Родилась в Киеве. В 1920–1930-е гг. в эмиграции в

Берлине. Окончила университет. В НТС – с 1938 г. Во время войны приехала с мужем в оккупированный немцами Днепрпетровск, создала группу НТС. В 1947 г. уехали в Марокко. Жили сначала в Бурназеле, затем в Марракеше. Преподавала русский язык и русскую историю детям Общины в Марракеше. В 50-е годы жила с семьёй в Марракеше. Принимала участие в организации новогодних ёлок для детей общины Марракеша. В 1956 г. вернулась в Германию на работу в системе НТС. Работала на радиостанции, ориентированной на Группу советских войск в Германии, в Закрытом секторе НТС. Редактор «Посева». Член Совета НТС в 1971–1994 гг.

⁵³ См.: FSO UB. НА. Ф. 98. Схема организации НТС. 1952 г.

⁵⁴ Каликин Евгений Васильевич (1896–1958). Родился в Минске. Учился на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. В 1916 г. призван в армию, окончил школу прапорщиков. В годы Гражданской войны – офицер 7-го Камышловского полка горных стрелков армии А.В. Колчака. Попал в плен к красным, находился в заключении. В 1920 г. призван в Красную Армию для участия в войне с Польшей. Бежал, оказался в эмиграции. В 1920–1930-е гг. – в Чехословакии, работал в Русской юридической комиссии Земгора, публиковался в эмигрантской печати. В 1930-е гг. вступил в НТС. В 1940–1950-е гг. – в Марокко.

⁵⁵ См.: Африканские записки. Касабланка, 1952. № 1. С. 6.

⁵⁶ Жедилягин Юрий Петрович (р. 1921). Родился в Югославии в семье врангелевского офицера. Окончил Кадетский корпус и Белградский университет. С 1939 г. – в НТС. В годы войны – на оккупированных Германией территориях СССР, создал группу НТС в Вязьме. В июле 1947 г. Жедилягины переехали из лагеря в Германии в Касабланку. Жил с семьёй в Бурназеле, затем в Марракеше. Активист церковной общины в Касабланке. Подарил общине столы и стулья для занятий с детьми. Помогал в издании «Приходского листка». В 1953 г. безвозмездно произвёл ремонт в квартире настоятеля общины. Внес 10 тыс. франков на строительство Успенского храма в Касабланке. Писал политические и исторические статьи в журнале «Посев».

⁵⁷ Сорокин Виталий Захарьевич. После войны жил в лагере Менхегоф. Художник-карикатурист. Эмигрировал в Марокко. Жил в Бурназеле. В списке прихожан Успенского хра-

ма в Касабланке в 1949 г. Крестный отец Колотовской Марии Митрофановны, род. 14.05.1949 г. В 1954 г. – руководитель марокканского отдела НТС.

⁵⁸ GUL. SC. The Victor M. Baydalakoff collection. Box 9. Folder 2. В. и Ю. Жедилягины – А.Н. и В.М. Байдалаковым. 23.04.1954.

⁵⁹ GUL. SC. The Victor M. Baydalakoff collection. Box 9. Folder 1. Е. Гаранин – В.М. Байдалакову. 19.08.1953.

⁶⁰ FSO UB. НА. Ф. 98. Протокол 4-го съезда Северо-Африканского отдела НТС. Касабланка, 24.08.1953. Л. 2-3.

⁶¹ Там же. Л. 2.

⁶² Там же. Протокол Общего съезда членов НТС Марокканского отдела. 05.09.1954. Л. 2.

⁶³ Протокол 4-го съезда Северо-Африканского отдела НТС. Касабланка, 24.08.1953. Там же. Л. 4.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. Л. 2–3.

⁶⁶ GUL. SC. The Victor M. Baydalakoff collection. Box 10. Folder 1. В.М. Байдалаков – Г. Бердникову. 28.01.1952.

⁶⁷ FSO UB. НА. Ф. 98. Протокол 4-го съезда Северо-Африканского отдела НТС. Л. 4.

⁶⁸ Там же. Л. 1.

⁶⁹ «После литургии, на которой хор состоял исключительно из детей, у нас были уроки – Закон Божий, музыка, русский язык, русская литература, русская история, русская география» // *Шлиппе, Ирина фон*. 27 стран в 27 лет – поиск стабильности.

⁷⁰ «Отец нам говорил: идите в одну или в другую организацию, только не ссорьтесь, чтобы одна организация не вытесняла другую» // *Крылова Н.Л.* Единение музыкой. Из марокканской истории русского хора // Восточный архив. 2010. № 2 (22). С. 65.

⁷¹ «Примером такой опасности были дети наших знакомых старожилов в Рабате. Слушая увертюру Чайковского “1812 год”, они вскакивали с мест и становились навтыжку при звуках “Боже, Царя храни”, но по-русски почти не говорили, а паспорта у них были советские» // Судьбы поколения 1920–1930-х годов в эмиграции: Очерки и воспоминания / Ред.-сост. Л.С. Флам. Москва: Русский путь, 2006.

⁷² Там же.

⁷³ *Шлиппе, Ирина фон*. 27 стран в 27 лет – поиск стабильности.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ FSO UB. НА. Ф. 98. Протокол 4-го съезда Северо-Африканского отдела НТС. Л. 5.

⁷⁶ GUL. SC. The Victor M. Baydalakoff collection. Box 9. Folder 1. Е. Каликин – В.М. Байдалакову. 28.12.1952.

⁷⁷ Брюно де ла Форж Борис Степанович (1910–1995). Родился в офицерской семье в г. Петровск-Порт (ныне Махачкала). В 1919 г. поступил во Владикавказский кадетский корпус, с которым эвакуирован в Константинополь. Окончил Кадетский корпус в Югославии. С 1930 г. – член НТС. Известный в Югославии эстрадный певец. Во время войны ездил с артистической группой по лагерям «остарбайтеров». После войны заведовал театром в лагере Менхегоф (Германия). С 1946 г. работал топографом в Марокко, с 1963 – в США: работал на заводе, затем в библиотеке Стэнфордского университета. Принимал активное участие в деятельности НТС в США. Похоронен в Ново-Дивеево близ Нью-Йорка.

⁷⁸ Там же. Б. Брюно – В.М. Байдалакову. 31.01.1953.

⁷⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10032. Оп. 1. Д. 45. Л. 66.

⁸⁰ *Каликин Е.* О глубинных причинах, вызвавших к жизни НТС // Трибуна свободных солидаристов. Нью-Йорк, 1956. № 2. С. 34.

⁸¹ Прянишников Борис Витальевич (1902–2002). Родился в станице Новочеркасской в семье казачьего офицера. Из дворян Области Войска Донского. Учился в Донском Императора Александра III кадетском корпусе в Новочеркаске. Летом 1918 г. вступил добровольцем в партизанский отряд Белой армии. Участник Второго Кубанского похода Белой армии. Награжден георгиевской медалью и георгиевским крестом 4-й степени. Участник обороны Крыма белыми, ранен. В эмиграции – в Болгарии. С 1933 г. – член НТС. В годы Второй мировой войны – на Балканах и в Германии, подписал власовский манифест 1944 г. После войны – в Германии, с 1949 г. – в США. В 1954 г. вышел из НТС.

⁸² ГАРФ. Ф. 10032. Оп. 1. Д. 46. Л. 37.

⁸³ GUL. SC. The Victor M. Baydalakoff collection. Box 9. Folder 4. Е. Каликин – В.М. Байдалакову. 29.08.1955.

⁸⁴ Судьбы поколения 1920–1930-х годов в эмиграции. Очерки и воспоминания. М., 2006.

Н.Л. Крылова

«ЕСТЬ ЖЕНЩИНЫ В РУССКОЙ БИЗЕРТЕ...»

Эмигранты об эмигрантках

«Татьяны Ларины»... «Наташи Ростовы», все эти «Анны Каренины», и милые девушки Гончарова «Веры и Марфиньки». Героини Тургенева «Елены», «Лизы» стоят здесь на юте, чтобы отплыть на чужбину, с ними уходит «Великая Красавица Россия», царственная, полная величия и красоты.

В. фон Берг. Последние гардемарины (Морской корпус). Париж, 1931. С. 114.

Так случилось, что в традиционных комментариях к оригинальным источникам русской эмиграции её гендерная интерпретация ещё совсем недавно либо вовсе игнорировалась, либо затрагивалась мимоходом. Востоковедами и африканистами, изучающими общее и особенное в русской эмиграции, оседавшей на Африканском континенте в первых декадах прошлого столетия, уже довольно отчётливо выписана её, так сказать, «мужская» история. Оно и понятно: за рубежи революционной России уходила русская армия в лице монархически настроенного офицерства, а также солдат, участвовавших в гражданской войне с большевиками, оставивших родину после поражения Белого движения. За частями белых армий следовал мирный эмиграционный обоз: среди эмигрантов первой волны было немало представителей инженерного, медицинского корпусов, религиозных, литературно-художественных кругов – словом, контингенты образованной российской буржуазии, дворянства, интеллигенции, также по преимуществу представленной в описываемую эпоху исхода из России мужской частью населения страны.

В то же время массив русских эмигранток – жён, дочерей, матерей, сестёр соотечественников, покидавших революционную родину вместе со своими семьями, скромно

расположился за исследовательскими скобками¹. Ещё менее прописаны отдельные исторические портреты эмигрировавших в Африку соотечественниц. Хотя некоторые из них успели стать легендой для местного населения, о них написаны книги и сняты художественные и документальные фильмы. На самом деле место женщин в жизни русских общин, роль в процессе адаптации к новой – чужбинной – среде весьма значительны и заслуживают отнюдь не меньшего исследовательского внимания.

* * *

Зимой 1920–1921 гг. 33 корабля с шестью с небольшим тысячами человек на борту последовательно вошли во французский тогда порт Бизерту². Это был последний поход Российского императорского флота (вскоре переименованного в Русскую Эскадру), открывший первую страницу истории русской эмиграции в Тунисе.

Число женщин и детей на кораблях к моменту их прибытия в Бизерту, по разным подсчётам, колебалось от 637 женщин (и 223 детей) до 626 женщин (и 239 детей)³. Спускаясь с кораблей по окончании карантина, они – в одиночку и с семьями – рассеивались по тунисским беженским лагерям.

«Сколько пришло женщин в эскадре, примерно, соотношение с мужским составом? Приблизительно десятая часть... У меня, конечно, не полные данные, но я как можно больше собирал, крупинками. Главным образом, по отдельным техническим характеристикам. Общее число – уже после того, как многие почти сразу выехали... Есть распределение по лагерям, на судах, в госпитале, в Морском корпусе, на берегу... Так что в общем выходит 570 женщин из общего числа 5143 человека в целом» (Из

интервью с А.В. Плотто, Фонтене-су-Буа, Франция, осень 2008 г.).

Согласно данным того же А.В. Плотто, к 1 января 1922 г. офицеров и команды на судах эскадры оставалось 700 человек, в Морском Корпусе, в лагерях и лазаретах – 1237, из них женщин и детей – 374⁴. Кто-то покидал Бизерту в поисках более комфортной жизни на самом Африканском континенте (Алжир, Марокко), другие эмигрировали в Европу и Америку. В результате к весне 1926 г. в Тунисе проживало 876 русских – 500 мужчин, 200 женщин и 176 несовершеннолетних детей⁵.

В ситуациях эмигрантского бытия на Чужбине роль женщины измеряется особыми параметрами, поскольку её инстинкт самосохранения и сохранения рода развит сильнее, чем у мужчин. Женщина менее подвержена действию какого-либо длительного стресса, в том числе «стресса аккультурации» (или, иначе, «культурного шока»); её система жизненных ценностей более устойчива и укреплена необходимостью решения сиюминутных неотложных бытовых и воспитательных задач. И хотя смена стереотипов в женской среде всегда происходит медленнее (а подчас и болезненнее), чем у мужчин, сам по себе пресловутый женский консерватизм с его компромиссным отношением к существующим общественным структурам, социальным институтам, скорее, подразумевает разумную умеренность. Быть может, снисходительную, но устойчивую, прочную, терпимую, гарантирующую от запуганности, идеализма, даже авантюризма, а также экстремизма, присущих общественным позициям мужчин, и так необходимую им в условиях эмиграционного бытия.

* * *

В своих интервью Анастасия Манштейн, другие участники и очевидцы событий тех лет воссоздают настоящую портретную галерею женщин-эмигранток, самых разных по характеру и темпераменту. Уравновешенных и энергичных, широко образованных, деловых и предприимчивых, умных,

тонких, нравственно и душевно чутких и эпатажно колоритных – чей труд, чья порой незаметное, порой броское, яркое, но зачастую незаменимое присутствие в суровых условиях эмиграции создавало совершенно определённую атмосферу комфорта, уюта, человеческого тепла. Состояний, столь необходимых для выживания – физического и нравственного. Наши информанты сохранили в памяти и множество примеров их самореализации. Женщины-врачи, фельдшеры, сёстры милосердия. Жёны, разделявшие с мужьями тяготы сельскохозяйственных работ, а также вдовы и дочери, принимавшие на себя управление магазинами, фермами и плантациями. Преподавательницы организованных в беженских лагерях школ и гимназий. Писательницы, мемуаристки, эссеистки, поэтессы, переводчицы, художницы, актрисы, певицы, музыкантши. Хранительницы православных храмов и русских кладбищ. Но прежде всего – жёны и матери, достойно и самоотверженно пытавшиеся в непростых условиях жизни на чужбине исполнять многообразные роли хранительниц семейного очага; подруги, мужественно и терпеливо поддерживавшие духовную и физическую жизнестойкость мужчин-изгнанников, своих семей, собственными руками, «где можно, из палочек и тряпочек создающие уют и красоту»⁶. Конечно, о некоторых из них уже известно из работ самой Анастасии Александровны, из исследований специалистов по русской эмиграции в Тунисе. В большинстве этих работ женщины эскадры аккуратно перечислены, описаны и текстуально упакованы в соответствии с избранным ракурсом изучения исторической действительности⁷. Но, как заметил один из исследователей метода устной истории, «без страсти и субъективизма история невозможна и была бы, вероятно, скучна, как пасмурный день»⁸.

Приводимые ниже портретные зарисовки двух женщин Русской Эскадры сделаны благодаря удивительным свойствам «эмпирики памяти» Анастасии Александровны Манштейн-Ширинской и Александра Владимировича Плотто, родившегося в год при-

шествия Эскадры в Бизерту и рассказавшего о своих бабушке и матери. Они выглядят менее статичными и одновременно более реалистичными, поскольку выполнены в ином формате – формате взаимосвязи между опытом жизни этих женщин и их ментальностью. И тот, и другая не только наблюдали, но и тесно взаимодействовали с Марией Кульстрем и Евгенией Плотто-Иловайской многие годы. Именно этот ракурс позволяет вынести на поверхность те нюансы и штрихи повседневной действительности, которые были погребены под многими героико-драматическими версиями тех же событий⁹.

* * *

Мария Аполлоновна Кульстрем и Евгения Сергеевна Плотто-Иловайская. Имена этих женщин в контексте бизертского эмигрантского присутствия неразделимы. Мать и дочь¹⁰, сполна испившие муки чужбинного бытия одиноких по существу женщин, всеми силами, которые они черпали в исходной культуре, сохраняли фамильное достоинство и благородство своих натур в глухом эмигрантском безвременье.

Из интервью с А.А. Манштейн-Ширинской, Бизерта (Тунис), осень 2008 г.:

«Мать Евгении Сергеевны Плотто-Иловайской, Мария Аполлоновна Кульстрем, жена градоначальника Севастополя, она принимала Государя Императора, который назвал её Марией Аполлоновной – запомнил! Это в семье было известно. Так Мария Аполлоновна очень просто ходила во французские семьи (об этом, между прочим, Алик Плотто¹¹ говорит о бабушке, они все её очень уважали). Она сидела, штопала их бельё, а когда надо было садиться за стол завтракать или обедать, они её как почётную гостью сажали, понимаете? Отношение было хорошее, уважительное. Я думаю, что неуважения никто бы не потерпел».

В опубликованных воспоминаниях А.А. Манштейн-Ширинской Мария Аполлоновна Кульстрем – женщина, всегда очень строго одетая, «чёрная бархотка вокруг шеи, сложная причёска, не без помощи искусственных

добавлений, очень точная, она усаживалась перед работой, не теряя ни минуты. Она пользовалась у всех большим уважением»¹² (с. 237).

В своём интервью Александр Владимирович Плотто, описывая внешний вид своей бабушки, её сильный характер, глубокую религиозность и любовь к русскому языку, также создаёт яркий, выразительный образ одной из выдающихся женщин Эскадры:

«Бабушка приходила с работы очень поздно, и она сразу ложилась, видно, очень уставала, потому что она продолжала работать до очень позднего возраста. Я говорю о годах, примерно, с моего четырёхлетнего возраста, то есть с 1924 года. И это уже была жизнь на суше...

Она очень всегда внимательно своей причёской занималась, у неё какие-то фальшивые букли были, которые придавали причёске пышность.... И у неё всегда – чтобы не было видно морщин на шее – был такой вроде бантик вокруг шеи, который держал её. И она очень скрупулёзно, хотя у нас не было ни ванны, ничего, она устраивалась так, чтобы мыться почти каждый день, потому что она слышала в молодости, что старики могут плохо пахнуть... Так что она очень внимательно следила за собой, и она держалась очень достойно. И это тем более было важно, что в свои годы она ходила там у всяких частных людей или в гостинице (это была одна из самых хороших гостиниц – апартаменты) гладила бельё, штопала носки, занималась другим рукоделием у различных людей. У неё своё время было отведено – каждая неделя у таких-то, у таких-то и таких-то. Великолечно помню, у неё были хорошие клиенты. И среди них был морской префект Бизерты, адмирал французский и другие...» (Из интервью с А.В. Плотто. Фонтене-су-Буа, Франция, осень 2008 г.).

«Бабушку часто оставляли заниматься с детьми. Так, я помню военных довольно высокого чина. Например, семью Февра Шалона, их квартира находилась под русской квартирной церковью (ещё до закладки в Бизерте храма Александра Невского), возможно, этим объяснялся их интерес ко все-

му русскому и приглашение в семью моей бабушки.

Другие клиенты – семья главы департамента рек и лесов Бизерты. Они приглашали только бабушку в своё имение заниматься детьми и домом. Это был великолепный дом, с конюшнями, и хозяева иногда очень эффектно катались по окрестностям Бизерты. А я познакомился в этом доме с... туалетной бумагой (в Бизерте русские для этих нужд пользовались газетами). Это было яркое впечатление! Это была шикарная аристократическая семья. И дом, и сад, за которым ухаживали многие садовники. Благодаря этому директору я начал изучать флот, потому что он очень интересовался французским флотом. И сам делал красивые миниатюры таких эскадр. С их трубами, орудиями, палубами. Это искусство. Я очень всё это полюбил...

Бабушка привела меня и в дом, где я узнал, что наши бизертские офицеры работали в Бельгийском Конго. Сам унтер-офицер Кериодан, человек очень простой, был женат на богатой бельгийке и долгое время жил в Брюсселе. Я предполагаю, что он знал адмирала Б.А. Вилькицкого¹³, который как гидрограф в 20-е годы отправлялся в Бельгийское Конго, чтобы подготовить систему грузовых перевозок по реке Конго, и искал квалифицированных инженеров. Здесь, в Бизерте, куда Кериодан был назначен на службу, он познакомился с нашими офицерами, знания которых могли очень пригодиться в Бельгийском Конго для постройки и оформления портов на реке Конго.

Так благодаря бабушке я знакомился с французской средой высокого уровня. Она была моим проводником во французскую элиту» (Из интервью с А.В. Плотто, Фонтене-су-Буа, Франция, март 2017 г.).

«Дома мы говорили по-французски (мать и отец, можно сказать, свободно говорили по-французски, и я никак не соглашался воспринимать русский язык). Это уже много позже я начал интересоваться. Но моя бабушка обращалась со мной по-русски, конечно. Но очень короткое время в течение дня, когда она возвращалась с работы. Вот

это объясняет, что по-русски я тогда мало практиковался, когда был мальчиком, и чтобы научить меня читать, мать, конечно, старалась: какие-то буквари были, так что она заставляла меня читать, и я так научился понемногу и потом немножко, даже позже, когда мне было, может, семь лет, я систематически должен был читать главу Евангелия Нового Завета. Так что я прочитал всё...»

Из интервью с А.В. Плотто, Фонтене-су-Буа, Франция, осень 2008 г.: «Церковь для меня была обязательное бремя, потому что моя бабушка была очень церковная. Она вообще и работала для церкви. Например, она убирала церковь, всё это делала... И она даже одно время варила обеды отцу Ионикию, который жил одинокий, и нужно его питать было. И бабушка, значит, варила для этого о. Ионикия, и я приносил ему еду в этой квартирной церкви. Это была квартира одного дома, где какие-то другие люди ещё жили. Это, значит, существовала одна такая большая комната, сзади неё была ещё одна маленькая комнатка с малюсенькой кухонькой, где жил этот о. Ионикий, и она выходила во двор, так меня таскала туда бабушка...».

Там же: «Бабушка для меня была очень авторитетна. Бабушка была занята, но всё-таки она кончала свою работу в конце дня, и она приходила, везде поспевала... Я уверен, что бабушка в церкви занималась. И вот я швабрил с ней вместе все подсвечники и все оклады, ризы и иконы, и тоже она всегда устраивала всякие украшения, мы делали цветы и всякие гирлянды из бумаги, и вот я, значит, вместе с ней этим занимался. Значит, такая церковная жизнь была, которая, с одной стороны, была обременительна из-за того, что меня заставляли это всё делать; с другой стороны, всё-таки всё это было очень как-то приятно.

Я помню, как в Страстной четверг, это после двенадцати евангелий, как мы выходили со свечами, и нужно было по всему городу с осторожностью держать эту свечку в каких-то там бумажных фонарях, чтобы донести её до дому и зажечь лампадку, которую потом нужно было всегда держать за-

жжённой после того, как её зажгли после всего этого шествия по всей Бизерте, потому что церковь была в одной стороне, а наша квартира была в центре Бизерты, около сквера, около базара. И все русские, которые там пришли, всем это было очень занятно, забавно, интересно видеть это шествие со всеми этими свечками...

Потом, позже я участвовал в закладке бизертской церкви. Потому что, как я уже говорил, с малых лет я там прислуживал ("Давай кадило!"). Так что это продолжалось...

И ещё одно воспоминание детское. Наверное, мне было немного больше трёх или четырёх лет, я великолепно запомнил, как иду за ручку с бабушкой, мы пошли на "Георгий" в церковь (ещё не было церкви, она была здесь, на корабле). Шли, значит, люди русские в воскресенье в церковь на "Георгий Победоносец". И я помню, так – для меня это было первое, хотя не скажу, что первое – потому что это было несознательное ещё такое (но несознательно, потому что я узнал это, когда я в Сергиевом Подворье слышал мужской хор в церкви) воспоминание. И я всегда помню церковное песнопение мужским хором в Сергиевом Подворье, которое, я уверен, было и на "Георгии Победоносце". И так было, пока не устроилось, пока эта Вера Евгеньевна не собрала свой хор. Этого я не могу точно сказать, но это такой осколок воспоминаний детства, который у меня остался, о том, что я где-то его в детстве слышал, и где-то, наверное, это отложилось, и я что-то в этом почувствовал, потому что потом меня это заставило – уже во Франции, в Гренобле: я сделался фанатиком церковного хора. Понимаете? Я регентом был церковного хора в Гренобле!

Бабушка, я уже говорил, много работала. Но она всегда, про неё можно сказать, что она всегда хотела держать своё достоинство. Она всё-таки себя считала самым главным человеком в Бизерте, потому что из чинов, которые были в Бизерте, самых высоких чинов – Беренса¹⁴ и Герасимова¹⁵ – уже в помине не было, они всё-таки очень быстро уехали из самой Бизерты. Так что у нас был

единственный такой адмиральского ранга – Ворожейкин¹⁶. Но Ворожейкин был контр-адмирал, а моя бабушка была жена генерал-лейтенанта, то есть, вице-адмирала. Так что всегда была борьба между Ворожейкиным и моей бабушкой: кто первый подойдёт к Кресту, когда кончается служба, понимаете? Потому что она – третьего класса, а он – только четвёртого...

Но она должна была поддерживать "свой ранг" во всех отношениях. И хотя у неё уже был возраст, она была ещё очень привлекательная, и у неё был поклонник – французский капитан, который обязательно хотел жениться на ней, понимаете? Но она не соглашалась, значит, её муж для неё остался богом навсегда...» (Из интервью с А.В. Плотто, Фонтене-су-Буа, Франция, осень 2008 г.).

Воспоминания, так или иначе посвящённые Евгении Сергеевне Плотто-Иловойской, создают образ чрезвычайно интересный, и в хрониках русской женской эмиграции в Тунисе он занимает далеко не последнее место.

«Фамилия мадам Плотто, дочери генерала Кульстрема, живёт ещё в памяти. Худенькая и слабенькая на вид, она обладала исключительной энергией. Чтобы воспитать двух детей, она давала до 17 получасовых уроков пианино. Каждый вечер и даже в воскресенье она играла в оркестре в кинематографе... В антрактах она засыпала на несколько минут на коврик за занавесью. Верёвочка, привязанная к щиколотке, давала возможность Петру Леонидовичу Афанасьеву, игравшему на скрипке, её будить, если, задерживаясь на тремоло, она засыпала над клавиатурой...» (с. 238).

«Худенькая, маленькая старушка с очень правильными чертами лица и большими, выразительными, когда-то голубыми глазами. Глядя на неё, с лёгкостью можно было представить, как красива она была в молодости... Даже в этом возрасте она была очень энергична»¹⁷.

Так рисуют в своих опубликованных воспоминаниях образ Евгении Сергеевны Плотто Анастасия Александровна Ман-

штейн-Ширинская и Лариса Богданова, врач-контрактант, много лет работавшая в Бизерте. В памяти её сына, Александра Владимировича Плотто, мама тоже – постоянно занятая женщина, на руках которой двое детей, которых она растит без мужа и которых нужно достойно – по меркам эмигрантской жизни – содержать и образовывать.

«Когда я был мальчиком, я днём был в школе, и когда я приходил домой, мама, которая давала уроки пианино, она убегала и бегала по частным урокам к школьникам, которые к тому времени освобождались от занятий в школе. Так что фактически мы мало встречались с мамой, когда я один приходил, она ещё не успевала меня увидеть, и то только иногда я находил записочку – поставить на грелку или что-то вроде, макароны или капусту, что-то на ужин, и я сам этим уже занимался. Так что я свою мать очень мало встречал...» (Из интервью с А.В. Плотто, Фонтене-су-Буа, Франция, осень 2008 г.).

Там же: «Читать Евангелие Нового Завета – то была инициатива матери, хотя мама не так уж принимала жизнь этой (с религиозным уклоном. – *Авт.*) школы. Во-первых, она была очень занята, потому что мой отец нас оставил, когда мне было семь с половиной лет, и она должна была зарабатывать. Тем более, у неё затруднения были: моя сестра всё время болела, и нужны были, конечно, лекарства, и потом посылали её в какой-то климаторий или санаторий, так что, конечно, забот у неё было очень много».

«На каникулы наша мама увозила нас с сестрой в специальные заведения для отдыха детей. Но мама могла платить только за сестру, чтобы оплатить моё пребывание, она должна была и здесь работать: стирать, мыть посуду...» (Из интервью с А.В. Плотто, Фонтене-су-Буа, Франция, март 2017 г.).

За годы жизни в Бизерте у Евгении Сергеевны как преподавателя музыки сложилось свое имя и авторитет. Вспоминает её ученик-бизертянин Робер Зитун¹⁸: «Мадам Плотто обладала огромным педагогическим талантом, причём не только стимулирующим к игре на пианино, но и прививающим вкус к музыке...

Сама она была членом маленькой колонии русских, которые покинули родину после революции. Многие из них были благородного происхождения, но жили так скромно, что это вызывало жалость. Некоторые были музыкантами, она также играла и преподавала музыку. Мадам Плотто жила в маленькой однокомнатной квартире в европейской части Бизерты. В углу комнаты висела икона. К ней приходили старые знакомые. Иногда я видел её в городе. Это была высокая худощавая женщина, и она всегда ездила на велосипеде. Для меня это была замечательная учительница, которой я обязан всем. Даже если я сейчас играю сонаты Моцарта и Гайдна, получаю от этого огромное удовольствие... Это её заслуга.

Я готовился к занятиям серьёзно, хотя у меня был очень небольшой талант и далеко не лучший слух. С мадам Плотто мои занятия были очень насыщенными, полноценными, что мне помогло очень быстро научиться играть трудные пьесы, которые я выучил почти интуитивно на базе простых законов сольфеджио. Базой для моего продвижения были лучшие классические произведения для пианино. Я вскоре узнал великих композиторов-классиков, но не только Баха, Моцарта, Бетховена, Гайдна, Генделя, но и Рамо и Куперена, а также романтиков – Шумана и Шопена.

Мадам Плотто умела не только стимулировать игру на пианино, но и прививать вкус к музыке. Так, она вводила в наш репертуар Дебюсси. И я сумел его полюбить. Это было первым шагом любви к современной классической музыке. Я также играл Альбениса, в музыке которого как будто бы слышался шорох пальм.

Мадам сама играла редко. Но часто садилась на место ученика, чтобы показать разницу в исполнении. Я как будто и сейчас вижу её тонкие руки и длинные пальцы, которые с такой выразительностью и виртуозностью скользили по клавишам. И как переходили с высоких регистров на низкие...

После трёх лет пианино, на котором я мог заниматься, исчезло, и я вынужден был

прекратить занятия с ней. Только иногда видел её в городе».

И еще один пример её профессиональной значимости в местном обществе: «Как-то маму пригласили в одну состоятельную еврейскую семью как профессора музыки. Пианино в доме не оказалось. Маму усадили за стол, предложили угощение, а потом заплатили за урок, которого так и не было...

Позже ей объяснили, что приглашали маму для того, чтобы соседи видели, как мадам профессор Плотто приходила заниматься музыкой с их дочерью, которая вскоре собиралась выйти замуж. В собственно музыке необходимости не было. Маме платили за её имя и авторитет. Здесь её имя было важнее её профессионального искусства. И так продолжалось где-то с месяц...» (Из интервью с А.В. Плотто, Фонтене-су-Буа, Франция, март 2017 г.).

«Жили мы – тогда я уже ходил в колледж – так: например, обедать она, конечно, не попевала, да она и не любила заниматься кухней, и мы столовались сначала у адмиральши Ворожейкиной, а потом у мадам Гильдебрандт (это капитан первого ранга, Гильдебрандт). Я, как только приходил из школы, сразу брал судки (такие специальные кастрюльки у нас были, которые ставились друг на друга), и я отправлялся за обедом, возвращался, немножко ел, а потом, когда я уходил, а мама возвращалась с уроков, у неё оставалось немножко времени, чтобы она ела...

Ну, это, конечно, было очень симпатично – Ворожейкина, потому что я старался объясняться с мадам Ворожейкиной Адельгундой Яковлевной, которая довольно плохо говорила по-русски, она очень смешно говорила по-русски, потому что она англичанка была, кажется, из острова Святой Елены, где Наполеон кончил жизнь. И потом, когда мы были с другими русскими детьми, мы всегда немножко издевались над ней...

Обычно к нам мало гостей приходило, потому что родители, мама занята была, так что, я говорю, даже по воскресениям и субботам мама подрабатывала и, наверное, соглашалась ещё что-то делать: продавать цве-

ты в одном месте, тоже стеречь каких-то младенцев или чего, когда люди уходили. Зарабатывать нужно было всё время, всё время работать! А когда она приходила домой, значит, надо было нами заниматься» (Из интервью с А.В. Плотто, Фонтене-су-Буа, Франция, осень 2008 г.).

Но уж если эти приёмы случались, то, как вспоминает Анастасия Александровна, сюда попасть было сложно: хозяйка принимала только близких друзей. Это был своеобразный местный русский бомонд: супруга севастопольского градоначальника, она в своё время принимала самого императора Николая II. «Прекрасная хозяйка, она умела принять каждого, как самого почётного гостя. Смотря на её простоту и заботу, невольно думалось о приёме в Севастополе Государя Императора... Теперь она принимала нас всё с тем же желанием угодить приглашённым...» (с. 239).

«Знаменательны были приготовления к Пасхе. Бабушка привыкла столько людей принимать в Севастополе, что куличи замешивались на 20 кг муки. Была такая огромная миска, и начиналось это действие с вечера пятницы или даже с чистого четверга. Яйца красились по строгому рецепту. И всякие добавки были в тесто. Она в булочной всё это покупала в Бизерте. Это получалось примерно 15 куличей. Месил это тесто я. Это был мучительно долгий процесс, и приправой к тесту был мой пот... Потом – расклад по формочкам из бывших консервных банок. В пятницу и субботу куличи пекли. Их носили в корзинах в соседнюю итальянскую пекарню. Потом, уже дома, их было нужно катать, чтобы они оставались красивыми цилиндрами. И уж затем всё это составлялось на столе. И в Светлое воскресенье шли гости. А вот самой пасхи не было! Только куличи и яйца. Для пасхи не было молока.

Гостей на Пасху было много, но все как-то приходили, выпивали, закусывали куличом и яйцами и уходили. Приходили следующие. Как-то никто особенно не задерживался – ведь столько было людей, которые хотели нанести пасхальный визит бабуш-

ке!» (Из интервью с А.В. Плотто, Фонтене-су-Буа, Франция, март 2017 г.).

Иначе было с частными приёмами. «Это когда шли, например, к бабушке Плотто, Марии Аполлоновне Кульстрем, там известно, что только друзья будут, квартирка маленькая, но будет прекрасно испечённый торт, и всё это будет очень тонко...» (Из интервью с А.А. Манштейн-Ширинской, Бизерта, Тунис, осень 2008 г.).

Из интервью с А.В. Плотто, Фонтене-су-Буа, Франция, осень 2008 г.:

«За уроками следила бабушка главным образом. Приходила, узнавала, закончили ли мы свои уроки. И я помню, что самый мой близкий друг-сосед (возле нашей квартиры был колбасный магазин, и их сын со мной учился) и я, мы вместе приготавливали уроки в заднем помещении от самого магазина, так что я великолепно помню, как мы делали свои письменные уроки, а через стекло я видел, как приготавливались колбасы: надевалась кишка на какую-то машину, и вылезали колбаса или там какие-то сосиски... Но я не помню, чтобы очень хотелось есть, было довольно всего. Я скажу даже, что я старался отказываться, а мама старалась всё нас пичкать, потому что моя сестра, я говорю, была плохого здоровья, и мама боялась страшно туберкулёза (тогда, в то время было очень страшно – туберкулёз). И она всё боялась, что Наташа будет туберкулёзной, у неё были лёгкие слабые, и, значит, её нужно было пичкать. И пичкать всякими способами. Для этого у нас дома была такая машинка, где закручивалось мясо, и чтобы сок мясной, и всякие такие штуки...»

«По какой-то причине мама считала, что мне нужно меньше купаться. Купался я по четверть часа по маминым часам. Не больше! С бабушкой же было иначе. Одета я в простую длинную рубашку, она плавала медленно и долго. И я с ней тоже» (Из интервью с А.В. Плотто, Фонтене-су-Буа, Франция, март 2017 г.).

«Практически всё, что мама зарабатывала, всё это шло на пищу, поэтому насчёт одежды, я вам скажу, что я одну новую одежду получил только, когда мне было, кажет-

ся, 16 лет. А то, что я одевал, это всё приходило через её учеников, которые знали, что у неё были затруднения, так что у неё среди учеников были всякие семьи, где были мальчики, все французы, французы, такие три или четыре мальчика. И я всё, все эти одежды от этих мальчиков получал. Так что я донашивал, донашивал, и первое моё, наконец (это был, кажется, костюм) новое было, когда мне исполнилось 17 лет. И то мне это сделали из какого-то сукна, которое было выдано или которое ещё пришло на эскадру. Тогда, значит, все люди с эскадры получали какой-то там рулон. Это было ещё несколько лет назад, когда моя бабушка очень всё берегла. Так что она всё это вытаскивала из своих сундуков, чтобы сшить мне этот костюм из сукна, которое у неё больше, чем десять лет береглось» (Из интервью с А.В. Плотто, Фонтене-су-Буа, Франция, осень 2008 г.).

«Мама и другие музыканты были тапёрами в немом кинематографе. Я знал всех служащих, и они все знали сына мадам Плотто. Поэтому я все фильмы пересмотрел, знал всех актёров немого кино и тогда уже начинавшегося звукового кино, всех комиков, Макса Линдера, Гарольда Ллойда, Рудольфо Валентино... Мне очень нравился фильм “Гарибальди”, который в звуковом варианте уже назывался “Империя”. Но, только начав учить в школе всемирную историю, я узнал, кто такой Гарибальди и почему этот фильм так популярен среди итальянской диаспоры» (Из интервью с А.В. Плотто, Фонтене-су-Буа, Франция, март 2017 г.).

«Значит, бабушка тянула меня в церковь, а мать толкала в музыку. Так что сначала она хотела учить меня на пианино, так как сама преподавала и была профессиональной пианисткой. Но так как для меня оставался облик, икона моего отца, который был виолончелистом, я хотел быть виолончелистом...

Для меня музыкальное образование и церковное пение в семье счастливо соединились. Так случилось, в Гренобле (уже мои дети подросли, у нас не было священника, и

там какой-то был хор, который только на одном напеве все гласы исполнял, они все на один лад всё делали) у нас появился один из Сербии, такой Гортинский, который хотел заняться хором и привлёк других молодых людей, которые там, в Гренобле были, чтобы составить хор. И он, значит, с ними там разрабатывал церковные песнопения, и это молодым понравилось. И среди этих молодых были мои сыновья, были и ещё всякие другие. И мне очень понравилось, что они тянутся в такое русское занятие...

И вот, моя русскость во многом была сохранена благодаря церковному хоровому пению...» (Из интервью с А.В. Плотто, Фонте-не-су-Буа, Франция, осень 2008 г.).

Из комментариев А.А. Манштейн-Ширинской к письму А.С. Нарышкиной-Иловайской к её сыну Ивану Иловайскому, Бизерта, Тунис, осень 2008 г.: «А Ваня женился потом на Евгении Сергеевне Иловайской, которая была разведена и была старше его. Она выходила замуж за Ваню под фамилией Плотто, все её звали “мадам Плотто”... Она давала (уроки) музыки и всё-таки приличнее зарабатывала, чем прислужой. Воспитала двух детей – Александра и Наташу (от первого брака). А когда они имели своё положение уже, она вышла замуж за Ваню. Ваня работал в «Travaux publics» шофёром грузовиков, принял французское гражданство (это тогда были французы здесь. Но французы ушли в 1956-м году, поэтому Ваня на последний год и должен был поехать во Францию, чтобы закончить свою карьеру водителем грузовика, получить пенсию). Жили они в домике – два маленьких домика были, купленные англичанами. В одном жили все животные, а в другом жила Евгения Сергеевна с Ваней. И в нём тоже были животные. Причём когда во дворе завелись крысы и они попадали в поставленные клетки, то Ваня с Евгенией Сергеевной носили эти клетки в поля, за город, и выпускали их там...

Что такое для меня настоящая культура? Что такое для меня пыль, про которую говорят: у Евгении Сергеевны на пианино стояли какие-то тарелочки с едой для собак, для кошек, коты там лазили... Про всякие пиа-

нино она забыла. И были маленькие эти две комнатки, где Бог знает, что происходило. Она от времени до времени брала целонедельную тарелку или что-то, подливала холодной воды в плохо сваренный рис, чтобы глотнуть... И при этом могла вам прочесть Расина, могла прочесть Дидро. И Ваня, который, будучи всё-таки по матери Нарышкиным, хорошо говорящим по-французски, но у которого никакого образования не было и который только говорил: вы спросите у Евгении Сергеевны, это она всё знает...

Они во Франции так и не жили. Ваня там несколько месяцев пробыл. А Евгения Сергеевна его здесь ждала, и он сюда вернулся. Евгения Сергеевна говорила, что никуда она из Бизерты не уедет и будет похоронена на бизертском кладбище. Но это так не вышло, потому что когда Ваня умер, она ещё жила, но она уже не могла одна жить. Она жила даром в домике... Но потом она не смогла одна жить. Ей было уже за 90 лет, силы у неё не было, и дочка Наташа приехала и увезла её во Францию...».

Этих женщин застали в Бизерте и хорошо помнили представительницы следующего поколения.

Из интервью с Татьяной Ширинской-Аболен, младшей дочерью А.А. Манштейн-Ширинской, Бизерта, Тунис, осень 2009 г.:

«Из женщин первой эмиграции я хорошо помню Евгению Сергеевну Плотто. Я помню, что мне не очень хотелось заниматься музыкой, и я каждый раз смотрела в окно с надеждой, что она не придёт на урок... Она ездила по домам на велосипеде, и позже на таком мопед. И я помню, что когда она урок давала, она всегда грызла миндаль. И ещё я помню хорошо, что в субботу вечером мы часто к ним ужинать приходили. Я всегда только вместе с Иловайским её знала. А её мать (которая, кажется, не её мать) тогда ещё была жива. Мария Аполлоновна Кульстрем, она была её мачехой. Я её помню хорошо. Даже когда я приезжала сюда уже с моими детьми, которым было десять, может быть, лет, Евгения Сергеевна ещё здесь жила. Да, 1980-й год: они ещё здесь жили, и я помню их очень хорошо».

Из воспоминаний Зинаиды Г., советского врача, работавшей по контракту в Бизерте в 1970-е – 1980-е годы, ныне гражданки Туниса:

«...Вообще когда мы приехали сюда, в Бизерту, из белой эмиграции здесь оставались уже только Анастасия Александровна и мадам Иловайская Евгения Сергеевна. Когда я её в первый раз увидела – это тоже было в первые дни моей жизни в Бизерте – я шла на работу и вижу: навстречу мне на велосипеде едет высокая, худощавая старуха, седой волос, такой густой, так на ветру развеивается во все стороны. Я остановилась, как заворожённая: Боже, откуда здесь такая женщина? Это была какая-то магическая фигура! Я даже разволновалась: кто это может быть здесь такой? Ну, а потом, позже, я рассказала о ней Анастасии Александровне, и та мне сказала, что это – мадам Иловайская, что она окончила Институт благородных девиц (с золотой медалью), она рассказала мне, как Евгения Сергеевна поступила благородно со своим мужем, оставшись здесь одна со своими детьми, и что она играла в кинотеатре на фортепиано, чтобы прокормить детей, поднять и выучить, сколько она на себе всего этого потянула. И в то время она меня ей и представила.

Но, конечно, вот Евгения Сергеевна была уже немножко другая. Анастасия Александровна, в общем-то, если что и говорила, то очень осторожно и деликатно о Советском Союзе, обо всех суждениях на тот момент о нашем государстве. Мадам Иловайская же – нет. Она была очень эмоциональна и резка, не могла сдержаться...

Но при всём при том, что она была очень агрессивна как бы к стране, тому режиму и всем, она была приветлива и очень доброжелательна с нами. Вот это как-то даже не увязывалось. Кажется, если человек так настроен, он должен и ко всем, кто оттуда приходит, так относиться. Но, возможно, это ещё и через Ширинскую, Анастасия Александровна как-то амортизировала её агрессию. И она – очень милая женщина.

Она очень любила животных. Она жила тогда, в тот период времени, за счёт английского Общества защиты животных, которое выделяло ей какую-то пенсию за то, что она здесь ухаживала за животными. И на эти деньги она здесь жила. Она отказывалась от помощи своих детей, которые во Франции уже были хорошо устроены, и сын, и дочь. Она категорически отказывалась от всякой помощи, она не желала, чтобы они ей холодильник купили (в такую-то жару!), она ничего не желала. И она ещё пыталась – Анастасия Александровна мне рассказывала – всегда к празднику там, ещё к чему-то сама сделать им какой-то подарок. И конечно, жили они там. Я ещё застала её мужа, Ивана Иловайского, любителя булочек, она всё беспокоилась, есть ли у него чай и булочки. И ему ничего было не надо, только булочки и чай. И он был такой спокойный, такой какой-то умиротворённый, дремлющий кот. А она – нет. Это была сплошная энергия, движение. Она была очень такая жизнелюбивая, в ней было очень много энергии жизни, а в нём – нет. Дремлющий котик.

И там у них, конечно, было сложно жить, там было очень много котов и собак. Там был такой тяжёлый запах! Как они там жили, я не знаю, но она всё это очень любила и очень добросовестно всё это делала. И вот она всегда на велосипеде ездила, закупала для них какие-то продукты, чем их кормить. И вот на этом велосипеде – потом я её часто видела – такой и запомнила...»

* * *

Такие они – яркие, колоритные вкрапления социальной памяти рутинной эмигрантской повседневности, поведанной в автотекстах очевидцев, и одновременно живое воплощение пафоса обиденной жизни. И ещё это настоящий гимн нескончаемому женскому терпению на долгом и драматичном эмигрантском пути, духовному богатству, гражданскому достоинству и истинной православной культуре большинства русских эмигранток первой волны, молодых и старых, вышвырнутых революцией из своей страны к чужим берегам.

Примечания

¹ Исключение, пожалуй, представляет замечательное издание РАН «Африка глазами эмигрантов. Россияне на континенте в первой половине XX века», где наряду с весьма внушительным списком «действующих лиц "Русского Конго"», составленным Владимиром Рониным (он основан, прежде всего, на устных воспоминаниях многих десятков эмигрантов и их родственников, которые автор статьи записал в ряде европейских стран, США и Канаде, а также в России), собраны совершенно уникальные заметки женщин – жён русских эмигрантов, обосновавшихся в Африке – Зинаиды Шаховской и Марии Сазонович-Кожиной, детально описывающие африканскую повседневность, собственную и аборигенов. В известном объёме материалы о русских женщинах-эмигрантках в Тунисе представлены в сборнике «Русская колония в Тунисе» под редакцией К.В. Махрова. М., 2010. И, конечно, очередное переиздание – исправленное и дополненное новыми документами – книги А.А. Манштейн-Ширинской «Бизерта. Последняя стоянка». М., 2012, а также в серии воспоминаний П.П. Шереметевой-де Мазьер, изданных в последние годы в Марокко – P. de Mazieres. Histoires de Russes au Maroc.

² Во вступительной статье к сборнику «Русская колония в Тунисе. 1920-2000» его составитель К.В. Махров, ссылаясь, в свою очередь, на «Записку о состоянии Русской Эскадры» Н.Р. Гутана, называет цифру 5849 человек, к которой прибавляется ещё 499 человек, прибывших зимой 1921 г. на «Цесаревиче Георгии». Всего 6388 человек (подробнее см.: «Русская колония в Тунисе. 1920-2000». М., 2008. С. 11–12). В своём исследовании «Русские в Тунисе. Судьба эмиграции "первой волны"» (М., 2008. С. 46) М. Панова ограничивается приблизительной цифрой в 6000 человек.

³ Первые цифры – данные А.В. Плотто (из личного архива А.В. Плотто, не опубликовано); вторые – К.В. Махрова (Махров К.В. Русская колония в Тунисе. С. 12).

⁴ Из личного архива А.В. Плотто (не опубликовано).

⁵ См.: Kazdaghli, Habib. La communauté russe de Tunisie (1920-1956) // Rawafi: revue universitaire de Tunis. 1997. N3.

⁶ Спасский, Георгий. Письма о. Георгия из Африки // Африка глазами эмигрантов. С. 86.

⁷ Так, много констатирующей информации о женщинах – жёнах офицеров Эскадры можно найти в биографическом справочнике сборника К.В. Махрова «Русская колония в Тунисе», где, в основном, фиксируется их принадлежность к семьям, семейно-родственные связи, иногда род деятельности (подробнее см.: «Русская колония в Тунисе. 1920-2000». С. 235-480).

⁸ Greele, Ronald J. «Can Anyone Over Thirty Be Trusted?» A Friendly Critique of Oral History // Envelopes of Sound. The Art of Oral History // Eds. Ronald J. Greele with Studs Terkel [et al.]. 2nd ed., rev. and enl. New York, Praeger Publishers, 1991. P. 203.

⁹ Подробнее см.: Савкина И. Разговоры с зеркалом и зазеркалем. Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М., 2007. С. 43.

¹⁰ Строго говоря, Мария Аполлоновна Кульстрем не была Евгении Сергеевне матерью. Та рано скончалась, и отец женился на её сестре, Марии Аполлоновне, которая, будучи её теткой, стала затем мачехой Евгении Сергеевны.

¹¹ Так называла Анастасия Александровна Манштейн-Ширинская Александра Владимировича Плотто.

¹² Здесь и далее по тексту ссылки на книгу Анастасии Ширинской «Бизерта. Последняя стоянка», даются с указанием страниц по изданию 2003 года.

¹³ Вилькицкие – отец Андрей Ипполитович и сын Борис Андреевич – оба адмиралы. Борис Андреевич в 1918 г. возглавлял географическую экспедицию, изучавшую возможность транспортировки хлеба из Западной Сибири в Европейскую часть России. Затем работал в Англии, в различных морских компаниях. После чего уехал работать в Бельгийское Конго. Его именем назван пролив, соединяющий Карское море и море Лаптевых (подробнее см.: Plotto, Alexandre V. Au service du Pavillon de Saint-André. Biographies d'admiraux et la Marine Impériale Russe rédigées d'après les documents d'archives collationnés par A.E. Ioffé avec la collaboration de G. Gorokhoff et J. Ferrand. P., 1998. P. 391).

¹⁴ Беренс М.А. – контр-адмирал, участник обороны Порт-Артура, один из организаторов перехода Русской Эскадры в Бизерту, где был назначен командующим Русской Эскадры.

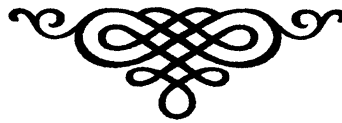
¹⁵ Герасимов А.М. – вице-адмирал, участник обороны Порт-Артура. Прибыл в Бизерту с Русской Эскадрой. Назначен директором Морского корпуса в Бизерте.

¹⁶ Ворожейкин С.Н. – контр-адмирал. Прибыл в Бизерту с Русской Эскадрой. Работал в Морском корпусе. После его закрытия в 1925 г. работал в Управлении Морских работ в Бизерте. Возглавлял Комитет по постройке храма-памятника кораблям Русской Эскадры.

¹⁷ См.: Автографы Бизерты. Дневники. Воспоминания. Размышления. М., 2013. С. 267.

¹⁸ *Zittoun, Robert*. Madame Plotto. Professeur de musique. Mercredi, 20 mai 2009. Mes musiques en Tunisie // <http://nostalgies-enseillees.bloodspot.com/2009/05/mes-musiques-en-robert-zittoun.html>

Д.Д. Васильев

ОТЕЧЕСТВЕННОЕ НАУЧНОЕ УЙГУРОВЕДЕНИЕ ПРОДОЛЖИЛО ТРАДИЦИЮ

23–26 октября 2016 г. в Звенигороде прошла Третья международная конференция по уйгуроведению (Third International Conference on Uyghur Studies). Она была организована по гранту РГНФ №16-01-14003 «Организация и проведение международной конференции “История и культура уйгуров”» (рук. проекта Д.Д. Васильев), при участии Института европейских, российских и евразийских исследований (Institute for European, Russian and Eurasian Studies, IERES) Школы международных отношений им. Ллойда Эллиотта (Elliott School of International Affairs), являющейся подразделением одного из крупнейших университетов США, Университета Джорджа Вашингтона (The George Washington University).

В подготовке и проведении конференции также приняли участие Институт востоковедения РАН, Российский государственный гуманитарный университет и Национально-культурное объединение уйгуров РФ.

Доклады представили более 60 учёных из РФ, США, Франции, Великобритании, Ирландии, Швейцарии, Турции, Казахстана, Австралии, Германии, Индии, Киргизстана, Таджикистана, Швеции и Тайваня. Российская делегация была представлена учёными из Института востоковедения РАН, Института Дальнего Востока РАН (Москва), Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург), Алтайской государственной педагогической академии (Барнаул). Проведение конференции в пансионате РАН «Звенигородский» было обеспечено за счёт гранта РГНФ, транспортные расходы участников обеспечивались американскими со-организаторами проекта.

Конференция была организована на высоком научном и техническом уровне – был подготовлен сборник тезисов докладов на русском и английском языках, обеспечена возможность презентаций, двусторонний

английско-русский перевод, а также перевод с уйгурского языка, который использовался в презентациях и культурной программе.

К открытию конференции был приурочен выпуск специального сборника статей по истории и культуре уйгуров, изданного в Казахстане.

Заседания проходили в течение трёх дней в 7 секциях:

1. Древняя и средневековая история и археология уйгуров.
2. Ислам в жизни населения Синьцзяна.
3. Экономика региона.
4. Образование. Воспитание. Идентичность.
5. История Синьцзяна в XX веке.
6. Антропология. Этнография уйгуров.
7. Филология и искусство уйгуров.

Тематика докладов охватывала историю Восточного Туркестана древнеуйгурского периода и различные аспекты истории, филологии, культуры и искусства современных уйгуров. Значительная часть представленных докладов была связана с исследованиями исторических источников и архивными изысканиями. Краткое описание именно этой части докладов и предлагается ниже.

Двайер Ариени, Эзиз Гюльнар, Абат Акбар (*Университет Канзаса, Канзас-сити, США*) в коллективно подготовленном сообщении «**Диагностика и лечение болезней в позднечагатайский период в бассейне реки Тарим**» доложили о первом этапе работы над проектом аннотирования тюркских рукописей из онлайн-коллекции Гуннара Ярринга (ATMO – Annotated Turki Manuscripts [from the Jarring Collection] Online). Цель работы – сделать эти и другие тексты позднего чагатайского периода доступными в Интернете для публичного пользования. К документам относятся изображения оригинальных рукописей вместе с их транскрипцией и транслитерацией. Некото-

рые рукописи снабжены переводом и комментариями. Так как в центре внимания проекта находятся практики исцеления, в данной презентации использованы недавно отсканированные рукописи из упомянутой коллекции с целью изучения общества бассейна реки Тарим через оценку роли целителей, а также веществ, инструментов и методов, которые они используют.

Тум Риан (*Университет Игнатия Лойолы, Новый Орлеан, США*) посвятил своё сообщение «**Уйгурской роли в связях между Индией и Китаем**». В докладе анализируется, как уйгуры передавали священную традицию суфиев Накшбандийа Муджаддийа от места зарождения учения в Индии через Восточный Туркестан (Синьцзян) и далее во внутренний Китай, таким образом реформируя формы ислама в Китае в XIX и XX вв. В работе это ещё не изученное явление исследуется при помощи четырёх ранее не введённых в научный оборот источников: это тюркская генеалогия XVIII в. из Яркенда, история Муджаддийа из Яркенда же, написанная на китайском языке, написанный на персидском языке Муджаддийский манускрипт XIX в. из Дунсянской мечети в Ганьсу и тюркская сильсила (*silsila*) из гробницы Салара в провинции Цинхай.

Тюркоязычные жители Восточного Туркестана, как известно, играли важную роль в формировании китайского ислама в XVII в., когда Афак-Ходжа и его отец обратили мусульман Ганьсу и Цинхая в свою версию накшбандийского суфизма, импортированного из Западного Туркестана. Тем не менее, в этом докладе показано, что влияние восточного тюркоязычного народа (позже поименованного уйгурами) на китайский ислам не закончилось с миссией Афака. Скорее всего, в XIX в. турки (уже «уйгуры») принесли муджаддийский ислам в Китай, на этот раз передавая эстафету из Индии, а не только из Западного Туркестана. В докладе были продемонстрированы документы, свидетельствующие о связях между уйгурами Синьцзяна и Хуэй – мусульманами внутреннего Китая, связях, и по сей день сохранённых сетью последователей Муджаддийа.

Александр Васильев (*ИВ РАН, Москва*) представил «**Документы о панисламистском движении в Синьцзяне в начале XX в.**» из российских архивов. Согласно его изысканиям, в последней четверти XIX – начале XX в. ситуация в Синьцзяне была объектом пристального внимания властей Российской империи. Ещё в период существования государства Якуб-бека и последующих переговоров с Китаем было принято решение об учреждении постоянного представительства России в Кашгаре. С 1882–1883 гг. и вплоть до распада Российской империи там активно действовало российское консульство. Религиозная ситуация в Кашгаре стала рассматриваться российским политическим руководством особенно пристально в связи с событиями Андижанского восстания 1898 г. Накануне восстания распространение идей панисламизма в регионе происходило в том числе и через давние традиционные связи Кашгара и Ферганы. В связи с этим в российских архивах сохранились донесения консулов, военных и гражданских чиновников о роли ислама в Кашгаре в начале XX в. Начиная с 1910 г. в Российской империи все материалы, имевшие отношение к пропаганде панисламизма, были выделены Департаментом полиции в отдельное делопроизводство – «Панисламизм». В числе сохранившихся там документов по распространению панисламизма в Центральной Азии информация из Кашгара занимает отдельное место. Накануне Первой мировой войны царское правительство опасалось и опосредованного проникновения турецкого влияния в регион через мусульман Синьцзяна.

Татьяна Котюкова (*Институт всеобщей истории РАН, Москва*) дала в своём докладе характеристику «**Таранчей (уйгуров) в оценках военного ведомства Российской империи**». 14 июня 1915 г. в Ставке под председательством императора состоялось заседание Совета министров, на котором было намечено начать привлекать к отбыванию натуральной воинской повинности ранее освобождённые от этого категории населения, в том числе уйгуров. Уй-

гуры (таранчи) составляли самостоятельную группу «инородческого населения» Туркестана. Однако дунган и таранчей в Военном министерстве рассматривали как нечто тождественное и окрестили «китайцами-мусульманами, бежавшими в Туркестан от гонений». Проживали они в Семиреченской области (38 тыс.), вели оседлое хозяйство и даже отличались некоторой зажиточностью. При переселении на территорию Российской империи в 1882 г. они приняли на себя обязательства нести все государственные повинности. 28 лет правительство об этом обязательстве не вспоминало, ожидая, пока они «окрепнут на местах». Основным положительным военным качеством таранчей Военное министерство считало «ненависть к китайцам», которую можно было недвусмысленно использовать в случае вооружённого конфликта с Китаем. Поэтому вывод при обсуждении законопроекта в 1915 г. был однозначным: «Теперь же распространить» на них воинскую повинность.

Доклад Дэвида Брофи (*Университет Сиднея, Сидней, Австралия*) «**Сирийский салафит в Китае: Шами Дамолла и мусульмане Синьцзяна**» был посвящён исследованию деятельности мусульманских проповедников в регионе в начале XX века. На основании источников автор представил собрание сведений о деятельности странствующего сирийского учёного-хадисоведа Саида ибн Мухаммад аль-Асали аль-Тарабульси (1870–1932?), или «Шами Дамолла», как его называли в Центральной Азии. Шами Дамолла известен советским исламоведом как влиятельная фигура в советском Туркестане 1920-х гг., однако малоизвестной остаётся его деятельность накануне революционных событий в России. Предстоит ещё многое выяснить о годах его становления как религиозного лидера и о длительности его пребывания в Синьцзяне. В докладе сделана попытка заполнить эти лакуны через отслеживание связей Шами Дамолла с салафитскими кругами в Индии и на Ближнем Востоке на фоне отношений между Османской империей и мусульманами Китая.

В заключение даётся анализ наследию Шами уже в республиканском Китае.

Вера Досовицкая (*ИВ РАН, Москва*) в своём сообщении охарактеризовала «**Политику Японии в Синьцзяне в 30-е гг. XX в.**», когда целью Японии стали масштабные завоевания в Восточной Азии, и, безусловно, эта политика не могла не привести к столкновению интересов великих держав в этом регионе. В 1931 г. Япония захватила территорию распавшейся в 1911 г. Цинской империи – Маньчжурию и намеревалась создать сеть марионеточных государств на границе с СССР. Маньчжоу-го в 1932–1945 гг. стала первым государством в этом звене. Чуть позднее во Внутренней Монголии также было организовано прояпонское государство Мэнцзян. Маньчжоу-го и Мэнцзян должны были служить военной, стратегической и промышленной базой для японской армии в случае войны с СССР. По некоторым данным, Япония не намеревалась ограничиться только Северо-Восточным Китаем и Внутренней Монголией. Существуют свидетельства и документы о том, что и Синьцзян, издавна известный своим природно-сырьевым богатством, был объектом пристального внимания японских властей.

Аблет Камалов (*Университет Туран и Институт востоковедения Комитета по науке Министерства образования и науки РК, Алматы, Казахстан*) подготовил историографическое сообщение о «**Написании истории Восточно-Туркестанской Республики (1944–1949) “снизу”: советская и местная перспективы в журнале “Иттипак”**».

История Восточно-Туркестанской Республики (ВТР), созданной на территории трёх округов Синьцзяна (Или, Алтай, Тарбагатай) в 1944–1949 гг., хорошо изучена на основе документов, созданных на языках «великих держав». Между тем исторические источники на местных языках остаются изученными недостаточно и привлекаются как материалы, лишь дополняющие наблюдения, сделанные на основе источников на китайском, русском и английском языках. В докладе был представлен анализ материа-

лов, опубликованных в уйгурском журнале «Иттипак» («Союз»), ставшим изданием местной политической организации «Союз защиты мира и демократии в Синьцзяне». Ей руководил фактический лидер ВТР Ахметжан Касыми, первый главный редактор журнала. Первый номер вышел в ноябре 1948 г. в Центре трёх округов – г. Кульдже; после 1950 г., с приходом к власти в Китае коммунистов, журнал стал издаваться в г. Урумчи, но очень быстро был закрыт.

Журнал «Иттипак» предоставлял место для дискуссии представителям местной интеллигенции по злободневным вопросам политической, социальной и интеллектуальной жизни провинции и местного населения. Анализ тематики статей в журнале выявляет очень сильное советское влияние, которое видно в подборе материалов, стиле репрезентации, равно как риторике дискуссий. Журнал также широко представлял читателям образцы литературы народов Центральной Азии – уйгуров, узбеков, казахов, каракалпаков и др.

Многие участники посвятили свои доклады истории и документам периода после Второй мировой войны и советско-китайским отношениям этого периода.

Валерий Бармин (*Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул*) сделал доклад **«О характере влияния повстанческого движения коренных народов Синьцзяна в 1944–1946 гг. на советско-китайские отношения»**. В докладе были освещены документы и свидетельства о восстании, результатом которого стало создание Временного правительства Восточно-Туркестанской республики во главе с религиозным авторитетом Алиханом-торе. К осени 1945 г. подразделения национально-освободительной армии ВТР совместно с партизанскими отрядами Тарбагатай и Алтая очистили эти округа от гоминдановских войск, и положение китайских властей в Синьцзяне стало критическим.

Восстание нашло всестороннюю поддержку со стороны СССР, который не только оказывал восставшим материальную, военно-техническую и инструкторскую по-

мощь, но и влиял на деятельность правительства ВТР. Успешное наступление национально-освободительной армии ВТР могло привести к падению гоминдановского правительства в провинции. Однако в конце лета 1945 г. СССР приостановил поставки оружия и боеприпасов армии ВТР и отозвал большую часть инструкторов.

Столь резкое изменение политической линии было вызвано тем, что 8 августа 1945 г. СССР вступил в войну против милитаристской Японии. 14 августа был подписан Договор о дружбе и союзе между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой. В день подписания министру иностранных дел Китая была вручена специальная нота, где заявлялось: «Советское правительство подтверждает, что оно... не имеет намерений вмешиваться во внутренние дела Китая». Это обстоятельство сделало нежелательным поддержку продолжения активных боевых действий армии ВТР на территории Синьцзяна. 14 сентября 1945 г. Вышинский и Берия подали на имя Сталина проект постановления ЦК ВКП(б) «О положении в Синьцзяне», где предлагалось заявить китайскому правительству о готовности советского руководства оказать «возможное содействие в урегулировании создавшегося в Синьцзяне положения на основе предоставления мусульманам автономии». К середине октября 1945 г. активная фаза повстанческого движения в революционных округах Синьцзяна завершилась.

Близкая тема была затронута **Вадимом Обуховым** (*Усть-Каменогорск, Казахстан*) **«Синьцзян и Атомный проект СССР»**. Начиная с 20 сентября 1942 г. на территории СССР начались поисковые, изыскательские и исследовательские работы по урановым месторождениям. В поле зрения геологоразведчиков и их «кураторов» из госбезопасности оказалась и китайская часть Центральной Азии с её радиоактивными и другими стратегическими подземными богатствами. Синьцзян оказался вовлечённым в этот проект.

12 ноября 1944 г. было официально провозглашено создание на части Синьцзяна

независимой Восточно-Туркестанской Республики. Началась активная добыча и вывоз полезных ископаемых для нужд СССР. Основные разработки стратегического сырья велись на территории Илийского, Алтайского и Тарбагатайского округов и обслуживались советскими инженерами, техниками и мастерами. И добыча руд, и их транспортировка и переработка, и создание атомной бомбы, и её испытание были жёстко привязаны к единственной мощной транспортной артерии с юга из Синьцзяна на север, в Советский Союз – реке Иртыш.

29 августа 1949 г. в СССР была испытана первая атомная бомба. 17 декабря 1949 г. Восточно-Туркестанская Республика фактически прекратила своё существование, было сформировано Синьцзянское провинциальное народное правительство. В соответствии с межгосударственным соглашением права и весь советский пай в смешанных АО «Совкитнефть» и «Совкитметалл» с 1 января 1955 г. были полностью переданы Китаю.

16 октября 1964 г. на полигоне Лоб-Нор в Синьцзяне было проведено первое испытание китайского атомного заряда. Так два крупных Атомных проекта – СССР и КНР – были реализованы с использованием стратегического сырья, добытого на территории Восточного Туркестана.

Набиджан Турсун (*независимый исследователь, Вашингтон, США*) привлёк внимание участников конференции к малоизвестной **«Истории уйгуров» А.Н. Бернштама в уйгурской историографии**. Российско-советские уйгуроведческие исследования были наиболее важным вкладом в общемировое изучение уйгуров, что сильно повлияло на формирование современной уйгурской историографии и укрепление современной уйгурской национальной идентичности. Одним из учёных, работавших в этой отрасли, был А.Н. Бернштам (1910–1956), который первым написал книгу под названием «О древней и средневековой истории уйгуров». Первоначально написанная на русском языке, она была опубликована на уйгурском языке арабской вязью в Алма-Ате в 1951 г. для распространения в Синь-

цзяне, специально для читателей-уйгуров. Но в итоге китайское и советское правительства приняли решение не допускать книгу к предназначенной ей читательской аудитории в Синьцзяне. Советское правительство прекратило её печатание, судьба всего тиража оригинальной русскоязычной книги до сих пор неизвестна. В библиографических публикациях научных трудов А.Н. Бернштама русская версия этой книги не была упомянута.

«История уйгуров» А.Н. Бернштама охватывала период древности вплоть до раннего средневековья. Он описал этническое происхождение и развитие уйгурской государственности в Синьцзяне/Восточном Туркестане. Бернштам отмечал, что предки уйгуров обитали и в других географических регионах Центральной Азии, а также утверждал, что они являлись коренным населением Восточного Туркестана/Синьцзяна и соседних регионов. 280 страниц книги Бернштама (редкий сохранившийся экземпляр, который автору доклада довелось увидеть в детстве) были посвящены политической, социальной и культурной истории Уйгурского каганата, Государства Турфано-Уйгурского идикута и государствам Караханидов.

Эмманюэль Сандрин (*Университет Огаста, Огаста, Джорджия, США*) предприняла попытку проанализировать процессы **«Создания и пропаганды идеалов Мао у молодёжи в Синьцзяне в 1960-е гг.»**. Коммунистические преобразования Синьцзяна в 1949 г. обеспечили полный политический и военный контроль над регионом. Но, как и в других частях «нового Китая», самая большая задача все ещё оставалась впереди – задача преобразования «старого общества» в новое, социалистическое. Коммунистическая партия Китая (КПК) намеревалась создать массивный аппарат пропаганды, чтобы перевоспитывать граждан КНР. КПК видела в китайской молодёжи наиболее перспективную силу для проведения процесса этих преобразований. Этот процесс имел ещё большее значение в приграничных районах – таких, как Синьцзян. В докладе были охарактеризованы методы

широкой пропагандистской кампании 1960-х гг. с целью создания согласованной и гомогенизированной молодёжной культуры в Синьцзяне. Не удивительно, что накануне Культурной революции государственный пропагандистский аппарат не только пытался привить там революционный дух, но и стремился добиться идеологически-культурной однородности среди молодёжи различных *minzu* (народностей) в Синьцзяне. Это была попытка создать национальное единство, сплочённость национальностей Китая (*minzu tuanjie*). В докладе фигурировали личные истории, опубликованные в газетах и журналах, показанные в фильмах и других агитационных произведениях искусства, распространявшихся в Синьцзяне в 1960-е гг.

Эркин Эмет (*Анкарский университет, Анкара, Турция*) предложил участникам конференции «**Общий обзор географических названий Восточного Туркестана**». Как известно, имя человека и название места представляют собой термины, которые тесно связаны друг с другом. Через называние места именем собственным одушевлённые или неодушевлённые объекты получают имена, или наоборот. Предварительная классификация уйгурских личных имён уже была разработана венгерским тюркологом Р. Ласло, и дальнейшее исследование можно проводить, опираясь на неё.

Когда общины селились на новых территориях, куда мигрировали или вторгались, они, как правило, соотносили обозначения таких мест с различными географическими объектами, а также географическими названиями тех мест, которые они знали на своей родине, или теми названиями, что давались в политических целях. Поэтому названия населённых пунктов, которые известны по местонахождению в различных частях внутренней территории Китая, начали в последние 70 лет появляться в Восточном Туркестане (Синьцзяне). Научных исследований по топонимике региона в Китае немного, и существующие работы о названиях мест крайне неполны. В докладе была предпринята попытка изложить характеристики и

формы описания, необходимые в исследованиях о географических названиях в Восточном Туркестане в прошлом и настоящем.

Ботагоз Ракишева (*Казахстанский институт стратегических исследований, Астана, Казахстан*) и **Светлана Кожирова** (*Евразийский Национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, Астана, Казахстан*) в своём докладе «**Уйгуры Казахстана: история миграционных волн**», подготовленном на основе анализа статистических данных за полуторавековой период, рассмотрели историю переселения уйгурского этноса из Западного Китая на территорию Семиречья Казахстана. Авторы выделяют несколько основных миграционных этапов: в 1881 г., после подписания Санкт-Петербургского договора и возвращения Илийского края Китаю; в 1960-е гг., после создания Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. Основное внимание уделяется положению уйгуров в современном Казахстане.

Уйгурское население Казахстана неоднородно. Это потомки мигрантов нескольких волн. Городские уйгуры, давно осевшие и адаптировавшиеся в крупных городах (Алматы, Шымкент), воспринявшие городскую культуру, в большинстве своём не знают уйгурского языка. Связи на этнической основе для них второстепенны, индивидуалистская стратегия поведения выше общинной, этнической.

Неоднородность уйгурской общины (сельские и городские жители, коренные жители и мигранты, компактно и дисперсно проживающие, организующиеся на этнической основе и дистанцирующиеся от национальной идеи, живущие в приграничной зоне и крупных городах) создаёт разные модели поведения, взаимодействия с государством и коренным этносом.

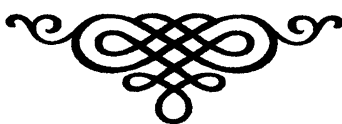
Джоан Смит Финли (*Ньюкаслский университет, Ньюкасл, Великобритания*) по результатам социологических исследований подготовила обзорный доклад «**Относительно уйгуров: публичное отстаивание взглядов и война полов в парижской уйгурской диаспоре**». Дважды в год в Париже издаётся сборник “Regard sur les

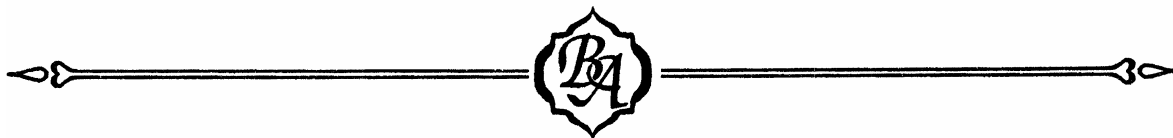

Ouighoures” («Взгляд на уйгуров») общественной организацией *Association des Etudiants Ouighours* (OGHOUZ). В то время как редакторы представляют его как “*révue apolitique et aréligieuse*”, обзор ранних выпусков опровергает это описание, предлагая более тонкую и вдумчивую интерпретацию. Оговоримся, что OGHOUZ действительно не агитирует за самоопределение, независимость или выступления за права человека для уйгуров на северо-западе Китая, что обычно характерно для эмигрантских организаций, базирующихся в Вашингтоне, Мюнхене и Турции. Тем не менее, журнал исследует различные виды «малых политик» с двумя целями: выступает за сохранение и высокую оценку уйгурского языка и культуры и поддержку уйгурского сообщества за рубежом. В докладе были рассмотрены некоторые из этих политических путей, которые варьируются от обсуждения названия «уйгурского региона» до элементарных уроков уйгурского языка для франкофонов; от сериализованного манга о жизни легендарного героя Садира Паллвана (Садира Храброго) до эссе о необходимости обеспечения передачи уйгурского языка будущим поколениям; от информативных историй из жизни уйгуров во Франции до публикаций «модернистской» уйгурской поэзии; от феминистских дискуссий в уйгурской среде до технологии изготовления лапши для лагмана.

Проведение уйгуроведческих конференций имеет традицию, заложенную ещё советскими учёными-тюркологами. Их фундаментальные и полевые исследования создали научную школу и подготовили специалистов, работавших в академических и университетских центрах РСФСР и союзных республик, где были созданы научные подразделения и институты уйгуроведения.

Первая Всесоюзная уйгуроведческая конференция состоялась в Алма-Ате в 1979 г., следующая, более масштабная Всесоюзная уйгуроведческая конференция прошла там же в 1991 г. После длительного перерыва эта тема была предложена исследовательской Центральноазиатской Программой Университета Дж. Вашингтона, благодаря которой состоялись две международные конференции. Активное участие в них принимали приглашённые организаторами российские учёные. Первая Международная уйгуроведческая конференция состоялась в Вашингтоне, США, 24–28 сентября 2014 г.; вторая Международная уйгуроведческая конференция – в Париже – Брюсселе (Франция – Бельгия), 17–20 октября 2015 г. Организаторы обратились к российским участникам с предложением провести совместно следующую международную конференцию в Москве. Это оказалось возможным после получения гранта РГНФ, и третья Международная уйгуроведческая конференция прошла в Звенигороде, под Москвой.

НАШИ АВТОРЫ

АНТОШИН Алексей Валерьевич – доктор исторических наук, профессор Уральского федерального университета (Екатеринбург). E-mail: alex_antoshin@mail.ru

БЕККИН Ренат Ирикович – доктор экономических наук, профессор РАН, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН. E-mail: bekkin@mail.ru

БЕЛЯКОВ Владимир Владимирович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: beliakov2007@yandex.ru. Сайт: www.belyakovv.com

БУХЕРТ Владимир Генрихович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Архива РАН. E-mail: buhert-1955@mail.ru

ВАСИЛЬЕВ Дмитрий Дмитриевич – кандидат исторических наук, профессор, заведующий Отделом истории Востока Института востоковедения РАН. E-mail: dmivas46@mail.ru

ЗАЙЦЕВ Илья Владимирович – доктор исторических наук, ВРИО директора ИНИОН РАН. E-mail: ilyaAugust@yandex.ru

КАДЫРБАЕВ Александр Шайдатович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: kadyr_50@mail.ru

КРЫЛОВА Наталья Леонидовна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Африки РАН. E-mail: krylovanl@yandex.ru

ЛАВРЕНОВА Ольга Александровна – доктор философских наук, и.о. ведущего научного сотрудника ИНИОН РАН. E-mail: olgalavr@mail.ru

СУХОВ Николай Вадимович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: soukhov@yandex.ru

ТИХОНОВ Юрий Николаевич – доктор исторических наук, профессор Липецкого государственного педагогического университета. E-mail: alfokdo@mail.ru

ХОХЛОВА Валентина Павловна – бывший научный сотрудник Института Африки РАН, в настоящее время на пенсии.

ШМИДТ Вальдемар – магистр истории, Университет Регенсбург, Германия. E-mail: wolodjaschmidt@gmx.de